ISSN 2073-5618

Переводчик

translator

Выпуск 20
2020

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

ISSN 2073-5618

ПЕРЕВОДЧИК

Научно-художественный журнал

Выпуск 20

Чита
ЗабГУ
2020

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор
*О. В. Стельмак***,** канд. филол. наук,
доцент кафедры европейских языков и лингводидактики ЗабГУ,
председатель Забайкальского регионального отделения Союза
переводчиков России

Редакционный совет
Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации, ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории, ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент, ЗабГУ

Редакционная коллегия
О. В. Ушникова, И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филинкова

П 27 **Переводчик :** научно-художественный журнал / Забайкальский государственный университет ; [главный редактор О. В. Стельмак]. – Чита : ЗабГУ, 2020. – Вып. 20. – 272 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящен славным страницам российской истории. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы...!!!».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18

© Забайкальский государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Ольга Стельмак. Журналу «Переводчик» 20 лет!..... 5

Николай Переяслов. Роль переводов поэзии в жизни народов……. 8

Ирина Ковалёва. Парадипломатический круг фестивального братства…….. 9

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Уильям Шекспир. Трагедия «Антоний и Клеопатра». Акт V. Предисловие, поэтический перевод-интерпретация с английского и послесловие Ашота Сагратяна….. 15

Перси Биши Шелли. Ода Западному ветру. Предисловие и перевод с английского Андрея Щетникова……..... 32

Английская миниатюрная поэзия. Джон Хейвуд. Эпиграммы. Вступительное слово и перевод с английского Евгения Фельдмана…….. 35

Гомбожавын Менд-ооёо. Лирика. Вступительное слово и перевод с монгольского Виктора Балдоржиева……... 41

Владимир Бабрашев. «Но как же сердцу этот мир хорош». Предисловие и перевод с алтайского Николая Переяслова…… 50

Фадли Зон. Поэзия. Предисловие и перевод с индонезийского Надежды Осьмининой……. 53

Современная американская поэзия. Сюзанна Карлсон. Лирика. Вступительное слово и перевод с английского Иды Замирской……. 56

Матея Матевский. Стихи. Вступительное слово и перевод с македонского Ольги Панькиной…….. 59

Мирослав Валек. Поэзия. Предисловие и перевод со словацкого Наталии Шведовой…….. 65

Фернанду Кабрита. Вступительная статья «Что такое дом» и перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой…… 74

Милица Бакрач. Теодор Крижка. Лирика. Предисловие, переводы с сербского и словацкого Ивана Белокрылова……. 82

Рената Цыган. Стихи. Предисловие и перевод с польского Аллы Чучиной…….. 87

Михаил Ю. Лермонтов. Поэма «Мцыри» (части 18-23). Перевод с русского на английский язык Екатерины Коржовой……. 90

Элен Мария Хантингтон Гейтс. Лирика. Перевод предисловия к сборнику **“**Marble House” Элен Г. Баркер и лирики с английского Ольги Стельмак…… 97

Кристина Джорджина Россетти. Лирика. Вступительное слово и перевод с английского Валентины Брилёвой …… 103

Вольтер. Трагедия «Гербы, или Терпимость». Действия IV, V. Перевод с французского и послесловие Майи Квятковской…….. 106

Проза

Современная фарерская женская проза. Лидия Дидриксен. Новеллы «Морозная роза», «Кровь». **Марьюн уй Кальвалуй.** Новелла «Никудышняя». Предисловие и перевод с фарерского Ольги Маркеловой…….. 140

Роберт Луис Стивенсон. Лоренс Стерн. **Оскар Уайльд.** Миллионер-натурщик. Вступление «Туманный Альбион: Классики улыбаются» и перевод с английского Евгении Славороссовой…….. 150

Гвидо Гоцциано. Сказки. Предисловие и перевод с итальянского Леонида Зимана…… 156

АМЕРИКАНА

Рудольфо Анайя. Рождественские фаролитос. Предисловие Татьяны Воронченко. Перевод с английского Татьяны Воронченко, Марии Воронченко……... 172

Мэри Хантер Остин. Маленький городок Виноградных Лоз. Перевод с английского Екатерины Фёдоровой……. 180

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Юлия Ермакова. Предпереводческий анализ поэтического текста…… 186

Вадим Кокорин. О некоторых трудностях перевода неологизмов, функционирующих в современных СМИ КНР……. 190

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

Петр Чекалов. Переводы ранней лирики Керима Мхце: обретения и потери…… 194

Николай Воропаев. Мы живём словами…… 206

Анна Булдыгерова. Особенности перевода в специальной отрасли: туристические термины в современном китайском языке……. 214

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

Эдмон Котто. «Путешествие из Парижа в Японию». Глава VII. Перевод с французского Николая Епишкина……... 220

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Ирэн Фрэн.. «Я последую за тобой в Сибирь». Глава VII. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади…… 228

УГОЛОК ПОЭТОВ

Ирина Фещенко-Скворцова. Лирика. ……... 240

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ…!!!

XXV Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2020…… 246

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Загадки, поговорки и пословицы на ингерманландском языке. Предисловие и перевод с ингерманландского Элеоноры Панкратовой……. 254

Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова……... 257

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистика……. 263

Сведения об авторах…….. 264

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

Общероссийская общественная организация «СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

Россия, 111124, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 507
тел./факс +7 (495) 925-03-77 эл. почта org@rutrans.org

ЖУРНАЛУ «ПЕРЕВОДЧИК» 20 ЛЕТ!

Дорогие друзья! Нашему журналу «Переводчик» в 2020 году исполняется 20 лет. Немалый срок! За это время он действительно стал многоязычным – опубликованы сотни переводов с 38 языков мира. Среди них и такие довольно редкие, как абазинский, фарерский, русинский, галисийский, каталанский, мальтийский, индонезийский. Наши авторы-переводчики – жители России и многих зарубежных стран: Великобритании, Германии, Исландии, Италии, КНР, Монголии, Польши, Португалии, США, Мексики, Армении, Казахстана, Молдовы, Украины, Финляндии и др. Предметом особой гордости является тот факт, что многие переводы современной и даже классической поэзии и прозы опубликованы впервые именно в нашем журнале.

В 2009 году «Переводчик» получил международный серийный номер (*англ*. International Standard Serial Number[1]) ISSN – 2073-5618. Наше издание – лауреат первого краевого фестиваля «Забайкальская книга» (2009/2010).

Свой вклад в становление и развитие журнала внесли многие российские и зарубежные писатели, переводчики, ученые, вузовские преподаватели и краеведы. Среди них те, кто удостоен самых высоких и престижных наград и знаков отличия.

С первых шагов своего существования «Переводчик» ощущал внимание и поддержку первого Президента СПР, блестящего переводчика с французского, Леонида Ошеровича Гуревича, который был удостоен Золотой Пушкинской медали. В своем приветствии в связи с выходом десятого

[1] ISSN – уникальный номер, позволяющий идентифицировать любое периодическое издание независимо от того, где оно издано. (Прим. ред.).

выпуска журнала в 2010 году, он писал: «*За эти годы журнал превратился в авторитетное профессиональное издание, в котором охотно печатаются как местные, «родные» авторы, так и «приблудные», одним из которых считаю за честь быть и я сам».* В его переводе с французского на страницах журнала публиковались Бальзак, Ришелье, Маиссё.

С 2002 года с «Переводчиком» сотрудничает известный забайкальский писатель Борис Макаров. Переводы бурятской лирики, которыми он занимается уже почти 40 лет, знакомят русскоязычных читателей с лучшими творениями прекрасной степной Аги. Другой талантливый забайкальский писатель, переводчик с бурятского и монгольского языков – Виктор Балдоржиев много лет представляет в журнале не только поэзию, но и прозу, приобщая нас к безыскусной искренности, мудрости и задушевности настоящих коренных степняков. Удостоен Золотой Пушкинской медали.

Своими для нас давно уже стали и столичные писатели-переводчики, которые волею судеб в какой-то период жизни были связаны с Забайкальем.

Среди самых преданных и постоянных авторов журнала (с 2006 г.) и наш земляк Иван Белокрылов – человек широкой русской души, который всегда с теплотой вспоминает о своей малой Родине (род. в пос. Акатуй). Благодаря Ивану Белокрылову читателям стали доступны образцы классической и современной европейской поэзии в переводе с венгерского, словацкого, сербского, русинского, мальтийского, хорватского языков. Лауреат Большой премии литературного фонда им. Милана Фюшта Венгерской академии наук.

Еще один «земляк», сотрудничеством с которым гордится «Переводчик», – Николай Переяслов, председатель Совета по переводу Союза писателей России, лауреат нескольких литературных премий, в том числе и Большой литературной премии России. Николай Переяслов некоторое время жил и работал в Забайкалье. Опубликованы его переводы с вьетнамского, грузинского, татарского и алтайского языков.

Большим другом и пропагандистом «Переводчика» на протяжении целого ряда лет был Ашот Сагратян (Москва). В нашем издании в разделе «В копилку переводчика» опубликованы многие из его очень лаконичных, но необычайно ярких и образных статей в русле психологии творчества и перевода. Начиная с 2014 года, мы публикуем отрывки из поэтических переводов-переложений Сагратяна шекспировских трагедий с английского языка. Удостоен Золотой Пушкинской медали.

С 2009 года в обойме творческого коллектива авторов «Переводчика» находится и Евгений Фельдман (Омск) – один из самых известных и ярких переводчиков современной России, лауреат многих престижных наград, в частности, Бунинской премии в номинации «Искусство перевода».

На страницах журнала в его переводе опубликованы произведения Бёрнса, Киплинга, Сервиса, Гея, Уибли, Хейвуда и многих др.

Норвежскую, исландскую, фарерскую литературу представляет «могучая кучка» в лице московских переводчиков Элеоноры Панкратовой и Ольги Маркеловой, а также Натальи Демидовой (Исландия).

Журнал «Переводчик» многим обязан Ирине Ковалёвой, благодаря стараниям которой мы познакомились с блестящими образцами классической и современной европейской поэзии. С легкой руки Ирины (лауреат Большой премии литературного фонда им. Милана Фюшта Венгерской академии наук) и Ивана Белокрылова о нашем журнале узнали и стали его авторами немало других столичных переводчиков.

Нельзя не упомянуть и о петербуржцах – профессиональных переводчиках Владимире Васильеве и Майе Квятковской. Их переводы – искусство в самом высоком смысле этого слова! Мы гордимся тем, что трагедия «Гебры» Вольтера, ранее нигде не публиковавшаяся в России, в переводе Майи Квятковской впервые увидела свет именно в нашем издании.

Упомянем еще об одном важном разделе журнала – «Американа», ред. которого является д. филол. наук, проф. Татьяна Воронченко. За два десятка лет существования журнала перед нами прошла практически вся её Школа. Переводы литературоведческих статей, интервью с писателями, отрывки из художественных произведений демонстрируют широчайший диапазон научных интересов руководителя и её когорты молодых исследователей. Имена Рудольфо Анайи, Н. Скотта Момадэя, Алехандро Моралеса, В. Эрнандеса Круса и многих других демонстрируют яркую этническую картину мира в произведениях современных писателей США.

Представление о нашем издании было бы не полным без упоминания о разделе «Земля Даурская». В нём публикуются переводы статей, очерков, путевых заметок о нашем замечательном крае учёных-исследователей, краеведов, путешественников. Читатели знакомятся с бесценными реликвиями прошлого благодаря забайкальским переводчикам Татьяне Сухановой, Олегу Терёшину, Николаю Епишкину, Ольги Ушниковой, Ирины Бобровой и др.

На протяжении многих лет читателей «Переводчика» радует раздел «Эпистолярное наследие декабристов», автором и редактором которого является Людмила Эмирзиади. В её авторских статьях и переводах с французского – портреты образованнейших людей, олицетворявших честь и совесть Российского государства почти 200 лет назад, для которых наш суровый и прекрасный край стал местом ссылки и проверки характера.

В настоящее время вокруг «Переводчика» сплотился творческий коллектив единомышленников, которые радеют об общем благородном деле, выполняя роль «золотого» связующего звена между языками, культурами и народами нашей планеты.

Гл. редактор Ольга Стельмак

РОЛЬ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ В ЖИЗНИ НАРОДОВ

Постперестроечные годы с их последующими жёсткими (и даже жестокими) реформами оказались ничуть не слабее разрушительной войны 1941–1945 годов, прокатившись по культурам республик вчерашнего Советского Союза и обрубив активно развивавшиеся ранее связи с литературами этих народов. В течение семидесятилетней советской эпохи Россия, кроме творчества своих собственных авторов, была щедро наполнена стихами поэтов Украины, Беларуси, Кавказа, Якутии, стран Средней Азии, Прибалтики и других народов мира. Но после распада бывшего СССР оборвались также и переводческие связи между поэтами этих республик и состояние поэзии братских народов покрылось для русских читателей тьмой и безвестностью. А между тем, и на Кавказе, и в Беларуси, и на Украине, и в других братских республиках поэзия все эти годы не умирала, и читатели России с радостью расхватывают появляющиеся время от времени в магазинах сборники переводов национальных и зарубежных авторов, выполненных современными переводчиками нашей страны. Это показывает, что поэтический обмен между братскими народами является одним из сильнейших факторов, способствующих сближению национальных республик с Россией, возвращая нас из категории проявившейся в послеперестроечные годы межнациональной вражды в состояние дружбы и сотрудничества.

Всё это говорит о том, что стихи – это не просто гармонично выстроенные в столбики слова, создающие запоминающиеся читателям художественные образы, но стихи – это тысячелетние дороги, по которым мы приходим друг к другу, это мосты, соединяющие различные народы и культуры, и сегодня эти мосты нуждаются в неотложном ремонте. Прокладывать и восстанавливать их – значит, служить делу соединения культур и народов, работать на прекращение межэтнического и межнационального непонимания. Более важной задачи для поэзии на сегодняшний день, наверное, нельзя и найти, о чём я и предлагаю высказаться тем современным российским поэтам, которые любят стихи национальных и зарубежных авторов и переводят их на поэтический русский язык.

Председатель Совета по переводу Союза писателей России
Николай Переяслов

ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КРУГ ФЕСТИВАЛЬНОГО БРАТСТВА

Современная мировая культура носит фестивальный характер. В условиях международного фестиваля стираются границы между государствами и (не в последнюю очередь благодаря переводчикам) между языками, в результате чего формируется единое общекультурное пространство, исчезают предубеждения и отчуждение между представителями творческой интеллигенции разных стран, рождаются новые произведения, выходят международные литературные альманахи, возникают совместные издательские проекты.

Когда после распада СССР распался и единый для всех Союз писателей, разрушились прежние культурные связи, а возможности для контактов поэтов и переводчиков из разных стран сократились (не будем забывать, что до 1991 года издательством «Прогресс» при мощной государственной поддержке осуществлялась масштабная работа по переводу на русский язык и распространению наиболее ярких произведений зарубежной художественной литературы и отечественной поэзии и прозы – на другие языки), именно фестивальное движение пришло на смену писательским съездам и совещаниям советского периода, создав творческие площадки для неформального и независимого общения авторов художественных текстов и переводчиков.

Связи между первыми и вторыми на постсоветском пространстве стали выстраиваться преимущественно по горизонтали, потому что исчезла государственно-издательская вертикаль. Отказавшись от идеологической составляющей, государство утратило заинтересованность в переводе политически и морально-нравственно «правильной» литературы и перестало финансировать переводческие проекты, что, безусловно, повысило степень свободы переводчика в выборе произведения, но привело к обесцениванию его труда и престижа профессии и, как следствие, к снижению качества как самих переводов, так и литературы, предлагаемой для этой цели издателями в условиях рыночной экономики, где прибыль приносят детективы, эротические романы и прочие «низкие» литературные жанры, а у поэзии практически нет шанса быть переведенной и изданной.

Такой шанс у высоких жанров художественной литературы появляется лишь при наличии спонсорской или федеральной поддержки. Примером успешного переводческого проекта подобного рода может служить 10-томная антология славянской поэзии XX–XXI столетий «Из века в век», издаваемая в течение 20 лет поэтом и переводчиком Сергеем Гловюком при содействии Министерства культуры и массовых коммуникаций России и Федерального агентства по культуре и кинематографии. Сближению поэтов и переводчиков России и других стран способствовал и возникший на

основе этой поэтической серии фестиваль славянской поэзии «Поющие письмена». Приуроченный ко Дню славянской письменности и культуры, он уже больше 10 лет проходит в Твери, Коломне и Москве.

А что же Союз переводчиков России (СПР)? Казалось бы, у крупнейшего в стране профессионального объединения переводчиков с 50 региональными отделениями от Санкт-Петербурга до Владивостока и от Архангельска до Севастополя не может не быть своего международного литературного фестиваля! Тем более что СПР и возник-то в 1991 году по инициативе переводчиков художественной литературы, трудившихся в том самом знаменитом «Прогрессе» и преподававших в московском инязе – Институте иностранных языков имени Мориса Тореза.

К отцу-основателю и бессменному президенту СПР Леониду Ошеровичу Гуревичу мы с Иваном Белокрыловым и нашей дочерью Дарьей (докторантом Генуэзского университета и преподавателем русского языка как иностранного на курсах при Русском доме искусств в Генуе) обратились со своей фестивальной идеей около 5 лет назад. Гуревич её одобрил и поддержал. Решено было принять Русский дом в Генуе в состав СПР и на его базе под эгидой нашего Союза и других заинтересованных творческих организаций проводить ежегодный Международный фестиваль искусств «Генуэзский маяк». Для придания легитимности нашим действиям Леонид Ошерович в 2016 году ввел нас с Иваном в состав правления СПР.

Первый фестиваль состоялся в Лигурии осенью 2016 года и оставил настолько яркий след, что уже в следующем, 2017 году привлек в Геную Дни Москвы, никогда раньше в этом городе не проводившиеся. Организованные столичным правительством при поддержке местных властей, они прошли поистине грандиозно: с экономическим форумом, конференцией соотечественников, фотовыставкой, уличными выступлениями юных оркестранток столичного кадетского корпуса и концертом в театре Карло Феличе Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы» под управлением Владимира Спивакова.

В рамках этого же фестиваля заслуженная артистка России Наталья Бондарчук открыла при Русском доме искусств кинотеатральную школу для детей из двуязычных семей, а законодательница русского стиля в мировой моде Елена Пелевина провела в англиканской церкви города Алассио грандиозное дефиле при участии русских и итальянских девушек.

Не будучи профессиональными моделями, они стали участницами невероятного спектакля, в котором сами костюмы через свои архитектурные детали и монументальные картины на шелке рассказывали о храме Василия Блаженного, соборах Кремля и других памятниках московского зодчества. Музыкально-литературные вечера и встречи с читателями прошли по всей Лигурии, а в последующие годы к фестивальным мероприятиям подключился и Пьемонт.

Но вернемся в 2017 год: в конце августа у «Генуэзского маяка», опять-таки под эгидой СПР, появился кубанский побратим – Международный фестиваль «Степная лира», который теперь каждый сентябрь проводится в станице Новопокровской Краснодарского края. Место выбрано неслучайно: это моя малая родина, куда приезжаю, чтобы выступить перед земляками. Услышав о «Генуэзском маяке», тогдашний глава районной администрации А. Н. Сотников воскликнул: «А чем мы хуже итальянцев? Давайте и у нас проводить международный фестиваль!»

«Зачем же устраивать два фестиваля?» – спросите вы. Чтобы, с одной стороны, познакомить соотечественников за рубежом и всех, кто интересуется нашей культурой, с лучшими её представителями и их произведениями (тут открывается непаханое поле для работы переводчика). А с другой стороны, чтобы зарубежным деятелям искусства показывать неизвестную Россию во всем великолепии её природных красот и творческого потенциала. Ведь если до Москвы и Санкт-Петербурга иностранцы еще как-то добираются, то Краснодарский край, как выяснилось, – это терра инкогнита не только для зарубежных, но и для большинства московских коллег по литературному цеху. Друзья по СПР, кстати, горячо поддержали оба фестиваля и стали их постоянными участниками.

Видели бы вы, что творится в социальных сетях примерно за месяц до начала каждого фестиваля, когда уже в общих чертах определяется круг его участников, билеты на поезд или самолет куплены и люди из разных стран начинают знакомиться друг с другом на фейсбуке, обмениваться стихами и тут же переводить их на родной язык – узбекский, словацкий, белорусский, азербайджанский, русинский… Не будь этих фестивалей, сколько великолепных стихов, вдохновленных новыми впечатлениями, не было бы написано, сколько прекрасных произведений так и не дождалось бы своего перевода, сколько творческих и дружеских связей не смогло бы завязаться… Даже журнал «Переводчик» обеднел бы публикациями: выходившие на его страницах переводы стихов польской поэтессы Ренаты Цыган и словацкого поэта Теодора Крижки – тоже ведь результат нашего фестивального «улова».

К каждому «Генуэзскому маяку» издаётся буклет с программой мероприятия, биографиями и произведениями участников, а к «Степной лире» – большой альманах со статьями, стихами, прозой и переводами гостей фестиваля. В трех его выпусках опубликованы произведения писателей из 18 стран: Армении, Белоруссии, Великобритании, Германии, Италии, Македонии, Молдавии, Польши, Сербии, России, Румынии, Словакии, Узбекистана, Украины, Франции, Швейцарии, Черногории…

В прошлом году на обоих фестивалях (соответственного в буклете и альманахе) были представлены переводы на македонский язык стихов министра иностранных дел России Сергея Лаврова, выполненные известным русистом Чедомиром Цветановским. Он приезжал на «Степную лиру»,

чтобы представить свой переводческий проект, а мы с Иваном Белокрыловым писали экспертное заключение и предисловие к будущему двуязычному сборнику Сергея Лаврова: таким образом, министр иностранных дел России оказался виртуальным участником «Лиры» и «Маяка».

Надо сказать, что при оформлении приглашений иностранным гостям «Степной лиры» для получения гуманитарных виз мы на протяжении трех лет работаем в тесном контакте с соответствующими подразделениями Министерства иностранных дел России, а фестиваль в Генуе проходит под патронажем Генерального консульства РФ и поддерживается Домом соотечественника при правительстве Москвы, на сайте которого регулярно публикуются материалы о «Генуэзском маяке» и других наших инициативах.

Получается, что наша семья на добровольных началах, без всякого финансирования (выделенная в прошлом году правительством Москвы субсидия на «Генуэзский маяк» до адресата пока так и не дошла), а даже, наоборот, с невосполнимыми для скромного домашнего бюджета потерями, в течение 5 лет работает в качестве оргкомитета двух ежегодных международных фестивалей.

«Лира» длится 3-5 дней в сентябре, «Маяк» – около двух недель в конце октября – начале ноября, но и во все остальные месяцы межкультурная и гуманитарная деятельность не прерывается ни на минуту. Инициатива, которая задумывалась как один, а потом и другой международный фестиваль, со временем превратилась в постоянно действующий парадипломатический проект, за осуществление которого в конце прошлого года мы с Дарьей были удостоены довольно редкой и дорогой для нас награды – звания послов мира и доброй воли от итальянского города Каманья Монферрато.

Мало того, что Каманья стала одним из постоянных мест проведения «Генуэзского маяка». Представители этого города теперь участвуют и в «Степной лире», потому что по нашей доброй воле Каманья побраталась со станицей Новопокровской.

Заключение договора о дружбе и сотрудничестве произошло на фестивале «Степная лира», а потом уже на «Генуэзском маяке» подписали ответную побратимскую клятву в Каманье. Момент поистине исторический: никогда еще ни одна кубанская ли, донская ли, ставропольская ли станица не браталась ни с одним населенным пунктом за рубежом. Да и ни один итальянский город доныне не клялся в братской верности ни одной станице. Первоначально она возводилась как пограничная, линейная, но ведь дружеские и культурные связи не знают границ, а значит, благодаря реализации идеи побратимства еще одной разделительной линией в мире стало меньше.

2019 год, завершившийся братанием Каманьи с Новопокровкой, начинался с побратимства двух больниц – Научно-практического центра

медпомощи детям имени В. Ф. Войно-Ясенецкого в Москве и госпиталя имени Святых Антония и Биаджио и Чезаре Арриго в Алессандрии, в структуре которого функционирует старейшее в Италии педиатрическое подразделение.

Примечательно, что этот медицинский проект родился из культурного. Идея подружить два крупнейших многопрофильных педиатрических центра возникла в ноябре 2018 года во время визита в Алессандрию участников Третьего международного фестиваля «Генуэзский маяк». В ходе встреч затронули и медицинскую тему. Она пришлась по адресу: ведь художественный руководитель фестиваля – поэт и переводчик Иван Белокрылов – работает специалистом по связям с общественностью в НПЦ медпомощи детям, да и я, по первой специальности детский невролог, всегда рада содействовать сотрудничеству в медицинской сфере.

Межбольничная инициатива нашла горячую поддержку у мэра Алессандрии Джанфранко Куттика ди Ревильяско, назвавшего ее международным проектом года. Основные направления сотрудничества двух медицинских центров наметили 3 января на нашей встрече с руководством госпиталя. А уже в апреле его представители приехали с докладами на Международную научную конференцию в НПЦ. Здесь же открылась выставка руководителя фотографического отдела Исторического музея Сергея Милицкого с видами Алессандрии, снятыми при её посещении участниками «Генуэзского маяка» в тот самый день, когда зародилась идея соединить между собой две детские больницы.

А затем уже московские врачи нанесли ответный визит коллегам из Италии для заключения договора о сотрудничестве в Международный день науки 1 июля 2019 года. Организованная нами фотовыставка тоже переехала из Москвы в Алессандрию. Дополненная снимками Красной площади и другими видами российской столицы, а также фоторепортажем об участии итальянских специалистов в научной конференции в НПЦ, экспозиция открылась при большом стечении итальянской публики в атриуме городской библиотеки, которую любил посещать знаменитый уроженец Алессандрии Умберто Эко. Культурное событие широко освещалось на радио, телевидении и в печатных изданиях. На открытии выставки прозвучали написанные участниками фестиваля стихи об Алессандрии в переводе на итальянский язык.

Примечательно, что фотовернисаж заработал 10 июня 2019 года в промежутке между двумя государственными праздниками – Днем Республики в Италии 2 июня и Днем России 12 июня, символизируя тесные дружеские связи между нашими странами. А подписание договора между клиниками состоялось накануне визита в Италию президента России В. В. Путина, который подчеркнул, что наши народы связывают особые отношения. Это действительно так.

Недаром же во времена СССР Италию называли шестнадцатой союзной республикой. Местная компартия, активно поддерживаемая из Советского Союза, традиционно завоевывала большинство в парламенте. Чуть ли не каждый второй здесь учил русский язык, читал Толстого, Достоевского и Булгакова. А если пойти еще дальше вглубь веков, в эпоху Екатерины Второй, остается лишь удивляться той безоглядной страсти, с которой итальянцы уже тогда влюблялись в Россию.

Маркиз Стефано Риварола, будущий губернатор Генуи, именем которого назван один из ее районов, провел в Петербурге 2 года в качестве посланника и отчаянно искал способ остаться здесь навсегда. Он сказал о нашей Родине прекрасные слова: «Все здесь дышит величием, славой, восторгом». Пост губернатора Генуи занимал и другой русский итальянец – Филиппо Паулуччи. Он свободно говорил по-русски – представлялся Филиппом Осиповичем. Паулуччи был русским генералом, героем Кавказских войн, но впал в немилость у Николая Первого после того, как написал записку об освобождении крепостных крестьян, которую царь счел несвоевременной.

А вспомним Суворова, назначенного в 1777 году командующим Кубанским корпусом. За три месяца пребывания на Кубани он организовал систему кордонов и укреплений, сделав линию обороны неприступной для кочевников. Венцом его карьеры стал Итальянский поход, в ходе которого Александр Васильевич за 4 месяца – с конца апреля по август 1799 года – освободил от войск Наполеона всю Северную Италию, включая Лигурию и Пьемонт, и получил за эту победу титул князя Италийского.

От суворовского линейного кордона на берегу реки Еи на территории нынешнего Новопокровского района – места проведения фестиваля «Степная лира» – пролегла дорога к холмам побратимской Каманьи Монферрато, переходящим в те самые Альпы, которые Суворову пришлось пересечь после итальянских побед. На этих же холмах плечом к плечу сражались с фашистами итальянские и русские партизаны, чьим совместным гимном стала «Катюша». Где-то неподалеку, в местечке под названием Канталупо, 2 февраля 1945 года погиб Герой Советского Союза и Итальянской республики Федор Полетаев. Его памяти мы посвящаем V Международный фестиваль искусств «Генуэзский маяк» в 2020 году.

Ирина Ковалёва, руководитель секции художественного перевода СПР, президент фестивалей «Генуэзский маяк» и «Степная лира», посол мира и доброй воли от Каманьи Монферрато (Италия)

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

Предисловие

Шекспир удавом жизнь свивает в кольца. Хрустят привычных представлений кости глазами удивлений из орбит.

Любовь Антония и Клеопатры под колесо фортуны угодила. Хребет достоинства ещё не перебит, но что-то в них болит уже, болит. Пусть оба и желанны, и любимы, в них языки страстей несовместимы. Но искренности в них мужает сила. Спуская ход вещей на тормозах, Шекспир унять им помогает страх. Неверность нервы свёртывает в свиток для умопомрачительных попыток себя в себе уравновесить. Уму и чувствам как держаться вместе? Переживаний взлёт утяжеляет мысли. В известном роде то претит любви природе.

Нить тишины подтачивает время, раскачанное выдохом и вздохом, чтоб эхом отдавалась и эпоха.

Что наше сердце? Утлая ладья. А в ней бы место для второго «я»! Когда любовь в тебе растворена, она в ладье же обретёт себя. Бушует же любви вулкан во все века. Кровь молодит порыв самоотдачи. Сокровище любви всегда – тепло. Угасла Клеопатра в стоне – мой Антоний! А он, предвидя свой конец, сам отдал за любовь побед венец!

От искр бесперебойных пререканий Шекспир разводит благости костёр, ведя неторопливый разговор с хранителем событий неминучих. Шекспир искусству благородства учит.

Шекспир любви порывами грешит. В интригах он раскрыться не спешит, сдвигая горизонты ожиданий. Его воображенья древо находит место в тайниках души.

Шекспир-алхимик золота не ищет: вчера – богач, сегодня – нищий. Он чувств и мыслей открывает взвесь, чтоб в человеке человек воскрес.

Ашот Сагратян

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Трагедия в пяти актах

АКТ V

Сцена 1.

Лагерь Цезаря под Александрией. Входят Цезарь, Агриппа, Долабелла, Меценат, Галл, Прокулей и другие.

Ц е з а р ь
Ступай-ка, Долабелла, убеди, чтоб сдался сам. Он сокрушён и глупо упираться.

Д о л а б е л л а
Иду и рад стараться.

Уходит.

Входит Дерцет с обнажённым мечом Антония.

Ц е з а р ь
Ты кто таков, с мечом представ пред нами?

Д е р ц е т
Зовут меня Дерцет. Антонию служил я много лет. Пока он был в зените славы, я все его веленья исполнял. Средь верных слуг он выделял меня. В борьбе с его врагами был суров. Пришёл теперь под твой проситься кров. Прими на службу или жизнь возьми…

Ц е з а р ь
Из слов твоих что должен я понять?

Д е р ц е т
Пришёл тебе сказать – Антоний умер.

Ц е з а р ь
Полмира б сотряслось от этой вести! Земля бы содрогнулась в миг един. Львы б разбежались из своих пустынь. В себе ли ты?! Антоний чтоб скончался?!

Д е р ц е т
Не от руки наёмника он пал. Как и не стал он жертвой палача. От своего он погибал меча. Вот он. Антония он кровью обагрён.

Ц е з а р ь
Друзья, вы опечалены не зря. И да простят мне эту слабость боги! Кто б этой вестью не был бы растроган?!

А г р и п п а
Не странно ли, мороз по коже: скорбеть по том, кто мог быть изничтожен?

М е ц е н а т
Пусть умер он, подсказывает совесть – с пороками его признать и доблесть.

А г р и п п а
На свете выше духом не знавал. Да боги рьяно всех наделяют хоть каким изъяном. Ведь люди мы, ну как иначе? А Цезарь что-то мрачен.

М е ц е н а т
Он в зеркале его величья с собою разглядел отличья.

Ц е з а р ь
К такой кончине я тебя подвиг, Антоний! Себя кромсать век учимся мы сами. Был на двоих сей мир избывно тесен. Чтоб мне рыдать – его оставил ты. Во мне твоих всех доблестей черты. Ты мне соратник был и друг, и брат. Уходу твоему, увы, не рад. Что развело нас время, я грущу. Союз наш тесный был сращеньем чувств. Но не сейчас… *(входит вестник*) С чем он явился, я хотел бы знать? Я вижу нечто у него в глазах.

В е с т н и к
К тебе я от египетской царицы. Владычица моя, уйдя в гробницу, ждёт участи своей, решающего слова, чтоб знать – к чему ей быть готовой?

Ц е з а р ь
Ей передай – не стоит духом падать. К ней будет скоро от меня посланец. В глазах моих царицею останется. И передай, чтоб не переживала: жестокосердным быть мне не пристало.

В е с т н и к
Богами да храним ты будешь век!

Ц е з а р ь
Ступай к ней, Прокулей. Ты – человек, который ей внушит, что унижений опасаться ей не стоит. Уйми её утешными словами. И пусть себя не смеет убивать, триумфа в Риме, чтоб не омрачать. Одной ногою здесь, другою – там. Разведай всё, потом доложишь нам.

П р о к у л е й
Всё, Цезарь, принесу к твоим стопам.

Уходит.

Ц е з а р ь
Гаал, ты за ним. Где Долабелла? За Прокулеем он поспел бы.

А г р и п п а и М е ц е н а т
Эй, Долабелла! Где ты, Долабелла?

Ц е з а р ь
Не надо звать. Его я отрядил, он будет скоро. Пока же, в мой шатёр! Там я откроюсь вам, как против воли я втянут был Антонием в войну. Поймёте, что за линию я гнул…

Уходят.

Сцена 2.

Александрия. Царская гробница. Клеопатра, Хармиана и Ира.

К л е о п а т р а
Отчаяние сил мне придаёт – принять судьбы удары. А Цезарь над судьбой своей не властен. Он раб её. Та рвёт его на части. Величье в том, что исполнимо нами. Случайности скуют теченье бед. В превратностях судьбы её ответ. И в долгий сон – бежать житейской грязи. Кто Цезарь, кто – бедняк, не разберут никак.

Входят Прокулей и Галл. С ними воины.

П р о к у л е й
Поклон тебе от Цезаря, царица. Он знать желает, отчего в гробнице? Ты знаешь, верно, что просить вольна.

К л е о п а т р а
Зовёшься как ты?

П р о к у л е й
Прокулеем.

К л е о п а т р а
Мне имя называл твоё Антоний. И он тебе довериться велел. Обманами уже закалена, Египту я царицею нужна. Правителем пускай признает сына. За то пред ним паду я на колени.

П р о к у л е й
Судьбу вверяя царственной особе, в деяниях подвоха не ищи. Позволь сказать, что для тебя он щит. А тех, кто и колени преклоняет, он щедрыми дарами осыпает.

К л е о п а т р а
Достойно передай, что я ему раба. Признайся – на величие слаба. Покорности с утра беру уроки – его узрети царственное око.

П р о к у л е й
Всё – слово в слово – постараюсь передать. А Цезарь наш умеет сострадать.

Г а л л
Её мы взяли голыми руками. *(Прокулей с двумя воинами возникает за спиной у Клеопатры. Другие воины, взломав засовы, проникают в гробницу)* До Цезаря прибытия стеречь.

Уходит.

И р а
Ты угодила в западню, царица.

Х а р м и а н а
Как видно, Цезарь та ещё лисица.

К л е о п а т р а *(выхватывая кинжал)*
Рука моя, прошу тебя, не дрогни!

П р о к у л е й
Не делай этого, царица! Мы здесь – помочь тебе смириться. *(Прокулей выбивает из руки её кинжал)*

К л е о п а т р а
Мученья не даёте мне прервать?

П р о к у л е й
Тебе никак не можно умирать! Чтоб славу Цезаря марать самоубийством?

К л е о п а т р а
Он воевал с Антонием нечисто.

П р о к у л е й
Того уже и вспоминать не стоит.

К л е о п а т р а
О, смерть моя, и где ты заблудилась? Приди ко мне: вкусней не сыщешь пищи. Царицы плоть не хуже плоти нищих.

П р о к у л е й
Своей кончины миг не торопи.

К л е о п а т р а
Тогда ни есть не буду я, ни пить. Не стану спать. Я стану тихо, молча умирать. И Цезарь в этом помешать не волен. Не увидать ему меня в неволе. Октавии, бессмысленной пустышке, меня глазами наглыми не выжечь. Скорее потону я в водах Нила иль в вязкой тине обрету могилу. Я превращу себя в такую падаль, что поискать вторую будет надо. В цепях висеть не грех на пирамидах… Во мне такая вызрела обида!

П р о к у л е й
Виденьями себя напрасно хлещешь. На свете есть куда важнее вещи. Ты свой напрасно проклинаешь рок: к тебе не будет Цезарь так жесток.

Входит Долабелла

Д о л а б е л л а *(к Прокулею)*
О том, что здесь стряслось, у Цезаря отчёт. Посторожу. А он тебя зовёт.

П р о к у л е й
Как не идти, коль требует к себе? *(к Долабелле*) Будь с нею ласков. *(к Клеопатре)* Что Цезарю желаешь передать?

К л е о п а т р а
Желаю умереть – скажи.

Прокулей и воины уходят.

Д о л а б е л л а
Царица обо мне слыхала?

К л е о п а т р а
Желанием едва ль таким пылала.

Д о л а б е л л а
Всего скорее знаешь про меня.

К л е о п а т р а
Знакомых с незнакомыми равнять – и смех, и грех. Как понимаю, ты один из тех, что снам детей и женщин, с годами доверяет меньше.

Д о л а б е л л а
Откуда знать мне, как толкуют сны?

К л е о п а т р а
Антоний Кесарем явился мне во сне. Такой бы человек приснился мне!

Не возражаю, коль тебе угодно…

К л е о п а т р а
И он предстал таким мне солнцеликим, что вкруг земли свершал свой путь великий…

Д о л а б е л л а
О чём ты, о, великая царица!

К л е о п а т р а
Он на своей победной колеснице моря и океаны попирал. Была рука, подъятая для грома, небесным сферам издревле знакома. Прекрасный шлем венчал его чело. Его к друзьям по небесам несло. Общался с недругами зло. Зимы его не знала доброта. По осени он был всегда в плодах. Его дельфины возносить любили. Они одною с ним стихией жили. Царей имел всегда на побегушках. Монетами сорил и множил сушу…

Д о л а б е л л а
О, Клеопатра!

К л е о п а т р а
Средь смертных не встречал приснившегося мне?

Д о л а б е л л а
Не мог бы и на склоне дней…

К л е о п а т р а
Что лжёшь безбожно, знают даже боги. Не мог не встать он на твоей дороге. Все сновидения собою превзошёл. Сработан был природой хорошо. А сотворив Антония, природа фантазии прибавила и ходу.

Д о л а б е л л а
Египта бесподобная царица, с твоей утратой вряд ли что сравнится. Не по тебе он, скорби этой груз! Тебе и я сочувствую, клянусь. От горя твоего куда мне деться? Такого не выдерживает сердце.

К л е о п а т р а
Твоим словам я бесконечно верю. Как Цезарь поступить со мной намерен?

Д о л а б е л л а
Сказать тебе – язык не повернётся.

И всё же… Знать о том неймётся.

Д о л а б е л л а
Хоть Цезарь благородством и кичится…

К л е о п а т р а
Чего, скажи мне, он не постыдится?

Д о л а б е л л а
Влачить победно за своею колесницей. Об этом мне доподлинно известно.

Гудят трубы, взвиваются возгласы: – Дорогу Цезарю! Входят Цезарь, Галл, Прокулей, Меценат и другие.

Ц е з а р ь
Кого зовут египетской царицей?

Д о л а б е л л а *(к Клеопатре)*
Перед тобою римский Цезарь.

Клеопатра преклоняет перед ним колени.

Ц е з а р ь
Не стоит преклонять колена предо мной, царица!

К л е о п а т р а
Велят нам боги победителем гордиться. Властитель мира да не взыщет строго.

Ц е з а р ь
Урон, что был тобою нанесён, к случайностям он нами отнесён.

К л е о п а т р а
О, триумвир! Оправдываясь слабо, молю меня простить: я только баба.

Ц е з а р ь
Нам, Клеопатра, не позор твой нужен. Мы здесь – тебе сердечно сострадать. Пусть интересов кругозор твой сужен. Антонию не стоит подражать. Не стоит выставлять меня жестоким: дурные чадам преподашь уроки. Благоразумна будешь и тиха – ты и меня избавишь от греха. Проститься мне с тобой на сём позволь.

К л е о п а т р а
Земли властитель, тут уж ты уволь! Когда, куда ступать, ты всюду волен. Здесь всё твоё и мы – твои трофеи. Где скажешь, там нам и висеть. Другого и желать не сметь.

Ц е з а р ь
Сама будь в помощь мне в общенье с Клеопатрой.

К л е о п а т р а
Здесь перечень всего, чем прежде я владела. И мне отныне до того нет дела. Всему, что есть, указана цена. Селевк, ты где и где твоя казна?

Входит Селевк.

С е л е в к
Я здесь, звала меня царица?

К л е о п а т р а
Под страхом смерти казначей моих сокровищ здесь озвучит список. Не стоила б утайка риска.

С е л е в к
Мне лучше запечатайте уста, чтоб лгать не стал.

К л е о п а т р а
По-твоему я что-то утаила?

С е л е в к
Да всё, что здесь, на то ты б и купила.

К л е о п а т р а
Ты оказал мне, Цезарь, честь визит нанесть, а тут – и срам, и стыд – презренный плут нас при тебе стыдит. А это, Цезарь, душит. Оставила по паре побрякушек. У римлянок они и не в цене, но мне, как память, нравятся оне. Для Ливии с Октавией зажала. Земля чтоб подо мною не дрожала. А тут нашёлся гнусный обличитель – перед тобой унизивший мучитель. – Прочь с глаз моих, да из Египта вон! Смолчал бы, будь мужчина он.

Ц е з а р ь
Ступай, Селевк.

Селевк уходит.

К л е о п а т р а
Властителей достоинство ронять завистников лихих умеет рать. Довольно трон поколебать под нами, как в грязь любви затаптывают знамя. Кто пожалел бы свергнутых сейчас! Где Божий глаз?!

Ц е з а р ь
Что в списке есть, чего там нет – оставь себе. То, ведай, мы к добыче не относим. Лишь об одном тебя сердечно просим – не возводи в душе своей темницы. Надумаешь, как нам с тобой общаться – и думами уже не смей терзаться. Не жалостью к тебе обуреваем. Что будем мы друзьями, оба знаем.

К л е о п а т р а
Властитель мой и повелитель часом!

Ц е з а р ь
Не так, не так! Теперь всё ясно.

Гудят трубы. Цезарь со свитой отбывает.

К л е о п а т р а
Как ловко заговаривает зубы! Меня же мною обессилить хочет. Всё, Хармиана, как бы между прочим. Сюда послушай. *(шепчет ей что-то на ухо)*

И р а
День на исходе, милая царица. Уже и тьма готова воцариться.

К л е о п а т р а *(к Хармиане)*
Иди и возвращайся поскорее. Распорядилась, всё уже готово. Ступай, поторопи.

Х а р м и а н а
Мне твоего довольно слова.

Входит Долабелла.

Д о л а б е л л а
А где царица?

Х а р м и а н а
Здесь таится.

Уходит.

К л е о п а т р а
Ты, Долаблла? Новенького что?

Д о л а б е л л а
Моя любовь к тебе – почти святыня. А посему спешу предупредить: в Рим Цезарь чрез сирийскую пойдёт пустыню. Вперёд себя тебя с детьми пошлёт. Так будь готова. Я тебе не лгу.

К л е о п а т р а
Я в неоплатном пред тобой долгу.

Д о л а б е л л а
Мне б в слугах у тебя ходить, царица. Но к Цезарю пора: могли хватиться.

К л е о п а т р а
Обязана тебе, прощай! *(Долабелла уходит)* Что скажешь, Ира? Подобно мне, пред публикою Рима ты будешь напоказ водима. И эта чернь нас будет грубо лапать. Дозволено ли будет нам поплакать?! А это не покажется ль им слишком? Нам в душу Рим дыхнет своей отрыжкой.

И р а
Неужто этот срам допустят боги?!

К л е о п а т р а
Для этой швали мы не недотроги. Они поднять нас могут на помост: разглядывать фигуру в полный рост. И это всё случиться может с нами. Коме-

диант, в Антония рядясь, пойдёт нести мне царственную грязь. И обзывать царицу потаскушкой. И эту мерзость мне придётся слушать.

И р а
Чтобы позора этого не знать, я выцарапаю себе глаза.

К л е о п а т р а
Чтобы оставить римлян в дураках, перебороть нам надо с вами страх. *(возвращается Хармиана)*. Пора меня царицей наряжать. К Антонию на встречу провожать, ту, что была на Кидне. Подай-ка золотую мне накидку. Ну и мою корону принеси. До Страшного суда потом гуляй без сил. *(Ира выходит)*. Что там за шум? *(входит один из стражей)* – К тебе какой-то поселянин. Тебе корзину с фигами принёс.

К л е о п а т р а
Впусти его. Что за вопрос? *(страж уходит)* Посредством жалких средств порой в нас пробуждаем вдруг герой. Сей человек дарует мне свободу. Жила нутру я женскому в угоду. Теперь же с головы до пят я твёрже мрамора. И от луны свой отвращаю взгляд. *(возвращается страж, ведя за собой поселянина с корзиной)*

С т р а ж
Вот он.

К л е о п а т р а
Оставь нас с ним наедине. *(страж уходит)* Ты, что, разжился нильской змейкой? И правда ль, что разит она без боли?

П о с е л я н и н
Она со мной. Будь крайне осторожна. Её довольно потревожить и в миг не избежать её укуса. Никто не воскресал пока.

К л е о п а т р а
А выжить вероятность велика?

П о с е л я н и н
Мрут от её укуса все подряд. Не просто аспид – настоящий гад.

К л е о п а т р а
Тогда оставь и уходи. *(поселянин ставит корзину на пол)*

П о с е л я н и н
Уход за змейкой постоянный нужен.

К л е о п а т р а
Ходить за ней тебя не будут хуже.

П о с е л я н и н
Кормя, не стоит змейку баловать.

К л е о п а т р а
Она, что, может и меня сожрать?

П о с е л я н и н
Я не простак тебе, красавица. Сам дьявол женщиной подавится. Коли её не дьявол изваял, она богов извечный идеал.

К л е о п а т р а
Благодарю тебя. Ступай. *(уходит. Возвращается Ира, неся порфиру и корону)*. Я в мантии желаю восседать, величия венце. Бессмертие – сплошных желаний цепь. Вино Египта утолит ли жажду? Скорее, Ира, ждёт меня Антоний. Решимости моей он рад безмерно. Над Цезарем смеётся он наверно. Как и над счастьем, что сгубило нас. Всё боги знают про урочный час. Супруг, к тебе иду! У мужества всегда избыток дум. Я вся огонь и воздух. Всё остальное – низшим силам. Вы справились уже? Придите и поцелуй прощальный мой примите. Прощайте. Хармиана, Ира. *(целует Иру, та падает и умирает).* Ужели с уст моих сочится яд? А если гаснет мгновенно взгляд, выходит, смерть – сама отрада? Так жалит лишь любовника щипок. Уйдя безмолвно, словно знать даёшь, что с миром сим без сожаленья рвёшь…

Х а р м и а н а
Дождём пролейся чёрным туча, чтоб мысль могла я допустить, что нас оплакивают боги.

К л е о п а т р а
Пора к Антонию, не то, меня опередив, ему вдруг Ира кинется на шею и он отдаст ей первый поцелуй, в котором он мне был всего дороже. *(поднимает змейку и прикладывает к груди)* Зубами острыми рассечь должна ты жизни узел. Ну, озлись! И оборви мне жизнь. Умей речить, ты Цезаря ослом бы обозвала.

Х а р м и а н а
О, звезда востока!

К л е о п а т р а
Тсс! Младенец грудь сосёт. К кормилице доверчивостью льнёт.

Х а р м и а н а
О, сердце! Как не разорвёшься?!

К л е о п а т р а
Как сладко нежно! Как легко, Антоний! Я просто обожаю это жало! *(прикладывает змейку к другой груди)* Утешь. И эта просит…

Умирает.

Х а р м и а н а
Что мы оставим в этом подлом мире? Царица, несравненная, прощай! Таких подарков смерть не получала! Очей живых захлопнулись оконца. Зашло Египта сказочное солнце! Корона покосилась? Поправимо. Могу ль судьбы такой пройти я мимо?!

Вбегают стражи.

П е р в ы й с т р а ж
Царица где?

Х а р м и а н а
Тсс! Не шуми. Будить её не надо.

П е р в ы й с т р а ж
Нам Цезарь привести её велел.

Х а р м и а н а
Как понимаешь, не поспел… *(прикладывает змейку к груди)* Куда, скажи, твоё девалось жало?!

П е р в ы й с т р а ж
Скорей ко мне! Обманут Цезарь.

В т о р о й с т р а ж
Тогда зови сюда посланца Долабеллу.

П е р в ы й с т р а ж
Ну как так можно было, Хармиана?

Х а р м и а н а
Поступок в духе Птолемеев, потомственных правителей Египта…

Умирает.

Входит Долабелла.

Д о л а б е л л а
Что здесь стряслось?

В т о р о й с т р а ж
Они мертвы.

Д о л а б е л л а
Дурные опасения сбылись. Не этого ль хотел ты, Цезарь, избежать? Да не успел им помешать. А вот и сам. *(за сценой возгласы: – «С дороги! Дорогу Цезарю!»)*

Входит Цезарь со свитой.

Д о л а б е л л а
О, повелитель! Ты в авгуры, наверно, записался. Сбылось, чего ты крайне опасался.

Ц е з а р ь
Намерения наши отгадав, ответила царица нам по-царски. Ушли из жизни как? Тут крови нет.

Д о л а б е л л а
Кто навещал их давеча последним?

П е р в ы й с т р а ж
Какой-то поселянин. Принёс им фиг в корзине.

Ц е з а р ь
Яд был запрятан в фигах.

П е р в ы й с т р а ж
Мой господин. Назад с минуту, она ещё была жива. Я с нею пообщался, с Хармианой. Потом пошёл озноб, он тронул лоб и тут она поникла.

Ц е з а р ь
Какая доблесть слабости присуща! От яда их давно бы разнесло. Царица спящей кажется назло. Уж не к Антонию ли мыслями несло?

Д о л а б е л л а
Кровинка на груди и на руке. Припухлость есть заметная при этом.

П е р в ы й с т р а ж
Тут аспида я вижу след за следом. Слизь и на фигах та же.

Ц е з а р ь
Одно с другим уже картину вяжет. Конец её вполне правдоподобен. И ведала, как возлежать во гробе. Велю тела прислужниц удалить. А им с Антонием лежать в одной гробнице. Блистательной чете пусть Рим дивится. Они же Цезареву славу вознесут: ведь это он вершил над ними суд. Мы смотром сил день похорон отметим. Ты, Долабелла, проследи за этим.

Уходят.

Поэтический перевод-интерпретация с английского
Ашота Сагратяна

Послесловие

Обретение Шекспира

Театр – культура вовлечения
зрителя в диалог со временем.
Ашот Сагратян

ДоКолумбова эпоха. ДоШекспирова пора.

Только ли вал географических открытий обрушился тогда на человечество?

Едва ли кто заметил, что с появлением «Гамлета», в недрах творчества Шекспира родилось принципиально новое философско-эстетическое течение. И хотя сам Шекспир никак его не обозначил, однако, название его вытекает из логики его энергетики – **to bizm**: эмпирическое проникновение во все сферы бытия. Омывая ход событий, несёт по волнам этого мощного течения и читателя со зрителем.

Всепожирающий огонь страстей человеческих, то выбиваясь на поверхность, то таясь в недрах недомолвок, ведёт нас за собой, распаляя живой интерес к происходящему.

Вряд ли кто возьмётся сформулировать суть **to bizma**. Явление сие, многогранное и всеобъемлющее, обладает магическим свойством – увлекать за собой. И не в этом ли главная из Шекспировых тайн?

Сегодня, когда Британия утратила едва ли все свои колонии, Шекспир, этот бесподобный алмаз в короне английской культуры, колонизировал умы чуть ли не по всему свету. По этой, может быть, причине сближать народы будет не язык английский: язык Шекспира мир объединит.

Сдаётся, воткни Шекспир свой страннический посох в благодатную почву и встанет там орешина. И одарит мир плодами, вскрыв скорлупку которых, мы обнаружим бесконечный мир извилин, кладезь страстей и пороков, погружающих в бесконечный мир раздумий.

Театр «Глобус», в котором начинал Шекспир, миссию свою в веках выполнил. На смену ему должен прийти театр нового типа – «Свет и тени Шекспира»: театр осмысления его наследия.

Дорогу к мировой известности проторили, прежде всего, трагедии Шекспира. А что она есть трагедия, если не драма личности, возведённая в ранг отчаяния? Помимо широко известных «Гамлета» и «Джульетты и Ромео», лучшее тому подтверждение – «Антоний и Клеопатра».

Неумолимо ведя нас к истокам жанра, Шекспир ещё и посвящает нас в его природу. Поэма ли о неуёмной страсти перед нами? Ей 27, ему под 40. И только ль урны для капризных слёз Клеопатры Антония глаза? Меж строк бежит ответами отточенный вопрос. Песочные часы ведут отсчёт событий и известных судеб.

Под шлемом и короной у Шекспира судьбы мира. Помпей с Антонием, два равно благородных, по чести кодексу живут. Оракул предостережений не про них…

Геракла сын, Антоний, был силён. Но в похоти теряет силы он. Стал запах женщины магическим дурманом, окутавшим дела его обманом. Над чувствами теряет он контроль. Его сознанье разрывает боль. Он надо всем, что можно, победитель, сердечных связей проклинает нити. Он, небо подпирающий Атл**а**с, теряет с Клеопатрой над собою власть. О, запах женщины! Магический магнит. К земле Египта он желаньями привит. Но в Риме он могучими корнями. Побед бессчётных знамя триумвира простёрто временам над третью мира… Но и его сбивают с курса «критические дни» царицы Клеопатры. Он прихотям их больно поддаётся.

И надо всем Фортуны колесо. Да и амурный воздух невесом. Теряет время почву под ногами. Над Цезарем довлеет тень позора. А в поцелуе Клеопатры яд. Ей Цезаря перешибить бы хищный взгляд.

Широкой кистью старой школы мастеров пейзаж усталости душевной писан. Шекспир анатомирует эпоху. Мелькают слуги, нет у них лиц**а**, но нравов лямку эти тащат до конца. Амбиций надувая паруса, Шекспир кого-то оправляет в небеса, и Страшный суд вершит над всеми сам, и заземляет чьи-то интересы. И тут, и там в умах мелькают бесы. К событиям он отношенья просит. Ответами отточены вопросы.

Градус обаяния пьес Шекспира доселе не измерен. А ведь он показатель здоровья нации. И, прежде всего, психического.

Вкушая варево из правд и лжи, на кухне чародейств Шекспир и ворожит. Прозреньями вскрывает времена. Нещадно обличает имена. Шекспир задворки века тоже чистит. В уме Шекспир не держит зёрна истин. А

вдруг чертополох из них полезет? Шекспир дарует людям только тезис. Клубок страстей он не разматывает скоро и держит в напряженье до упора.

Усталости душевной штрихпунктир наводит мысли на ориентир, на действий отправную точку. Он зеркала бездействующих лиц использует для эха. И сверх их – отраженье от доспехов. Превозмогая чувственность стыда, он с «я» вторым общается всегда. То – вогнутое зеркало интриги: отметить даже в ёрничанье сдвиги.

Наблюдения мои в первые были озвучены при публикации трагедии «Макбэт». Но это не просто возврат к теме. Это приглашение к дискуссии на поднятую тему.

Ашот Сагратян

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ (1792 – 1822)

От переводчика. «Ода западному ветру» Перси Биши Шелли – это одно из самых выдающихся произведений английского романтизма. Она написана в 1819 году, когда Шелли было 27 лет; в этом же году были написаны и шесть больших од Джона Китса. Сколько раз эта ода переводилась на русский язык, я не знаю; укажу на классический перевод Бориса Пастернака и на недавние переводы Вячеслава Чистякова и Игоря Вишневецкого. В мои намерения не входило соревноваться с кем бы то ни было, и я не хотел, чтобы чьи-то строки заняли при переводе место в моей голове; поэтому в чужие переводы я, можно сказать, почти не заглядывал. Браться сегодня за перевод поэтической классики – дело безнадёжное в том смысле, что, во-первых, всё давно и много раз переведено, канонизировано и издано, а во-вторых, кто сегодня будет читать такие стихи, будь то в оригинале или в переводе?

Мир меняется на наших глазах и изменится ещё сильнее; артефакты истории разложены по коробочкам своих склепов. Однако у переводчика есть свои причины браться за дело, и свои цели. Прежде всего, это твой личный и сокровенный контакт с миром поэзии; ты и есть самый внимательный и чуткий читатель и исходного стихотворения, и того, как ты его передал на своём языке. Если я ещё раз побываю в Риме (а я надеюсь там ещё не раз побывать) мне будет что прочитать на могиле Шелли, на некатолическом кладбище около пирамиды Цельса. Рядом с ним, в двух шагах, покоится прах Грегори Корсо, которого называли «Шелли из подворотни». Совсем недалеко на этом же кладбище лежит и Джон Китс. Так что я признаюсь откровенно: я перевожу всех троих (Корсо много, а Китса и Шелли по чуть-чуть), потому что у меня есть какие-то свои личные с ними отношения; и эту причину и цель я считаю достаточной; остальное приложится.

ОДА ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ

I

О дикий Ветер Запада, незримым
Дыханьем осени ты рвёшься в мир,
И мёртвая листва тобой гонима –
Её янтарь, и угли, и порфир
В горячке беспорядочной стремятся
Укрыться в темноте подземных дыр,
Среди семян навеки затеряться,
Как труп в могиле, зиму переждать, –
Когда твоя сестра решит ворваться
В оцепеневший мир, заполнив в лад
(Пусть рвутся почки, как стада, вовне!)
Весенним ароматом дол, и сад:
О дикий Дух, живущий в вышине;
Губитель и хранитель, внемли мне!

II

Поднявшись средь небесной суеты,
Ты, как листву, швыряешь облака,
Ты льёшь на землю с тёмной высоты
Дожди; ликуют ангелы, река
Эфирная дрожит лазурной гладью,
Как волосы — неистова, дика –
На голове Менады, от ограды
Земного круга возносясь к зениту
Предвестьем бури. В этом водопаде –
Смерть года; этой ночью он, убитый,
Окажется в могильной западне,
Его закроют тягостные плиты
Небесной атмосферы – в злом огне,
среди дождя и града: внемли мне!

III

От летних грёз очнувшийся вдали –
Там, в Средиземноморье, где твой сон
Прозрачные потоки стерегли,
Где, в бухте Байи, негой окружён,

Ты видел тени башен и дворцов
На глади ласковых и тёплых волн,
На ложе мхов лазурных и цветов,
Столь несказанно сладких! Знаю, ты
Взять у Атлантики свой жезл готов
И вдребезги разбить свои мечты, –
Когда подводный сад на самом дне,
В глубинах океанской темноты
Услышит голос твой, он в тишине
от страха содрогнётся: внемли мне!

IV

Ах, если бы я мёртвым был листом
И облаком, когда ты мчишься вдаль;
Волною, вздыбленной твоим хлыстом
И хлынувшей на берег; мне не жаль
Того, что я слабей тебя стократ,
Неукротимый! Вижу сквозь вуаль –
Я с детства был твоим скитаньям брат,
Я мчался вдаль с небесной быстротой
В виденьях частых, я кружил, крылат,
В своих молитвах; я летал с тобой.
Так брось меня, как облако, как лист
На тернии, чтоб кровь текла рекой!
Под грузом времени, под жуткий свист,
Во всём, как ты: неистов, горд и чист.

V

Я лирой стать хочу твоей, как лес,
Пусть даже облетит моя листва!
Чтоб гром твоих гармоний до небес
Осенним гимном пел и бушевал
В печали сладостной. Свирепый Дух,
Войди в меня всей силой естества!
Пусть мысли мои мёртвые, как пух,
К рожденью новому летят сквозь мрак!
Пусть эти строки заклинают слух
И раздувают тлеющий очаг
Людских надежд, средь скорбной тишины!
Пророческой трубой в моих устах

Ты станешь, Ветер! И уже слышны
Шаги Зимы — но долго ль ждать Весны?

Перевод с английского Андрея Щетникова

АНГЛИЙСКАЯ МИНИАТЮРНАЯ ПОЭЗИЯ

ДЖОН ХЕЙВУД (ок. 1497 – 1580)

Джон Хейвуд[1] (англ. *John Heywood)* – выдающийся английский поэт и драматург, заложивший основы английской комедии. В 1562 г. опубликовал сборник, содержавший 600 эпиграмм, из которых 300 были написаны на основе английских пословиц и поговорок. Друг Томаса Мора. Биографических данных о нём почти не сохранилось. Литературная деятельность Хейвуда проходила между 1530-ми и 1580-ми годами. Творчество Хейвуда разнообразно, но до сих пор не установлено, что точно ему принадлежит. Известен в истории литературы цикл стихов под названием «Centuries of Proverb», в которые он включил все известные в его время пословицы; по этим стихам устанавливают давность английских пословиц. В истории английской драмы Хейвуд занимает видное место: индивидуализируя характеры героев интерлюдий, он сыграл значительную роль в превращении средневековых моралите в бытовую комедию. В то же время от его интерлюдий английская драма сделала поворот в сторону более поздней формы, принятой в эпоху Елизаветы.

ЭПИГРАММЫ

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Ходить не шатко,
Пожить не кратко,
Служить вам гладко
И спать вам сладко!

УМ И ГЛУПОСТЬ

И в томе, и в тонюсенькой тетрадке
В любом чередованье и порядке

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/

Твой ум и глупость – вне любых страниц:
Твой ум, как таковой, не существует,
А глупость бесконечно торжествует
Не ведая ни меры, ни границ!

ТОСТ

– Пью за тебя, моя душа.
– Не *за* меня, а *у* меня
Ты выпил всё средь бела дня,
Мне не оставив ни шиша!

О ДУРАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Пока дурак строчит уверенно,
Иной мудрец молчит растерянно:
Дурак о всякой малой малости
Строчить способен без усталости!

О ПРЕЗРЕНИИ

– Трудно ль выказать презренье,
если зависть бьёт фонтаном?
– Нет, мой друг, совсем нетрудно:
нужно просто быть болваном!

О ГЛУПЦЕ, КОТОРОГО ПРИНИМАЮТ ЗА УМНИКА

Где ум твой, где глупость,
не в силах понять я,
Настолько слились они
в тесном объятье,
В котором для глупых –
великий мудрец ты,
В котором для умных –
великий глупец ты!

О ФЛЮГЕРЕ

Ты весь – в ожиданье хозяйского мненья,
Ты ловишь любое его измененье.

Ты – флюгер, который, болтаясь на крыше,
Покажет лишь то, что указано свыше!

О «ПОЛАГАЮ» И «ЗНАЮ»

Когда бы наше «полагаю»
Вполне совпало с нашим «знаю»,
Себя ты вдоль и поперёк,
Я полагаю, знать бы мог.

О ГОЛОВАХ

Голова плюс голова:
Ум – добро, но лучше – два.
Голова… А если сто?
Без ума и сто – ничто.

«ЗАПАС КАРМАН НЕ ТЯНЕТ»

Пускай «запас карман не тянет»,
Но запасать уже не тянет,
Когда мы чуем, что у нас
Воришка тянет наш запас!

О ВСЕВЕДЕНЬЕ ПРОРОКА

К чему всеведенье пророка?
Пророк терзается жестоко:
Кому, друзья, скажите, в радость
Давно предсказанная гадость?
Куда приятней этой дряни
Успех, предсказанный заране!

О НЕУМЕЛОМ ОХОТНИКЕ

Когда ты смотришь на мишень
    Орлиным взглядом,
Ты попадаешь прямо в пень,
    Стоящий рядом.
Ты стал с «умением» твоим
    Ходячей басней.
Мы у мишени постоим.
    Так – безопасней.

О ЗДРАВИЦЕ

Неумолкаемая здравица
Ему всегда ужасно нравится.

Такой минуту без приветствия
Воспринимает словно бедствие!

О ВЫБОРЕ

Как сделать выбор, при котором
Не видишь проку ты ни в ком,
Имея дело с глупым вором
Иль с вороватым дураком?

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ БОИТСЯ ВСПОТЕТЬ

С великим страхом, милый мой,
Ты думаешь о поте.
Тебя ни летом, ни зимой
Не вижу я в работе.

«ДЛЯ НУЖДЫ НЕТ ЗАКОНА»

Для нужды закона нет. О да!
Но у нас в законе есть нужда.

«ЕСЛИ БОГ ПРОМОЛВИТ: “Н-НО!”…»

Если Бог промолвит: «Н-но!»
Значит, Богом решено,
Что отныне жребий твой –
Быть лошадкой ломовой.

«ЕСЛИ БОГ ПРОМОЛВИТ: "ТПРУ!”…»

Если Бог промолвит: «Тпру!» –
Прекращай свою игру,
Ибо сказано: пора,
Далеко зашла игра!

О ВЗОРАХ

– Взгляните, сэр, на небеса…
Куда вы пялите глаза?
– Я вниз гляжу: авось, в аду
Я, сэр, местечко вам найду!

О ДВУХ ДОРОГАХ

– Где буду я – в раю? в аду?
Куда скорее попаду?

– Скорее – значит, под уклон,
Туда, где бесов миллион.

Дорога в рай наверх ведёт
Но это – медленный поход.

О ПОСТОЯНСТВЕ МИРА

Ныне – то же, что и встарь:
Это – право, это – лево,
Это – уличный фонарь,
Это – уличная дева.

ДВОРЯНИН У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Вас поставили здесь, ваша честь,
У столба на всеобщий обзор.
Для столба – это слава и честь,
А для вас – это стыд и позор.

О ФАЛЬШИВОЙ МОНЕТЕ

Серебряный шиллинг сомнительной пробы
Краснел не от меди, краснел – от стыдобы!

О МОЛЧАНИИ

Ум с глупостью, как странно ни звучит,
Через молчанье сходственны весьма:

Тот – от великой глупости молчит,
А этот – от великого ума.

О ЛЬСТЕЦАХ

Когда вы мне льстите (Господь вам судья!),
Здесь кто-то глупец – или вы, или я:
Любой, кто замечен в подобном спектакле,
Дурак или дурит кого-то, – не так ли?

О ДОЛГАХ

– Вы помните, сколько вы мне задолжали?
– Конечно: такое забудешь едва ли.
И помнил, и помню, и век не забуду,
Но век не платил, не плачу и – не буду!

О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Мы знанья получаем от людей,
Мы добываем сведенья из книг,
Но ты своё искусство, прохиндей,
Вполне самостоятельно постиг!

О СМИРЕНИИ

– С судьбиною смиритесь при паденье.
– Смирюсь, мой друг, смирюсь…
при восхожденье!

О ПРОРОКАХ-МОШЕННИКАХ

Когда туманные пророки
Дают обманные уроки,
Ты, прозревая сквозь туман,
Держись за собственный карман!

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЗЛА

– Какого светлого числа
Вы, мэм, избавитесь от зла?

– В тот самый день, в тот самый час,
Когда избавлюсь я от вас!

О ЛЖЕЦЕ

– Я не был разве что лжецом.
– И будешь честным молодцом,
Когда ты *«разве что»* и *«не»*
Из фразы выбросишь при мне!

**«ОГРАБИТЬ ПЕТРА,
ЧТОБЫ ЗАПЛАТИТЬ ПАВЛУ»** [1]

Петра ограбив, Павлу заплатил?
Увы, обоих по миру пустил!

Перевод с английского Евгения Фельдмана

ГОМБОЖАВЫН МЕНД-ООЁО (род. в 1952 году)

Гомбожавын-Менд-Ооё – поэт, прозаик, публицист, искусствовед, общественный деятель Монголии.

Родился в сомоне Дариганга Сухэ-Баторского аймака Монгольской Народной Республики. В 1978 году окончил Государственный педагогический институт Монголии. Работал учителем, радиокорреспондентом, редактором монгольского телевидения, президентом Монгольского культурного фонда, в настоящее время – президент Монгольской Академии искусств и поэзии.

Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики на монгольском языке. Произведения Гомбожавын-Менд-Ооё переведены на английский, немецкий, китайский, французский, греческий, русский, корейский и многие другие языки.

Живёт и работает в г. Улан-Баторе.

* * *

Всё в этом мире живу открывая,
Себя открываю, мир открывая.

[1]То есть, отдав одни долги, наделать другие. (Прим. пер.).

ОГОНЬ

Тлеет огонь в очаге
Бутонами ярких цветов.
В красной и синей дуге
Вьются спирали миров.

Чтобы очаг был всегда –
Привольная степь и трава.
Там оставляют стада
Аргал, то есть – те же дрова.

Их собрала моя мать,
Доволен отец у огня
Будет цвета изменять
Огонь, зазывая, маня...

КАМНИ РЕКИ

Смотрю я на камни в реке,
Думаю думы свои.
Течение их вдалеке,
Но следуют вдоль по реке.
А вместе никак не пройти –
Ведь камни лежат на пути.

Продумано всё на земле,
Камням поток очищать.
Воде, пробиваясь в скале,
Камни песком шлифовать.
Небес синева – цвет воды,
Почву питает вода,
Так камень рождает плоды,
Так мысли являет среда.

Судьба наша – камни, река.
Песню рождая опять,
Звучат во мне скрипкой века:
Камни, река – благодать!
Столетия – камни, вода,
Песни звучат и звучат.
Камни исчезнут, тогда
Песни во мне замолчат…

Шевелятся камни на дне,
Это искусство. И там
Тьма ликов извне и вовне
Тонкой резьбы по цветам
Являют поэзию вновь –
Звучны вода и река,
Течение, камни, любовь,
Чётче, яснее строка.

Продумано всё на земле,
Камням поток очищать.
Поток их вращает в жерле,
Дело его – уменьшать.
Смягчает и гладит вода,
Камня исчезнет яйцо.
Камень беру я тогда,
Будто всмотревшись в лицо...

Жизнь – это тот же поток,
Устье известно всегда.
Камни в реке, есть исток.
Мысли являет вода:
В течении этом живём,
Поверьте, как камни уйдём…

НОЧЬ В СТЕПИ

Говорят, что былины – магический сон.
Под сиянием звёзд, одолев перевал.
Пожалел я коня на один перегон,
В эту тихую ночь я в степи ночевал.

И седого отца я услышал завет,
И седло, что чеканно блестит серебром,
И обтянуто крепом, подпруга под цвет,
В изголовье поставил. И веет теплом.

И любимую мать я свою увидал:
Прошивает белейший потник для коня.
На зелёной траве под себя подостлал,
Он теперь на земле защищает меня.

Будто снова я в юрте своей побывал:
Мама шьёт мне халат из чагравой парчи...
Уже в дрёме набросил. Как крепко я спал
Под таким одеялом в прохладной ночи!

Ночь тиха! И бескрайняя степь в мураве,
В сонной дрёме магический чёрный провал.
Свои ноги раскинув в зелёной траве
Я в широкой степи древним батором спал.

Говорят, что былины – магический сон.
Конь устал, оставался один перегон,
В эту звёздную ночь пожалел я его.
И в безлюдной степи мне хватало всего.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА ПЫЛАЮЩИХ КАМНЯХ ЦОКТО

Стихов красота так божественна на камнях, что дышат теплом.
В них ясные смыслы естественны. Внимаем им молча вдвоём.
Нам время далёкое видится, их отсвет повсюду разлит.
Мелодия праздника слышится, и чья-то душа говорит...

ТРИ КРАСАВИЦЫ В ГОБИ

Длится белая ночь

Три белых верблюда, плавно качаясь, шагают,
Три вершины вдали, как волны, плывут и плывут.
Три юные девушки в местных легендах живут.
Синея вдали, друг на друга хребты наплывают,
Тают в лунном сиянье, являются снова и тают,
Погружаясь в туман, и вдруг снова всплывают.

Длится белая ночь

Как блаженна здесь ночь, небеса благодатны.
Полнолунье и тишь.
И красавицам юным эти ночи приятны.
Полнолунье и тишь.
Мелодичны мотивы и песни красивы.
Полнолунье и тишь...

Длится белая ночь

Камышовая флейта мотив подбирает. Играй.
Лунной ночью не спят далеко-далеко. Благодать.
Чередуясь, вершины то ниже, то выше. О, край!.
Под луной синь сменяется синью. Краскам надо играть.
Вновь нестройной шеренгой, синея, качаются горы.
Возвращаясь опять, мотив полоняет просторы.

Длится белая ночь

Мириады сияний озаряют верблюдов,
И сияющий ветер свежо набирает разбег,
И прохлада с вершин, как с прекрасных этюдов,
И гобийских песков и легенд, этих мест оберег:
Три красавицы Гоби, просыпаясь с рассветом,
В полнолунье явились согласно сюжетам.

Длится белая ночь

И ущелья вершин полны горной прохладой,
Три красавицы юных к нам всё ближе и ближе.
Три легенды глядят на нас, дышат усладой.
И серебряный отсвет блещет выше и ниже.
Камышовая чанза[1] чудесно звенит в тишине.
И сияние свойств проявляется всем при луне.

Длится белая ночь

Сочетание красок, мелодий чудесно!
Сам себя создаёт всегда Мастер Вселенной.
Всё прекрасное вечно, бессмертно, небесно.
Каждый край создаёт свой чудесный, нетленный.
Только вместе мы все – украшенье планеты.
И легенды создав, в них бессмертны, воспеты…

Длится белая ночь

ОЗЕРО И ОСТРОВ. СОНАТА

Взглянешь наверх – небо в садах разноцветных,
Ветви и листья густые в созвездьях плодов.

[1]Чанза – монгольский струнный щипковый инструмент. (Прим. пер.).

Озёрная гладь дремлет в тайнах заветных,
А душа отдыхает от забот и трудов.
Заводи лёгкая рябь. Вёсла заплещут.
Слушают горы сказанья, безветрие, тишь.
Струнами арф жёлто созвездия блещут.
Остров Свободы, край мироздания зришь.

Ветер несёт запах цветов с побережий.
Сонно качается лодка, ласкает волна.
Мы будто на небе вдвоём средь безбрежий.
Остров и я... И такая вокруг тишина!
Вдруг памятью ярко душа озарится,
Мягкой и тихой любовью, напевом сонат.
Пусть всё в этом мире, вращаясь, струится,
Но песнями став, столетья живут и звучат...

ГНЕДОЙ ЖЕРЕБЁНОК

На южном склоне холма
Гнедая, пятнистая рожает.
Гнедой жеребёнок
С последом в траву выпадает.
Ломкие ноги,
                о твердь упираясь,
Дрожа, разъезжаясь,
Упрямо сдвигаясь,
Стоят на земле!
Ясное солнце
Яркими брызжет лучами,
Выдохом слабым
Ветер парит над лугами.
Вот споткнулся, упал
                жеребёнок на землю.
Встал и на небо взглянул,
                к облакам потянулся.
Несётся табун, и пылью копыт
Он на мгновенье закрыт и накрыт.
Четыре ноги стоят и, качаясь, идут,
Тёплым дыханием
                ветер его овевает,
Солнца лучи по южному склону плывут.
К вымени матери жадно он припадает.
Люди! Этот гнедой жеребёнок

Станет двухлеткой и тронет сердца,
Когда он помчится, лёгок и тонок,
На празднике летнем
к победе своей до конца
По белой, пятнистой и пыльной дороге.
И будет, заржав, удивлять,
Мелодией флейты звучать!

ПОДНОШЕНИЕ НОЧНОМУ НЕБУ РОДИНЫ

Дальний ропот ночных табунов, гул степной,
Что уносятся вдаль, исчезая, маня,
Вод прозрачных исток – облака надо мной,
И свяшенное небо – моё, для меня!

Звёзд так бесчисленно много –
Кружат над юртой они,
В свод и котёл на треноге,
Падают звёзды-огни.
С брызгами чая обратно
Небу подносит их мать.
Чай и звезда. Благодатно,
Думая с ними, молчать.
Месяца свет на ладони,
Чувства напевов полны.
Небом своим полонёны,
Звёзды тихи и нежны.

Свод небес величав, без начал и кончин,
Оживают под ним голоса, чудеса.
Сколько раз много песен, сказаний, былин
Возносили в мечтах и во снах в небеса....

Три изюбря, двое саней[1] и кол золотой,
Семь богов, шесть плеяд, пять людей. Надо знать
И четыре копья. С малолетства со мной.
У созвездий ночных я учился считать.
Совершают дела молодые года.
Шестьдесят семь – немыслимо это понять.
Знай об этом! Пусть замыслы светят всегда,
Звёзд так много на небе, нельзя сосчитать –

[1]Сани – (*монг.*) созвездие. (Прим. пер.).

Навевают о вечности мысли они.
А желание счастья всегда далеко.
Но рождённому в небе, знай, силы даны.
Распрямишь крылья мысли лишь в небе легко.

Дальний ропот ночных табунов, гул степной,
Что уносятся вдаль, исчезая, маня,
Вод прозрачных исток – облака надо мной,
И свяшенное небо – моё, для меня!

В синий простор возвращаясь,
Вплывая, с другой стороны,
Земля моя! Вновь обновляясь,
Нас сбереги, сохрани!

СОНЕТ

В смятении срываясь, кочуют безоглядно,
Теряя направленья, и сроки, и расчёт.
И бьют дожди косые, вдогонку, беспощадно,
И жгучий ветер в спину их хлещет и сечёт.

Темнеют в небе тучи, их тени, как облавы,
Вершины гор и кручи, навеивают мрак.
Последними дождями развёрсты почвы, травы,
И давит сердце тяжесть – бессилья верный знак.

Но небо, спохватившись и вспомнив свои нравы,
Вину свою признало, как прежде, величаво
Подняло полог круга, сверкнуло синевой...

И дождь вдруг прекратился, и потянулись тучи,
И летний месяц снова вокруг вершин и кручи
Явился, отдыхает, дарует всем покой.

ТЫ – ЛЮБОВЬ МОЯ, ШАГАНЭ

Талант с красотою чаруют извечно,
Русский гений в истоме сердечной
Грезит ночью при звёздах, луне: ты – любовь моя, Шаганэ.

Вечер чудесный Сергея Есенина,
Но душа не нашла подтверждения,
Хоть в поэзии счастья вполне ты нашла, моя Шаганэ.

Ветры Шираза обрисуют узоры,
В запахах розы явлются взоры.
Песней ночью являешься мне: ты – любовь моя, Шаганэ.

Время целительно, недуги проходят,
Образы новые время находит.
Ты в стихах улыбаешься мне, моя милая Шаганэ.

В сборнике гения она королева,
Во мне зазвучали персов напевы,
И зовёт будто в прошлом, во сне: моя нежная Шаганэ!

ДОЖДЬ СЧАСТЬЯ

Ай да дождь!
Дождь для счастья и на счастье.
Любимая, помчимся же вдвоём
Под струями, под счастьем, под дождём!

Стремясь наверх,
Где небо шелковисто.
На цыпочках, как в детстве, мы могли,
Ребячливо, касаясь чуть земли.

Горы вокруг закружились,
Тучи кочуют вдали,
Листья берёзок напились,
Узоры земли расцвели.

Пахнет от неба садами,
Влагой – от почвы земной.
Капли мы ловим губами,
Пьют воду цветы, как впервой.

Сияешь, смеёшься, вся в жемчугах,
Льётся, стекает прозрачный хрусталь.
У самой травы, исчезнув, как в снах,
Синим лучом протянулся дождь вдаль.

Вся ты улыбка, омыта дождём,
Радуга ярко встаёт над тобой.
Закружим обнявшись. Весь окоём
Кружит с вершинами, степью, травой.

Цветы распрямились, тянутся ввысь,
Ласковый свет в твоих нежных очах.
Капли в ладонях любимой зажглись,
Испробуй дождь счастья. Счастье в руках.

Благо и неба участье
Пробую я, так решив.
Пьянею, пьянею от счастья,
Дождь на счастье испив... Ай да дождь!

Перевод с монгольского Виктора Балдоржиева

ВЛАДИМИР БАБРАШЕВ (род. в 1948 г.)

«НО КАК ЖЕ СЕРДЦУ ЭТОТ МИР ХОРОШ!..»

Владимир Васильевич Бабрашев родился в маленьком селе Уйтушкéн Шебалинского (ныне Чемальского) района Республики Алтая. Первые стихи появились на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» в школьные годы. Он любил поэзию А. Пушкина, С. Есенина, Н. Рубцова. Жил вдохновением всегда – и когда учился в Горно-Алтайском педучилище на физкультурном отделении, и когда был табунщиком, строителем, трактористом, заведующим сельским клубом. Этот путь поиска своей судьбы в те годы проходили все сельские юноши.

«Вырвавшись» из деревни, Володя стал работать корреспондентом областной газеты «Алтайдын Чолмоны», и тут ему посчастливилось несколько месяцев жить в семье поэта Лазаря Кокышева. По его наставлению в 1973 году Владимир поступил в Московский литературный институт им. А. М. Горького. Он выбрал творческую мастерскую поэта Егора Исаева и начал готовить свою первую книгу, рукопись которой, к сожалению, очень долго «держали» в издательстве. Первый сборник стихов Володи Бабрашева вышел только в 1998 году, благодаря стараниям младшего брата Эдуарда, потому что самого Владимира уже не было... Сборник обозначил новый уровень в развитии алтайской литературы – пришёл новый автор, удивительно сочетавший подлинное народное слово и интеллектуальную образованность. Высокий уровень и утончённый дух русской клас-

сики придали стихам Бабрашева ярко-лирическую проникновенность и своеобразную музыкальную тональность.

Невозможно представить, сколько бы он ещё написал, но жизнь поэта оказалась трагически короткой. Он ушёл от нас в 1977 году, но его поэзия продолжает жить и сегодня, и к читателям сейчас выходят лучшие из его стихотворений, переведенные на русский язык московским поэтом Николаем Переясловым.

***

Ничем земля не славится моя:
Леса, вершины – всей-то красоты!
Кто населяет здешние края? –
Берёзки, сосны, травы да кусты.

Всё серо глазу. Праздника не жди.
Вершины, тропки, лес – одно и то ж.
То дуют вьюги. То идут дожди…
Но как же сердцу этот мир хорош!

Земля моя! Ну кто ещё, скажи,
Тебя полюбит сердцем, не тая?..
Вершины, тропки, лес… Чижи, стрижи…
Край ненаглядный! Родина моя!

ЖАЛОБА МОЛОДОГО КЛАССИКА

До самой смерти всем нам надо будет
Нужда в еде, воде, одежде, сне.
Не назовут меня ленивым люди –
За всё берусь я, всё течёт ко мне.

Но почему-то всё летит на землю,
И я роняю вещи на лугу.
Я вижу всё, всё слышу, всем я внемлю,
Но ничего доделать не могу!

И по ночам дела мои мне снятся,
От суеты кружи́тся голова.
Всё не решу я, чем мне заниматься –
Писать стихи или колоть дрова?

Соседи смотрят молча с укоризной:
То ли во сне я, то ли – наяву?
Ни для себя тружусь, ни для Отчизны.
Сам виноват, что плохо я живу.

И я твержу – кончай свою дремоту.
Давно пора к делам уж приступить.
Я знаю – надо браться за работу.
Учиться надо.
И учиться – жить.

***

По струнам сколько пальцами ни бей –
Но не родить мне песен, извлекая.
Я бы хотел играть, как друг, на ней,
На звуки струн землячек привлекая.

Чтоб успокоить боль в своей груди,
Ищу я слово сладостней нектара.
Но только бочкой ржавою гудит
В моих руках красавица гитара.

Когда бы ею я владел всегда,
Девчонкам был бы повод улыбнуться.
Они бы сразу все пришли сюда,
Чтоб гитаристу тут же приглянуться!

В моих бы струнах пели соловьи,
Струясь девчатам в грудь истомой сладкой.
Ну а друзья – все сверстники мои –
Мою гитару тискали б украдкой…

***

Как торопливый конь, который рвётся
Сорвать узду, взмывая на бегу,
Так лодка с ветром и волнами бьётся,
Стремясь к лесам на дальнем берегу.

А ветер гонит, гонит ей навстречу
Отряды волн, таранящие борт,

Мешая лодке плыть вперёд, переча
И закрывая
В заводь вход, как в порт.

Толкут друг друга крепкими боками,
В том познавая суть явленья – *быть*,
То ль друг за другом, то ль – за облаками,
Спеша быстрее к берегу доплыть.

А я смотрю на них, и так ничтожно
Во мне томленье чувства моего.
В душе темно, и тайно, и тревожно.
И грудь сжимает болью… Отчего?

***

В том краю, где пенится трава,
То луна висит, то светит солнце.
А порою, тучи разорвав,
Хлынет ливень на луга и сосны!

Ничего там сказочного нет.
День за днём проходят понемногу.
Мать моя встречает там рассвет,
Выходя из юрты на дорогу.

Аромат любимой той земли
Не отнимут в буйстве громовержцы!
Нет уловок, чтобы мне вдали
Взять – и вырвать
Родину из сердца…

Перевод с алтайского Николая Переяслова

ФАДЛИ ЗОН (род. в 1971 г.)

Фадли Зон – видный политический деятель Юго-Восточной Азии, один из основателей партии «За великую Индонезию», вице-спикер индонезийского парламента. Родился в Джакарте. Там же окончил университет, а позднее – Лондонскую школу экономики и политических наук. Изучал русский язык, участвует в деятельности Международного содружества

общественных объединений – обществ дружбы с народами зарубежных стран (МСОД). Стихи начал писать в юности и, выпустив несколько поэтических сборников, стал известным на родине поэтом.

Рождение и становление литературного индонезийского языка обязано национальному пробуждению Индонезии в начале XX века и влиянию на него европейской классической литературы, в том числе различных стихотворных форм. При этом традиционные средства устной народнопоэтической выразительности из современной поэзии архипелага не исчезли и продолжают развиваться, о чем ярко свидетельствует творчество Фадли Зона, представленное ниже его избранными стихотворениями в разных лирических жанрах. Поэтическая мысль Фадли Зона направлена на достижение индонезийским народом счастья, а поэтическое чувство насыщено любовью к женщине, матери, родине. Всё это, вплетаясь в образный узор стихотворной ткани, позволяет читателю увидеть далёкую и одновременно близкую Индонезию, разделить с поэтом его взгляд на мир.

МЕЧТЫ, КОТОРЫЕ ЛЕЛЕЮ

Я сквозь тени луны
Проходил вопросительным знаком,
Ртом открытым, повсюду зовущим тебя.
Расширяется рана, и боль –
Криком ночи разъята –
Поглощается мглой, мою память губя
Блеском музыки бриза морского…
Снова ветер-посредник с волною играет
И листва шелестит, и в лесу опадает,
И безмолвье лишается крова…
(Понимаешь, как страсть моя в крике пылает?)

НОВЫЙ МИР

Добро пожаловать к нам, друг, –
Мы вместе будущее встретим!
Будь с нами, встань за тридцать третьим[1] –
Страна дождётся наших рук.
Отложим школу и подруг,
И книги, что не дочитали –
Во все глаза смотри вокруг!

[1]В Индонезии число 33 имеет значение рубежа, за которым открывается новый путь. (Прим. пер.).

Добро пожаловать, наш друг!
Куда бы ты ни посмотрел –
Везде мы строим новый мир
Друзей, семьи и братства,
Шагаем в новую страну
К всеобщему богатству.

Пройдут года и вновь, наш друг,
Мы встретимся с тобою.
Рассказы, смех – счастливый круг,
Начертанный судьбою!

МОЯ ИНДОНЕЗИЯ

Между двух материков ты – крылатая,
Океанами двумя – омытая.
Индонезия – изумруд Экватора –
Горными озёрами покрытая.
В девственных лесах – живность разная,
Красотой моря завораживают.
Ты, страна моя, рай земной, всех прекраснее!

Жизнь в Сахаре мне с трудом представляется –
Нет деревьев и листвы зеленеющей,
И пустыня раскалённая плавится,
Нет воды – кругом пески бесконечные.

Индонезия – не знойная Африка,
Где нет пения и щебета птичьего.
Индонезия моя – не Америка,
Не кричат там петухи, нам привычные.

Рис желтеет на полях, лес бамбуковый
Вдоль извилистой реки смотрит с берега –
Собирают урожай люди дружные…
Благоденствует земля в мирной радости.

МОЛИТВА И СЛЁЗЫ

(посвящается матери)

Ты со мною в молитве высокой
Совершаешь пред Богом намаз.
Хоть безмолвна она, одинока,

Но к Всевышнему ближе сейчас,
Чем когда на меня ты смотрела –
Сыну песнь колыбельную пела.

Велико расстоянье меж нами,
Но я вижу – печальный твой лик
Предо мною явился и замер,
Чтобы Путь я обрёл в этот миг.

И молитва твоя, проникая
В пуп Земли сквозь тугой океан,
Мне дорогу к Творцу выпрямляет –
Остановит тайфун, ураган.
В это верю, об этом я знаю.

Как чисты твои слёзы – небесная кровь!
Как свободна душа, в ней молитва – Любовь!

Перевод с индонезийского Надежды Осьмининой

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

СЮЗАННА КАРЛСОН (род. в 1965 г.)

Сюзанна Карлсон[1] родилась в г. Саннивейл, штат Калифорния. Писать начала в 12 лет. Тогда же завоевала главный приз в национальном конкурсе по написанию эссе. Начала печататься с 17 лет. В 1989 г. окончила Государственный университет в Сан Хосе по специальности «Литературное творчество». Бакалавр искусств. С 2009 г. занималась в студиях литературного мастерства. Успешно участвовала в различных литературных конкурсах. Её рассказы и стихотворения были опубликованы во многих англоязычных журналах. В течение 30 лет С. Карлсон является владельцем фирмы по оказанию услуг в области технического редактирования и издательства. Ведёт активную общественную деятельность.

Заметное влияние на творчество писательницы оказали её любимые писатели: Шекспир, Фланнери О'Коннор, Рэймонд Карвер, В. С. Мервин и Сильвия Платт.

[1]Сюзанна Айзнер (*Susannah Eisner)* – литер. псевдоним. (Прим. пер.)

СТИХИЙНЫЙ БУНТ

Признаюсь, отчего-то печалюсь,
Когда чудится вздох мостовой,
Плач высоток и стон тротуаров –
Всех камней с незавидной судьбой.
Как невольники, пленники града
Жаждут вновь превратиться в гранит
Иль в песчаник, – свободы им надо:
Стать песком и принять прежний вид.
Как предателю цивилизации
Мне б вернуть первозданный вид
Всем страдающим от бюрократии,
Круговерть эту остановить.
Словно всмятку яйцо весь асфальт, –
То трава пробивает грунт,
Все постройки увиты плющом –
Я за этот стихийный бунт!

Воркование сизого голубя
На безжизненных крышах города –
Мировой революции слово.
В кумачовых глазах сизокрылого
Дышит алая кровь революции,
Что пролита за всех, за любого.

Став предателем хитрой ловушки,
Я молюсь за простых росянок,
Я отказываюсь от комфорта,
Глядя в полные гнева и страха
Глазки маленькой серой пичужки
И воздушного змея на нитях, –
Всех приниженных, участь которых
Ползать и быть лишенным величия.

Потому что я слышу голос –
В доме, где я изведала счастье
Появиться в небесном чертоге,
В доме, где испытала невзгоды,
Узаконенные Юдолью.
Как священные формулы давние –

Голос предков и дикой природы,
Несмолкающий голос камня.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Над придорожной серой пылью,
Маня беспечным взмахом крыльев,
Взмывают в небо стаи птиц.

И зорко смотрит хищный сокол
На белых чаек вереницу –
И камнем падает он вниз.

Уж мертвенно бледнеет вечер,
И омрачается тревогой
Степная ширь; повеса-ветер
Всё тише дует вдоль дороги.

Но нежно стелется губастик
И клевер розовой травинкой,
Напоминая нам о счастье,
Что светит радугой былинной.

Так хочется, чтобы не меркнул
Сей символ жизни быстротечной,
Чтоб радовалось чьё-то сердце
Грядущим дням, идущим в вечность.

ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

Он бросил взгляд исподтишка,
Ухмылкой сжатый рот отмечен.
Неловко подавляю страх
Улыбкой встречной.

Как кровь пульсирует в висках,
Лицо горит от приговора:
«Где локти?» – Прячу впопыхах. –
Глаза блестят немым укором.

Я скромно кисти рук кладу
На белый стол. Всё на виду:
Салфетки и еда в тарелке.

Я ем. В смущении давлюсь. –
Кусок не мелкий…

Я ем глазами стол обильный,
До боли, до стыдливых слёз, –
Уж всхлипывает холодильник,
Скулит под дверью старый пёс.

Я чувствую детей улыбки,
На них взираю свысока, –
Расту. Как золотые рыбки
В пределах узкого мирка.

Перевод с английского Иды Замирской

МАТЕЯ МАТЕВСКИЙ (1929 – 2018)

Матея Матевский – один из столпов македонской литературы и культуры, поэт, театровед и переводчик, академик Македонской академии наук и искусств, человек, который прожил длинную и яркую жизнь. Обладатель всех национальных премий за поэзию и перевод в Македонии и нескольких наград за рубежом. Его книги изданы на многих языках.

Поэзия Матевского отличается проникновенным лиризмом и носит ярко выраженный философский характер. Одной из основных тем его творчества является тема возвращения в мир детства, на родину, к природе. В стихах переплетаются рефлексивность и медитативность, сюрреализм и романтика.

ЗАКАТ

Рдяное. Рдяное. Рдяное.
Песней, стихающей
в моря лазури,
за рощею
тонет
закат.
Травы, свирель,
стадо и облако
пламенем буйно
горят.
Сердце и песня,

путь и криница
нежностью чудно
томят.
Горное лето духмяное,
пенье свирели медвяное,
поле, пионами браное.
Рдяное. Рдяное. Рдяное.

ЗВОНЫ

Где-то звонят. Где-то далекие звоны.
Звуки как волны, что ветер
над травами гонит.

Где-то звонят. Продолжительно, остро и нежно.
Замерло всё. Только плещет
о берег в ритме железном.

Где-то звонят. Взвей меня в выси и бездны.
Неситесь сквозь звучные клетки
глухо и так безнадёжно.

Где-то звонят. Я мал, я звоню и кричу.
Все скрыто. Я, очарованный,
в звуках лечу.

Где-то звонят. Бей. Я смел, но я робок.
Время, и ты бей по памяти
грубо и громко.

Где-то звонят. Очень давно и всю жизнь.
Всё болит, небо. В траву
средь звуков знакомых меня положи.

ПЛАВАНИЕ

«Белеет парус одинокий…»
(Лермонтов)

Шапки бурунов срывая, ревёт
ветер, над морем летая.
В бешеной сшибке небо он рвёт,
а берег уходит и тает.

Вышли давно мы. По волнам летели
в челне, что порывом гоним
неведомо-страстным. Достигнет он цели
иль сгинет, и мы вместе с ним?

Есть ли там помнящий, есть ли там ждущий,
кто скажет прощайте иль здравствуйте?
Вокруг только буря все пуще и пуще
над моря свинцовостью властвует.

И мнится, что ты в заколдованном круге,
где лиц так предсмертны оскалы,
когда тебя время вздымает в напруге
и с силой бросает на скалы.

ПОРЫВ

Ветер в грудь Песок слепит
Солнце знойное печёт
Моря шум поспи поспи
Время кровью истечёт

Шаг ещё и впереди
Дюны взгляд к себе манят
Но не стой иди иди
убегай от их огня

Запропавшего пути
след найди и снова топай
а потом лети лети
от дождя и от потопа

в край что ты не видел сроду
но что чарами влечёт
встань и снова ходу ходу
жизни дни наперечёт.

СКАЛА

В чёрных водах камень тёмный
волны потаённо кружат
в камышах Как пес бездомный
бродит день по свету служит

кремню солнечному Стало
тихо всё ни вздоха Птицы
звери тёмные Устало
око в мареве мутиться

словно в лихорадке жаркой
Воды пенятся как в сказке
Мхи на мокром камне яркой
зеленью затмили краски

берегов Везде без края
безраздельно воды льются
Пустота лишь птичья стая
ветры над водою вьются

над травой и над осокой
День сильнее тьму стегает
гонит тени За высокий
камень полдень убегает

И стоит тот тёмный камень
в лучезарных водах света
а вокруг роится пламень
и потёмки бродят где-то

ОСАМИ

вода растрескалась в ней потонуть
звезда стремится стынет меркнет гаснет
взлетает солнце болью рвущей грудь
как стая в ужасе от серости неясной

а берег нем тут лет наверно тыщи
пласталась тишина молчание куя
сестра его змея по камню рыщет
а братья волчий глаз и тучи воронья

былая красота той местности унылой
с теченьем времени теряясь увядает
среди ветров, снегов, поземки и бурана

и лёд в груди над головней остылой
где яд неведомый и немота блуждает
золой покрыт очаг немеющая рана

КАМЫШ

Камыш устремляется выше Он тени бежит
От ветра клонится, встаёт и сгибается в тряске
под ним ядовитые воды слизь зарослей ряски
и тёмная бездна там корни его сторожит

Бесплодно движение к небу, что над головой
висит Раскаленную крышку печную откинув
молотят кузнечики в панике веют мякину
и сыплют повсюду Как камень они межевой

восторгов неведомых, мыслей знакомых Бескрайно
стремление давнее меж берегами глухими
Там тени гниют от жары и от боли меж ними

в их ранах свербящих трепещет какая-то тайна
Под солнечным прахом камыш умирает поныне
И камень там скоро угаснет и даже надежда остынет

БУРЯ

Прилетел и пролился ливень, ветром гоним,
навалился шумно, с победным криком.
Буря грозу, неожиданную в эти летние дни,
принесла, запыхавшись в величии диком.

Пыль летит облаком, бурей взметенным.
Чуть утихнет гроза и опять крепче вдвое.
Гром гремит, блещут молнии в небе тёмном,
воют звери в лесу, и долы трепещут от воя.

В исступленье безумном буря ветки ломает,
сеет панику, норы, гнезда, логова руша,
и в небо гонит птиц перепуганных стаи.

Мчит вода по оврагам, черногрязная туша,
ветви камни деревья – все током несётся.

Мутно гаснет роса, что была так чиста, и
сердце страшно стучит и от ужаса рвётся.

ДЮНЫ

В песчаных дюнах все одно и то же:
однообразие песка в небесном ладе.
Солнце в вышине над холмом похоже
на жаркий гвоздь в полуденном окладе.

Нет тени у песка, и у тебя нет тени,
пылает пламенным столбом зенит.
Над водной пустотой в смятенье
блуждает взгляд, и некто говорит

с тем, кто неспешно по песку бредёт.
Куда тропа, где он оставил след,
бежит, в какие пределы приведёт

в сыпучих дюнах? Но ответа нет.
День истекает в воду, ветер жгучий
песок горячий гонит вниз по круче.

ЧЁРНЫЕ КОРАБЛИ

Черные корабли, не ведающие берегов,
предназначены по самой сути своей
кружить среди бурь, ветров и снегов,
стоять около судеб, как около теней,

в отчаянии качаться под солнцем и тьмой,
не зная, где остановиться, у какого порога.
Им нет направления, они не знают – домой
вернуться или всё же продолжить дорогу.

Как птицы чёрные, они не меняют свой лик
перед грозой или молнией на тёмной воде.
Они одновременно и говор, и шепот, и крик
у дальних берегов в бесконечном нигде.

Черные корабли, не ведающие берегов,
теряются в тумане, как в тёмном прахе.

Не ждут их в жизни, длящейся много веков,
ни улыбки, ни приветственные рук взмахи.

Этим кораблям верный заказан путь,
горечи вечного скитания им не минуть.
Их судьба блуждать, в яде ада тонуть
и чёрными стаями в темноте сгинуть.

ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Черный лебедь сквозь пену на крыльях могучих
поднимается в небо над морем, под самые тучи,
в тот предел бесконечный, неохватно-великий,
где птицы молчат, а камни исполнены крика.

В крылья собирает он небеса и дали полною мерою,
подступающие холода, моря голубые и горы серые.
В каждом взмахе слиты вместе тревожно и странно
крики бегства, морозы, кровь и отверстые раны.

Сукровица текла и течёт из глаза и клюва горящего
на тень, что летит над просторами в даль уходящего
озера. Когда кличет черный лебедь над пеною белой,
то зима в волнах тонет и весной тогда веет несмело

в камышах. Если голос крови на миг в нём проснется,
он в полёте забьется и в чудном восторге взовьётся,
вдруг учуяв весну, что грядёт и свет провозвестит,
а пока он, чернея, по небу летит и летит, и летит

в край, где не льёт, не лилась, и литься не смела
чёрная тень на чёрные крылья и чёрное тело.

Перевод с македонского Ольги Панькиной

МИРОСЛАВ ВАЛЕК (1927 – 1991)

Мирослав Валек – выдающийся словацкий поэт второй половины XX века. Это мастер пронзительной любовной лирики и неуспокоенный философ, доискивающийся конечных причин и страдающий от недостаточности познания. Основными качествами его поэзии можно назвать мак-

симализм и фрустрацию; одно закономерно влечёт за собой другое. Современный мир увиден поэтом со всей его привлекательностью, соблазнами и опасностями. С одной стороны, достижения человечества, особенно в области науки и техники, с другой – кризисные явления цивилизации и растерянность человека-одиночки в ней.

Валек – автор стихотворных сборников «Прикосновения» (1959), «Притяжение» (1961), «Беспокойство» (1963), «Любовь в гусиной коже» (1963), поэм «Слово» (1976) и «Из воды» ((1977), сонетного цикла «Картинная галерея» (1980). Он писал стихи для детей, литературно-критические статьи, переводил (в 1960-е годы вышли книжные издания его переводов Андрея Вознесенского и Геннадия Айги). Его стихи многократно переиздавались на родине, переводились на русский язык (здесь отметились, в частности, такие поэты, как Анна Ахматова и Булат Окуджава). Лучшие переводы из Валека, на наш взгляд, сделаны Юрием Вронским и Юрием Левитанским. Последнему он близок поэтическим экспериментаторством и глубокой философичностью.

В 2017 г. в Москве вышла книга избранного «Сирень уж больше не взорвётся». Предисловие и все переводы выполнены литературоведом Наталией Шведовой, специалистом по словацкой поэзии, кандидатом филологических наук. Около сорока лет она отдала исследованию поэзии Валека. Предлагаемые читателю стихи из книги ближе к русской поэтической традиции, хотя представлены и те, что написаны верлибром (очень популярным у словацких поэтов).

СПИЧКИ

Печали спичка ловит потихоньку
(нет, имени давно не важен звук),
и одиночество уже в прихожей,
напоминает мне итог разлук.

Сквозь полночь тянется; вдруг загорится
и то, что сожжено, – где край тех мук?
Дождь пальцем за крыло поймает птицу,
и капель, как камней, в окошко стук.

А спичка давности зажжётся снова,
и, как тогда, огня тревожит круг;
её любил я; но не нужно слова,
ведь имени давно не важен звук.

Вот локон русый сонно заструился,
и серых глаз туман в изгибе рук –

другая ты, я тоже изменился,
и имени давно не важен звук.

Ломаться спичка стала утром ранним,
дымок, колеблясь, поползет за ним,
всем выдаст сущность тех воспоминаний,
создав рисунок тонкий, словно нимб, –

сломлено сердце, губ призыв упруг,
но лгут они: давно не важен звук.

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Любовь – убийственный богач и всё пообещает,
но изменивший любит вновь, а кто любил – нищает.
Пыль долгих, грустных летних дней опавший лист покрыла.
Она лишь после поняла, что так его любила.

И ежегодно осенью свет из души уходит,
а человек, как дикий конь, от сердца к сердцу бродит,
готов пред каждым умирать, не хочет жить с тоскою,
хотел одно б себе забрать; и всё равно какое.
Картинку, может быть, всего, а может, тень былого.

Но перед целью встанет он: *его* где сердце снова?
От всех картиночек идёт дурман витиеватый:
любовь была или разлад? Любовь, была глупа ты,
хотела сразу всё иметь – терять на самом деле.
А в ночи майские они так на луну глядели,
но май им мало счастья дал, и лето не продлилось,
лишь осень знает обо всем, но осень затаилась.
Зима скользила вдоль долин, и май дрожал, задетый:
мечтал он, ждал, дождался всё ж, ушла, и нет ответа.

Любовь – убийственный богач и всё пообещает,
но изменивший любит вновь, а кто любил – нищает.
Пыль долгих, грустных летних дней опавший лист покрыла.
Она лишь после поняла, что так его любила.

ПРОБЛЕМА

Ты королева. При тебе всего лишь
я подданный, совсем как в старину.

Улыбкой, как петлей, меня неволишь,
когда, бездомный, я к руке прильну.

А может быть, я твой король? Кто знает…
Тот ли король, кто духом не падёт,
когда она уже коня седлает,
и скажет: «Ключ потерян от ворот»?

Потерян ключ! Слова-то всё пустые.
Как мне решит вопросы непростые?
Вот если б неприступный замок был,
тебя б там запер, как бы ни просила.

Ты подданного править научила,
я слушаться тебя не научил.

НИТКИ

А нитки для тебя ценней полцарства,
чтоб ты заплату мог пришить на то,
что надо скрыть, что тщетно ждёт лекарства, –
скрыть, как больную руку под пальто.

Запри тысячекратно всё, что мучит,
и слово плача до крови запри.
Попей живой воды: уму научит.
На шрамы и на сердце не смотри.

Любви во имя – любящим солги.
В колокола поэзии звони в глухой ночи.
Взойди на небе грустных вместо радуги
для сердца дальнего, которое молчит.

СЛУХ

В ужасе
он вскакивает с постели,
слышит шум отдаленных галактик,
удивительно высокий свист падающих звёзд,

осознаёт
снова и снова
свой сверхнормальный слух.

Закрыв уши руками, он стоит посреди комнаты,
всё яснее в них гудит
грохочущий прибой темноты.
Когда он наконец засыпает,
в липах под окном пробуждаются птицы.

Я опять его видел.
Он шёл по тротуару,
как человек, захваченный чем-то внутри себя,
сделал шаг,
в это мгновение вдруг
услышал ноги, что тёрлись друг о друга,
шуршание искр,
смятённый топот настойчивых слов.
Он осмотрелся,
видел волосы, которые горели,
почувствовал горячее сладкое головокружение
и ничего больше.

Конечно, всё это выдумки, сказал шофер.
Я сигналил как заведённый,
он смотрел на ту рыжую,
даже не шевельнулся,
ну, так и вышло.
Кто бы мог подумать,
такой видный мужчина,
а глух, как бревно.

Отрывок из поэмы «ОСЛЕПЛЕНИЕ»

Сейчас здесь
та минута, когда лежишь
там, где пересекаются диагонали комнаты,

ты – та точка,
та дрожь над злаками,
ты всё видишь, укрытый,
и трясёшь столпами горизонтального мира, в напрасной злости.
Не наклонится поверхность,
не увидишь ты в ней солнце,
и ни дождя,
ни себя.

Стоячая вода, стоячая,
рыбы в ней на дне горят.

Но в том же самом направлении, на взгляд дальше,
ноги женщин идут за занавеской,
как будто ударяют в веселые барабанчики,
ноги мужчин,
упругие, целеустремленные,
крутят Землю под собой, как большой велосипед,
на брусчатке городов,
на дне океанов,
в жидком металле звёзд, в стекле песка,
в папоротнике, превращённом в антрацит,
везде, везде
следы человека.

Отрывок из поэмы «РОБИНЗОН»

Он стоит на цыпочках,
с головой к стене,
как всегда,
чувствует равномерное и жёсткое вращение города,
который не остановится ни на минуту,
потом выпрямляется,
руки поднимает, как перед оркестром:
пиано
        этажом ниже
и еще ниже громкий женский смех.
Падение ангела
или обратный полет Икара от солнца к земле?
А он здесь лежит,
без шлема и без скафандра,
отважный пилот в полосатой пижаме,
так он окончил свою стремительную атаку асфальта,
кому бы он напоминал человека, который упал,
а кому ангела?
Это лишь маленький усердный маляр,
рисующий свою линию сверху вниз.

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Где я? Порой я как будто лечу.
Значит, уж новая ноша на мне. По плечу?

Свет ко мне хлынул, так ярок, что вызвал шок:
тысяча смыслов размолота в нём в порошок,

тысяча смыслов – опоры лишился я вмиг,
страшно знакомый вкус ощущает язык:

вроде любовь, но как будто на соль похоже.
Я ведь люблю тебя, но – ты забыта мной всё же.

Падает пыль, оседает, и в глину уйдут постепенно
лица, разбитые в кровь, опустевшие стены.

Тяжко, я в раму окна головой упираюсь,
палец слюня, я былое стираю, стираю.

Вроде огонь, вроде дым, что-то не различу.
Где я? Скажите мне, где я? Когда полечу?

Гулом морским оглушённый, хочу я уйти,
канула в воду во мне тысяча Атлантид.

Тяжесть Земли на моих повисает ногах.
Только пылинка одна. Всё – только прах.

Мир – воротник, удушает меня, хоть и нежно.
Провозглашаю сейчас, что смерть неизбежна!

Из цикла «ИЗ АБСОЛЮТНОГО ДНЕВНИКА I»

Мы падаем после бега, выплёвываем окровавленные города,
оставляем их, душим себя собственными руками
и перед зеркалом
обнажаем половой член малолетнего слова,
желая переспать с каждой недурной поэмкой.
Мы завидуем, ненавидим друг друга.
Так же, как вы – бифштексы, мы глотаем свои наркотики,
чтобы увидеть бабочку,
переходящую в состояние розы.

Мы мучим женщин, позволяем женщинам мучить себя,
пишем, пишем,
последняя нижняя юбка ночи давно расписана,
а никто не знает, что такое поэзия.

Из поэмы «СЛОВО»

Она себя предложит вновь – берите.
По жребию. И будет вкус открытий.
Что чувства! Лишь азарт. И на минутку.
Ведь наша жизнь, возможно, только шутка.

Отдай всю сладость, а кому – не всё равно ли?
Он не платил тебе ценой безмерной боли?
Почуял славу. Всяк его узнал.
Мы понимаем: профессионал.
Напишет он, что в голову взбредет:
раз поскромнее, раз – наоборот.
Для развлечений Муза – ну и что ж?

Нет, подождите. Слово ведь и нож.
Вы поубавьте легковесность тона.
Есть слово выше смерти и закона.
А что с ней жили столькие интимно?
Однажды встанут, как при звуках гимна.

Ведь для разгадки дан волшебный круг.
Есть ложь-стихи, есть чести ясный звук,
по-разному себя оденут, опояшут –
и ваши лишь тогда, когда – не ваши.

Из поэмы «ИЗ ВОДЫ»

То хотела бы, то снова скажет «нет».
Прислонилась на минуту к двери.
То посмотрит вдруг глазами Веры,
то взгляд Анны долетит в ответ.

Почти все имена, что в мире есть, –
её: цветов и рыб безмолвных – сразу.
А ты ударил легковесной фразой.
Улыбка – и звезда слетит, как весть.

Ах, сколько женщин поменялось в ней!
И каждая тебя застигла за изменой.
Ты должен был закрыться совершенно,
но промолчал ты, сам себе злодей.

Ты очарован был: она хрупка, –
она же, изменяясь ежечасно,
всё у тебя прощенья просит страстно,
грустна, бедна, сестрой ей каждая река.

Кровавым рекам течь в ней было надо,
как будто предков и потомков родила.
Всё знает – нет, пусть тяжесть бы ушла,
так одиноко ей в преддверье ада.

А ты вдруг в горле чувствуешь комок,
чужой в тебе заплакал, виноватый.
Каким путям она повиновалась,
так не по-здешнему переступив порог?

Как будто мертвецы под ней закляты.

Из цикла «КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ»

Усталость давит – слева, справа.
Она с картины сходит вниз,
на скрипке грустный экзерсис
играет, призрачно-кровава.

А он всё смотрит почему-то –
но издали, из прошлого, где мгла…
Она вдруг, улыбнувшись, поплыла.
Будь милосердна к ним, минута.

Ни чар не знал, ни слов заветных,
а красота уже обнажена.
Как боязлива и смела она!

Нет, не тянитесь к яблоку на ветке,
его убьёт морозом предрассветным.
Ах, время, помоги же нам.

Перевод со словацкого Наталии Шведовой

ФЕРНАНДУ КАБРИТА (род. в 1954 г.)

«ЧТО ТАКОЕ ДОМ»

Фернанду Кабрита (Fernando Cabrita) – современный португальский поэт, живёт на юге Португалии, в Алгарве, по профессии – адвокат.

Первую книгу стихов Кабрита издал в 1980 г. Среди его публикаций, общим числом более тридцати, есть книги стихов, исторические статьи, литературная критика – исследования творчества других поэтов, в том числе Жуау де Деуша. Начиная с 1980 года, он получил восемь литературных премий за своё поэтическое творчество. Назову только три: в 1997 г. за книгу «Визиты Хроноса» – Национальная поэтическая премия имени Жуау де Деуша; в 2008 г. – Национальная поэтическая премия имени актёра Мариу Вьегаша за сборник стихов «Книга о доме»; в 2010 г. – Международная поэтическая премия «Иберийское слово» за книгу «Ода Свободе и другие стихи».

Фернанду Кабрита активно сотрудничает не только с португальскими литературными и поэтическими журналами, но и с альманахами Швейцарии, Испании, Франции, Пуэрто-Рико, Мозамбика и др. стран. Его стихи переведены на французский, испанский, турецкий, русский языки. Некоторые из них были использованы музыкальными группами: группа «В кавычках» (Entre Aspas) и «Проект Голубой хамелеон» (Projecto *Camaleão* Azul). Кабрита является одним из главных организаторов Международного поэтического фестиваля «Южная поэзия», который с 2015 г. ежегодно осенью проходит в Ольау, родном городе поэта. Этот фестиваль – уникальный литературный праздник, посвящённый исключительно поэзии, он родился из идеи сблизить поэтов всего мира здесь, в сказочном мире юга Португалии, овеянном легендами Алгарве. Этот международный фестиваль проходит в барах, художественных галереях, развлекательных заведениях, на лодках, на рынках Ольау, на улицах и в тавернах, преодолевая барьеры между сценой и зрителями: поэты и зрители становятся одной массой, создателями праздника.

Испанская писательница Хема Эстудийо, написала об одной из последних книг Кабриты, о «Грустной поэме о Боге»: «Во времена эгоцентрических голосов, пустых слов, молодых людей, умирающих от любви и облизывающих раны своего пупка, общих мест в абсолютно несущественном поэтическом Новом Веке, особняком стоит поэтический голос Фернанду Кабриты, который спрашивает: где Бог в этом 21-м веке?». Спрашивает и отвечает в своих стихах на этот и другие, не менее экзистенциальные, вопросы.

О другом его сборнике – «Книга о доме» – португальский писатель Тьягу Торреш да Силва говорит: «...она повела меня в путешествие с само-

го первого момента чтения, начиная с самого названия, эпиграфа <…> повела вглубь <…>, подталкивая к раскрытию всё новых смыслов, новых областей и убеждая меня, что все эти самые различные области могут стать домом».[1]

«Книга о доме» поднимает темы, близкие каждому португальцу. Дом, родная земля для португальцев традиционно самое священное место, куда каждый из них стремится вернуться отовсюду, изо всех путешествий. Укрытие от всех страхов – золотое сечение этого дома.

Во многих стихотворениях этой книги широкое знание автором мировой литературы, в том числе античности, мифологии, поэзии трубадуров и т.п., находит своё выражение в интенсивной интертекстуальности. Обнаруживает поэт и глубокое личное знакомство с большинством стран, о которых он пишет, поэтому так искренне звучит его голос, повествующий о них. В его стихах человечество едино, не только происходит от общих корней, но и сейчас не может разорвать родственных связей, объединяющих все народы. И домом для людей может быть дерево, глиняный сосуд, палуба корабля, море, человеческая душа... Дом – то, что поддерживает связь между людьми, разделёнными пространством и временем, ведь все мы дети одной и той же большой земли.

Не менее близка (до сих пор с далёких времён Камоэнса!) португальской душе ностальгия – это чувство пронизывает все книги Кабриты, оно выражается часто и в самой форме стихотворения: поэт тяготеет к длиннотам оды, к элегии. В подборке его стихов, предложенной здесь, переводчица вынужденно отобрала самые короткие вещи.

Поэт и преподаватель, организатор поэтических фестивалей в Марокко Саид Тиграуи (Said Tigraoui) отмечает, что в книгах Кабриты поэзия – это напряжённая и полная опасностей жизнь воина давних баталий, а дом – место его отдыха после сражения, но поэзия завоёвывает и его, сама становится домом. В своём вступлении ко «Второй книге о доме» он демонстрирует переплетение в стихах Кабриты счастья и трагедии, которые не опровергают друг друга, но могут существовать только в этом противоречивом союзе.

Как и его великий предшественник, Фернандо Пессоа, Фернанду Кабрита мифологизирует жизнь и особенно великих поэтов всех национальностей, патриархов Поэзии, передающих её как дар, обязывающий ко многому, своим последователям. Они не умерли, но продолжают невидимо для нас пребывать среди живых, руководить ими.

Переводы стихов поэта сделаны с его разрешения.

---

[1]Fernando Cabrita. «O Livro da Casa» (Poesia). Editor: Gente Singular, editora Lda., 1ª Edição de 2009. P. 7. На русский язык книга еще не переведена. *Прим. пер.).

Из «Книги о Доме» (2009 г.)

МЫ ИДЁМ ВДАЛЬ

Мы идём вдаль, а дождь сечёт нас, жесток,
Темна полоса земли, пальма глядит в вышину.
Какой напев выдумал юго-восточный бог,
Забрав свою спутницу – свежую луну

На шкафут; наш дом сейчас – горький комок в гортани.
Грустно вздыхаем, как звери, что взаперти года.
Боль потери, а там Лиссабон вдали, в тумане,
И пристань и мечты, разбившиеся, как суда

Старая ностальгия, ты ноешь потерянно!
Старая, как и мы, ты нас лишаешь опоры.
О старый сельский колокол, ты роняешь размеренно
В нежные волны колосьев скорбные звоны-укоры.

Даль как время длится в лунной истоме …
Блуждаем над водным простором, темны небеса.
Наши вёсла – память о старом доме.
Ностальгия, печаль надувают нам паруса.

ИЗ ДАВНИХ ДНЕЙ

Что сталось с той порой, с тем летом давним,
Где эти медленные часы и дни?
Где дни, когда всё было первозданным,
что с ними теперь, где они?

Наш общий дом, какие хранят берега?
Где смертью вырванные, ставшие снами,
Где их голоса, улыбки у очага?
Как исчезли, ведь только что были с нами?

Давнего августа солнечная пыльца
И море, что ело из наших рук?
Всплывали в зеркале твоего лица
Или были призраком, исчезающим вдруг?

Где я, и ты, и все остальные,
Такие счастливые и не знающие об этом?

Тайные поцелуи, причалы ночные
И дальние суда с их мерцающим светом?

Наша весна, бриллиант, что, светлолик,
Вспыхнул, но обречённый изначала,
Поленом в камине сгорел дотла за миг,
Будто сердце в груди навек замолчало.

ДИОГЕН НА СОЛНЦЕ КОРИНФА

Диоген, пёс, спал глубоким сном
Перед храмом Кибелы.
Он владел старым сосудом
И весь город Афины был его домом.
Ему не нужно было ничего, кроме солнца и запаха земли,
На которой он, нагой, простирался.
Ничем не владел, чтобы им не владели.
У него ничего не было. Он никогда ничего не утратил.
Его лохмотья и были его свободой.
Коринф увидел его дремлющим на солнце.
Даже смерть его не удивила – но он удивил смерть.
Диоген, пёс. Города увидели его, но так его и не поняли.

Из книги «Двенадцать поэм о ностальгии» (2008 г.)

1.

БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА

Было время, когда я смотрел на небо
и небо, будучи таким же, как сегодня, было всё же другим.
И другим был я
и другим был цвет, загоравшийся на нём.
В нём знакомые мне звёзды
были подобны зверушкам, приходившим есть из моих рук,
ласковым и преданным.
Сегодня они мертвы, зверушки и звёзды,
и я из тех лет тоже существую мёртвым.
Всё, что прошло – только прошлое,
и только памятью живёт то, что уже было живым и теперь похоронено.
Существуем мёртвыми. Я уже не помню, где похоронил моего мёртвого пса,
старого кроткого друга

моих благих молчаний,
который под звёздами и луной остался жить для всей
вечности, которая должна прийти.
Кем я был тогда, уже не помню.
Как меня звали?
Как нас звали?
Какая прелесть в нас была, когда мы целовались, такая притягательная,
и вот исчезла?
Чем была та наша любовь
и как закончилась раньше, чем мы её поняли?
Кем ты была, а сегодня ты – уже не она?
В моём саду была птичка.
И было время, когда слышал её пение и всё казалось таким
ясным,
как ветер и солнце.
Вдали проехал автомобиль.
Не знаю, откуда он ехал,
не знаю куда.
Это уже неважно. Кто в нём сидел – прошёл, и не станет снова
тем, кем был,
когда всё это происходило. Между тем, проехали другие автомобили,
и все были расплывчатыми, точно дым,
и исчезли в дыму, и уже их нет.
Было время, когда я их видел,
и у тех аллей не было конца, и я всегда там был таким,
будто мне не придётся никогда умереть.
Но это время умерло,
и умерли аллеи
и были, как дым.
И всё ясно, несмотря ни на что,
всё ясно, как ветер и солнце.

6.

ПОГОВОРИМ

Давайте поговорим обо всём том, чему мы так и не смогли придумать имя.
О кофе и о черешне,
о воспоминаниях о вчерашнем лете
и обо всём, что уже покоится в холодном ониксе дней.
Поговорим не оттого, что мы это видели,
но потому, что чувствуем это в смутном свете умирающих сумерек
и всё это для нас – быстрые чащи, пробегающие мимо автомобиля,

и молчания фавнов, проходящие через леса и иллюзии,
и небольшие волны, в обмороке блёкнущие на пляже,
и давние голоса, ещё говорящие нашей душе о чём-то непонятном,
и луны, появляющиеся в конце лета.
Поговорим, чтобы они были снова
и снова жили.

Поговорим, чтобы остаться живыми.

8.

Стара и задерживается в нас ностальгия о вчерашних мечтах.
Взволнованный, я всё же её побеждаю.
Засыпаю снова на жёсткой постели, не осознавая этого.
Не даёт покоя одна мысль, непрерывно её ощущаю.
Какой бог управляет каждым моментом,
когда тело одиноко и покинуто на жёсткой постели, бездеятельное.
Дух будет скользить между планетами и водами других дней?
Мы были счастливы или всё было не более чем иллюзией?
Какой безымянный бог тревожится под неизвестными небесами?
Мы скользили здесь всё же, дух и плоть, кого ностальгия так нежно беспокоит?
Теперь мы потеряны в собственной пустоте,
падающие звёзды,
блестящие отсутствия, сердца, едва угадываемые.
Как боги, мы пьём воспоминания.
Как печальные боги, вспоминаем ушедшие дни.
Как меланхоличные боги, мы видим страшную протяжённость времени
и всё, чем мы уже были и никогда больше не будем.
Как боги, но очеловечивая нашу ностальгию,
мы управляем нашими собственными мечтами.

Фрагменты из двенадцатой поэмы

I.

Порой я думаю, как другие чувствуют,
и каждая мысль – тоска о чём-то,
и каждое приветствие – ностальгия.
Смотрю и вижу переплетённое с тем, что пребывает здесь,
то, чего уже нет.

III.

Иногда я думаю, в чём останется всё то, что уже было
и уже прошло,
и каждое воспоминание – старый кот, вытягивающийся на карнизе.
Думаю и чувствую
и чувствую и думаю
об этом смутном движении, когда возвращаются милые нам
призраки
и пьют из нашей ладони на столе,
с морем в глубине.

IV.

Что осталось от наших голосов и наших дней?
Куда уйдут барки, которые на наших глазах скрылись
за горизонтом?
С твоим кораблём, Улисс, что сталось?
Думаю, как чувствую,
и говорю в тишине днём и ночью,
будто они – последние дни и ночи без тебя.

VI.

Спускаюсь вниз по улице, не занятый ни одной мечтой.
Где эти косули, скакавшие на рассвете?
Ноги сами принесли меня к старинному дому, дому из прошлого.
Там я был счастлив и несчастлив, как те дни, вначале солнечные и
после затемнённые облаками,
и после снова солнечные.
И я был там безмятежен, как море, такое близкое.

VII.

Дни и ночи.
Кроткий жеребёнок, живший в нашей душе, кто знает, где он теперь?
Пробежал рысью по широким равнинам памяти,
по песчаной отмели дней.
В старом доме в тишине стучит время.
Как животные, ожидал там, чтобы жизнь проходила в
мягкой меланхолии,
чтобы один день уходил и другой приходил,
чтобы луны изменялись во мраке и холоде

и потом снова в свете
на незапятнанных подмостках небес.
Вдали ещё обновляется опал уходящих часов.

IX.

Улица ведёт меня в тишине, соскальзывая в ночь.
Мостовая – та же, но мои шаги – уже другие,
Будто бы и я уже был другим и, тем ни менее,
остаюсь тем же,
из тех дней,
на улице из прошлого,
в доме из былых времён.
Свет лампы дрожит на углу, бледный, холодный свет.

Из поэтической антологии «Поэзия Алгарве» 1969-1997 гг. :

СОЛНЦЕ

В комнатах, которые посещает солнце,
тень понемногу,
вежливая и усердная, ему открывает двери
и удаляется;
И с солнцем приходит утро, свежее, прекрасное,
оно устремляется в окно,
откуда любуется панорамой города.

Из книги «Ворота Холмов небытия. Стихи о городе Лондоне» (1988 г.):

В нежном трепете улиц,
когда меня мягко касается январский ветер,
я думаю, что всё заслуживает больше, чем какого-то слова.
Я вижу двери, деревья,
маленькие лондонские пабы
с теми, кто занял эту тишину,
у кого в глазах клубы дыма и множество пивных кружек;
и тогда я понимаю, что нет ничего более
жестокого, чем слова, звучащие и звучащие и звучащие,
слова, прячущие эту большую ночь,
или молчаливое солнце полудня,
едва намечающее судорогу дней и вечеров,
и властную жалобу парков и ручьёв.

Тогда я позволяю уйти от меня
мыслям и тайнам
и в нежном трепете улиц,
когда меня мягко касается январский ветер,
иду с невинностью и свободой зверя,
дикого и молодого,
глядя на двери и дома,
на лестницы и на деревья,
зная одно: каждый шаг – это
мост между будущим и прошлым
в нежном трепете улиц.

Из книги «Вторая книга о Доме» (2017):

Мы построили дом, защиту от мягких ветров,
Укреплённый золотым сечением линий,
На приятном склоне, где закат романтично багров
И солнце до самых недр прогревает землю в долине.

Камень за камнем поднимались своим чередом,
Нежность ветвей скрепляло благословение глины,
Окна в залах – насквозь, когда врывается в дом
Свет зари, ранней, былинной.

О дом, от страха укрывший нас под защитой светов,
Дар глины, созвездий, земли,
Каскад тихого золота, небо без секретов

И чаша с герберами в саду, их цвет скоротечный.
Дом, где сменяться осень, весна, лето могли,
Где жили дни и ночи – бесконечно.

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

МИЛИЦА БАКРАЧ (род. в 1977)

Милица Бакрач (девичья фамилия Ненезич) родилась в Никшиче, Черногория, здесь же в местном университете окончила факультет философии (отделение сербского языка и литературы). Она является автором двенадцати поэтических книг для взрослых и детей, опубликованных на

сербском языке и кириллице. Творчество Милицы Бакрач представлено в многочисленных антологиях современной сербской поэзии.

Награды: первая премия «Ратковичевых вечеров поэзии» для молодых поэтов (Биело Поле, Черногория); лауреат премии Святого Саввы за литературные произведения, посвящённые сербскому народу (Восточное Сараево); премия «Марко Милянов» (Подгорица); Золотой значок и грамота культурно-просветительского сообщества Сербии за бескорыстную, преданную и длительную работу и творческий вклад в распространение культуры (Белград); «Поэтическая грамота» в честь 700-летия монастыря Баньска (Косовска Митровица), премия «Витязя жизни» (Белград); премия «Душко Трифунович» (Пале), специальная премия «ПРО ПОЕТ» (Инджия, Сербия); премии «Растко Петрович» (Белград), «Святосавско Благодарье» (Белград), «Венец Эвридики» (Пожаревац), «Хартия города Суботице» и «Печать князя Лазаря» (Пожега).

Милица Бакрач – действительный член Ассоциации писателей Черногории и Ассоциации писателей Сербии, а также Литературного общества сербских писателей Косово и Метохии.

ИГРА

Улицы полнятся зверем и людом.
Имя и нрав продавать уже смеют.
Скупщики Веры торгуют и чудом.
Волчьи шкуры, а овцами блеют.

Из-под полы в полутьме предлагают.
В дудки дудят! Вот волынки на выход!
Боже, похоже, они и не знают –
В торге виденьем не будет им выгод.

Некто стучит в барабаны впустую.
Вся эта ярмарка душит до боли.
«Тем, что украдено, смело торгую!»

Дни отравили мне вести-дурманы.
Ты же мне мелкого бисера соли
В виде подарка насыпал на раны.

СОНЕТ КОСТЕ РАДОВИЧУ

Летом сомкнула Пива свои уста,
И все пешеходы твердят об этом.

Нет Косты, что строил «Дом у Христа»
Братьям, крестьянам, поэтам.

Вот уже на небе встретят его толпой
Воспоминания, мир и измены.
Неимар, что был после Косты второй,
Достроит вместе с братией стены.

В полдень крыша вознесётся ввысь,
Став преградой небесным птицам.
Небо у Косты близко, вглядись.

Байо тут и Лазарь Сочица,
Яглика подойдёт и воды принесёт.
Коста в счастливом доме – в раю, где наш род!

Перевод с сербского Ивана Белокрылова

ТЕОДОР КРИЖКА (род. в 1956 г.)

Теодор Крижка родился в Кошице **(**Словакия**)** и, как мне видится, на его поэтическое формирование большое влияние оказали несколько факторов. С детских лет он был страстным книголюбом и книгочеем, внимательным и вдумчивым читателем. Тем, кто увлекается страноведением понятно, что из себя представляет Словакия, страна настолько же горная, насколько и равнинная, с десятками рек и речушек, лиственными и хвойными лесами, богатым животным миром. Природа, окружающая мальчика, потом юношу и вот уже взрослого человека, также внесла свою лепту в лепку основ мироздания и понимания поэтом своего места в мире. Не удивляешься обилию в его стихах «животной» темы: тут и гуси, и удоды, и волки с овцами. Всякой твари по паре, но и автор, вот он – как на ладони!

«Склонясь, читает, клюв уткнув в песок,
Со слуха – шелест насекомых ног.
Так из великой книги Бытия пророк
Читает будущее, что писал нам Бог»
/Удод – мистическая птица/

Известная словакистка Наталия Шведова, переводившая на русский язык в том числе и стихи Теодора (они вошли в словацкий том Славянской поэтической антологии «Из века в век»), услышав и прочтя мои переводы,

сказала, что она переводила «совершенно другого Крижку»! По её словам, можно наблюдать качественно иной поэтический мир в стихах, которые переводила она, и тем, что получилось у меня.

Вероятно, дело тут в выборе составителя от словацкой редакции, который сделал акцент на некоем авангардисте и формалисте Крижке, каковым он, конечно, не является. Отдавая дань определённой работе поэта с поэтическими формами, скажу, что даже редкое для западной поэзии количество устоявшихся конструкций: оды, сонеты, мадригалы и редчайшее для того же западного стихосложения владение составной и омонимической рифмами – не делает Теодора формалистом. Да, Крижка первым написал на словацком венок сонетов! Да, в его багаже этих самых сонетов столько, что хватит не только на всех словацких поэтов, но ещё и на пару стран по соседству! Но и в них, и в других стихах, выходящих из-под его пера, первооснова – мысль. Мысль как продолжение первоосновы нашего существования – Слова Божественного. Вера в Господа нашего Иисуса Христа – это ещё один камень в фундаменте поэта Крижки, еще один луч в мировоззрении Крижки-мыслителя.

«…Под небом стою я как будто горошина,
Как зёрнышко мака, горчицы зерно...»
/Звёздные ночи/

Не случайно в стихотворении «Молитва за поэтов» упомянуты поэты Ян Голлы, Павол Орсаг-Гвездослав, Валентин Беньяк, Павол Ушак-Олива, Карол Стрмень, Ян Силан, Юлий Гомола, Иосиф Тот, которые являются своего рода авангардом духовной словацкой поэзии, рядом с которыми хотел бы стоять и Крижка: «Меня добавь к их именам…».

Крижку непросто переводить: из сотни его стихотворений, всколыхнувших меня и как поэта, и как переводчика, я едва сумел осилить и донести до русского читателя четверть. Но тем интереснее работа над сопротивляющимся переводу, но таким близким миром поэта.

МОЛИТВА ЗА ПОЭТОВ

Господь, сохрани весь словацкий народ,
Он щедро стихами воспет.
Пускай пред Судом Твоим Голлы споёт
В защиту как славный поэт.

Коль этого мало – за миг до расправ,
Покуда не в пепле земля, –
Послушай, как славил Твой мир Гвездослав,
Отдав без остатка себя.

Где будет покорно молиться словак
Тебе о прощенье грехов,
Ты вспомни ту песнь, что сложил нам Беньяк
Из незаменимых стихов.

Оливу, слугу Твоего, не забудь –
Он верой крепил наши дни.
А также и Стрмена, поэзии суть,
И Силана ты вспомяни.

На всех, продвигавшихся сквозь гололёд,
Не сломленных тут или там,
Таких, как Гомола и Йожка Тот,
Меня добавь к их именам.

И дай силу духа творцам молодым,
Не мчать за соблазнами мод,
Поскольку они превращаются в дым
И фальшь пожинает народ.

А холод всё ближе и темень густа,
Иконой войди ж в нашу плоть.
Народ без поэтов смыкает уста,
Восславь же поэтов, Господь.

УДОД – МИСТИЧЕСКАЯ ПТИЦА

Склонясь, читает, клюв уткнув в песок,
Со слуха – шелест насекомых ног.
Так из великой книги Бытия пророк
Читает будущее, что писал нам Бог.

Удод склонился сердцем, всей душой,
В безмолвие святое погружён,
И клювом-хаси насекомых рой
С рисунков цинских выбирает он.

Пророк и птица кратких лет своих
Читают на песке мерцанья след
Чуть призрачный, им в том родней родных
Прозябник жизни нищенской – поэт.

Песок и звёзды сыплются в часах,
Златые зёрна чаш покрыли дно.
Коленопреклонён, пророк и птах,
За мудростью я к вам иду давно.

К земле я ухо приложил туда,
Где предков прах, и напрягая слух,
Застенчив слушаю и робко жду, когда
Войдёт в мой вдох благоуханный Дух.

ЗВЁЗДНЫЕ НОЧИ

Люблю эти ночи я, звёздные, ясные,
Скрипит под ногами снежок, а мороз
Окошки озёр порасписывал баснями,
Как горлышко вазы гирляндою роз.

Я слушаю небо. Всем сердцем. Взъерошенно.
Глаза в полутьме отдыхают давно.
Под небом стою я как будто горошина,
Как зёрнышко мака, горчицы зерно.

Летящие звёзды как стружки древесные,
Как бьющие из-под кресала лучи.
Ну как не расти с красотою небесною,
Что Бог ежечасно мне дарит в ночи!

Перевод со словацкого Ивана Белокрылова

РЕНАТА ЦЫГАН (род. в 1968 году)

Рената Цыган – современная польская поэтесса, переводчик, художник, фотограф, графический дизайнер. Она родилась в Кутно, а с 1992 года живет в Лондоне, работает в СМИ.

Пишет стихи в разных жанрах: лирические, сатирические, философские, переводит на английский поэзию и прозу своих коллег по перу. Создала множество обложек и иллюстраций для книг.

Рената Цыган является членом Союза польских авторов в Варшаве и художественной группы КаМПе в Лондоне. Она – лауреат многих национальных и международных конкурсов, является автором 4 поэтических

сборников: «Цветная» (2014), «Летучее перышко» (2016), «Три луны» (2016), « Бываю трубадуром» (2017).

Стихи Ренаты Цыган печатались в многочисленных сборниках, антологиях, литературных журналах, переводились на русский[1], болгарский, белорусский, английский, итальянский, телугу и турецкий языки. Знаток польского языка, мастер оригинальных метафор, игры слов и рифмы.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Мы – дети Матери Природы,
Морской волны
И водопадов,
Песка, травы, камней громады,
Поющих птиц,
Ползущих гадов.

Мы – дети звёзд и всех планет,
Живёт в нас папоротника цвет,
В нас отблески зари рассветной,
Волчицы одинокий вой,
Скалы гранит, рек водопой.
Приземлены, наживы скованы клещами,
В плену ошибочных иллюзий
Несёмся в ведьминых мы плясках
В слепой погоне за деньгами.
Мы ненасытны,
Гадки, алчны,
Кусаем руку, что нас кормит,
Ловчим,
Приукрашаем быт.
Не время ль нам остановиться?
И просто жить!

Всё мало нам, всё скучно нам,
Избороздили шар земной маршрутами,
Упрямо верим, завтра…
Где-то там ...
Не принимая простую весть:
Не будет завтра «там»
Без сегодня и «здесь».

[1] См. стихи Ренаты Цыган в переводе Ирины Ковалевой в журнале «Переводчик» № 18, 2018. СС. 88-91. (Прим. ред.).

Я – ЦЕЛЫЙ МИР

Я – целый мир, растворяюсь в просторах,
Могу собрать страхи и усмирить страх.
Наполнить моря и вырастить горы,
Закабалить все звуки в словах.

Огонь разожгу при создании иллюзий,
Будто ветер держу я в руках
И что вечно права, нежусь я в поцелуях,
Обнимая луну, слёзы лью в облаках.

На распутье – своя, то стою у руля,
То росточком проклюнусь в зерне.
Не нужна – растворюсь, позовёшь – появлюсь
В море рыбой иль корнем в земле.

В людском муравейнике кручусь как юла,
Нынче – мякиш, на завтра я – туча, скала.
То баллады бубню, то виват заиграю,
Лишь под взглядом твоим я оживаю.

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сплетались наши вздохи
На верхней грани моста,
В любовных разговорах
Мы растворялись
Просто.

Дышали полной грудью,
Безмерно счастьем полны,
Над нами купол неба,
А под ногами волны.

Но с каждым новым шагом
Вихрь создавал преграду,
Он унесён на небо,
Она шагнула в воду.

Уж им не по дороге,
Срок боли не излечит,

Крадётся ночь злодейкой,
А мост? Он – долговечен...

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО

В голове мотыльки, полны руки желаний,
свежесть роз не забыть в закоулках сознанья,
переполнен фонтан обещанием встречи,
в парусах на заре просыпается ветер.
Полны книги стихов, струны нежных звучаний,
Красота юных тел – исполненья желаний.

Миг и слёзы в глазах затуманили взор,
в письмах прощанья укор,
Мысли клубятся, как тени. Капает воск на колени.
Луна серебром пустой дом осветила,
гримаса улыбки в трельяже застыла.
Берёза, ветви раскинув, надежду разбудит.
Будет всё хорошо.
Я уверена.
Не сегодня, но будет.

Перевод с польского Аллы Чучиной

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов[1] – поэт, писатель, художник. Потомок выходца из Шотландии Георга Лермонта, взятого в плен при осаде крепости Белой в начале XVII в. Родился в Москве. Сын помещика, капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой. Рано потерял мать. Его бабушка по материнской линии Елизавета Алексеевна Арсеньева, урождённая Столыпина, вынудила Юрия Петровича предоставить воспитание внука ей. Детство Лермонтова прошло в её имении Тарханы Пензенской губернии.

Первоначально получал образование дома у иностранных учителей. С 1828 г. учился в Благородном пансионе при Московском университете. Затем в Московском университете на нравственно-политическом отделении, но курса не окончил. В 1832 г. переехал в Петербург, намереваясь продолжить обучение в Петербургском университете, но зачислен не был.

[1] https://um.mos.ru/personalities/lermontov/

В том же году поступил в школу гвардейских юнкеров и прапорщиков, где учился вместе с Николаем Соломоновичем Мартыновым, будущим своим убийцей. В 1834 г. Лермонтов был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк.

Литературную деятельность начал в 1829 г., хотя первое его произведение, поэма «Хаджи Абрек», было напечатано лишь в 1835 г. Существует предание, что рукопись была отправлена в редакцию без ведома автора. Лермонтов автор около 400 стихотворений, около 30 поэм, в том числе «Демон», «Мцыри[1]», автор драмы «Маскарад», прозаических произведений: «Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская» и др.

Стихотворение «На смерть поэта», созданное после трагической гибели А.С. Пушкина, вызвало неудовольствие властей, и Лермонтов был выслан прапорщиком в действовавший на Кавказе Нижегородский драгунский полк. В 1838 г. вновь возвратился в Петербург.

На одном из балов в 1840 г. поэт поссорился с сыном французского посланника де Барантом, в результате чего произошла дуэль, окончившаяся бескровно. Но Лермонтов был вновь выслан в Тенгинский пехотный полк на Кавказ. В Пятигорске он встретил своего однокашника по школе прапорщиков Мартынова. Из-за пустой ссоры у них состоялась дуэль, на которой Лермонтов был убит. В 1842 г. прах поэта был перенесен в его имение Тарханы Пензенской губернии.

Михаил Юрьевич женат не был, но всю жизнь был увлечён Варварой Александровной Лопухиной, в замужестве Бахметевой. Она является адресатом любовной лирики поэта.

Лермонтов был талантливым живописцем. Его наследие составляют акварели и рисунки с изображением пейзажей, жанровых сцен, портретов, карикатур. Многие из них связаны с кавказской темой.

МЦЫРИ

18

He threw himself upon my breast;
But zeal that over me obsessed
Stuck to his throat, twice turned to test
My weapon… Then he got to howl,
Half-dead he rushed at me with growl,
And, intertwining like two snakes,
With hug more strong than friend’s handshakes,
Fell down at once, with mist around
The fight continued on the ground.

[1] См. начало в журнале «Переводчик» № 16, 2016. (Прим. ред.).

And I myself was child of hell;
Like desert panther, wild and fell,
I blazed, I shrilled, my heart was torn;
As if myself I had been born
In breed of panthers and of wolves,
Wherein the gust of forests moves.
All people's words were not in chime
With me – outright in breast of mine
Was newly born that awful scream,
As if since birth, at least in dream,
No other sound could ever seem…
But foe of mine got to succumb,
To toss, his breath was well-nigh dumb,
He squeezed me tight at final trice…
The pupils of his moveless eyes
Just glistened angrily – and closed:
In placid, ageless rest reposed;
Although foe's triumph ne'er dozed –
He met his death, met face to face
With fighter's dignity and grace.

19

Now you can see at breast of mine
The paws and claws deep-seated sign;
Till now it haven't cicatrized,
It haven't closed; but God devised:
Soil's damp should make it fresh and live,
And death should evermore revive.
About this sign I then forgot,
Remains of vigour I made hot,
I roamed in depth of woods till late…
In vain I argued with my fate:
It laughed at me with open hate!

20

Soon from the woods I went away.
The dawn peeped out, and roundelay
Of all exhorting stars and moon
Hid in its rays. In fog and fume
The forest soughed. Far thorp was seen
To start its puffing. Hollow din

In dale with wind could run and bound…
I sat and tried to catch the sound;
But it grew still, as well as wind.
I cast my glance at every tint:
That land to me quite well-known seemed.
I was afraid. I ne'er knew
(For I just couldn't!) that anew
I was recluse in jail of mine;
Diurnal and nocturnal shine
In vain caressed me with my dream,
With my long-suff'ring yearning whim,
What for?.. So in the prime of life,
When I began my god's light strife,
At dulcet rustling of the holt,
At all the bliss of my revolt,
I would in grave remain alone
With mournful smart for sacred home,
With hopes deceived and their blame,
And with your mercy's alien shame!..
The aching doubt was all I felt,
I thought that incubus than smelled…
But bell far off both pealed and knelled.
This toll was spreading in the still –
Than all distinctly I could feel…
Oh! I at once could recognize!
Because long since from weeping eyes
It has chased off my life-like dream
Of those pertaining to my kin,
Of verdure's savage will and force,
Of every light and fervent horse,
Of marv'lous battles in the rocks,
When I outfighted crowds and flocks!..
And hearkened I: nor wept, nor strove.
That very tolling seemed to rove
Within my heart – as if fell quest
With iron weapon hit my breast.
And then I saw in mournful haze,
As passed my home without a trace:
Nor darling voice, nor precious face.

21

Yes, this it is to what I kneeled!

A mighty horse, in alien field,
Has right away bad rider thrown,
And now towards his native home
Will find his way, will do his best…
He's great – and I? For naught my breast
Is overfilled with lust and pain:
That was the fervor – feeble and vain,
The game of dream, disease of mind.
With its deep seal the jail has signed
The fate of mine. Such is the bloom
Imprisoned: grown in lonely gloom
And pallid he's amid wet plates,
And ne'er all new leaves and blades
Have blossomed out, awaiting rays;
Life-giving ones. And many days
Since passed, and fond caressing hand
Has touched this flower with lament,
And now in orchard he resides,
In bed of rose. From all the sides
Was breathing blissful waft of life…
But what? I saw the dawn revive,
With scorching ray it could illume
That very tamed imprisoned bloom…

22

And I, like him, was one whom scorch
Relentless rays of day-star's torch.
In vain I hid in grass, half-dead,
The whole fatigue of reckless head:
With crown of thorn its withered lace
Above my forehead, by my face
Was wreathing down, I felt ablaze,
The earth itself was hot and bright.
And quickly gleaming in the height,
The sparks were whirling; off white cliff
Was flowing steam. Without relief
God's torpid world could take its rest,
That with despair was oppressed.
Oh how I longed for shriek of crake,
Or dragon-fly with vivid shake
To be once heard, or of the rill
The childly babble… All I feel

Is snake and weeds in rustling shrill,
Snake beamed and gleamed with yellow spine,
As if with some gold-plated sign
Inscribed from top till bottom blade,
She furrowed sand with crumbly shade,
With prudent grace she glided – and
In playing, basking on the sand,
Was coiling up in treble band.
Then all at once as if aflame,
She tossed and jumped in scalding pain,
And far in bushes crept to hide…

23

And was the vast of azure height
Serene and placid. Through the fume
Two mounts were peeping out in gloom.
The cloister out of mountain's pall
Was scintillating with cogged wall.
Beneath Aragva and Kura,
With silvern selvage twining far
Round youngling aits and their foot
And touching rustling bush's root,
Ran forth in harmony and ease…
So far from me puffed their breeze!
I tried to stand – but had to lie:
My head got whirling: speed was high;
I tried to scream – the tongue got dry,
Bereft of any sound and stir…
Then moribund, I felt so sore
With dying rave. And my death-bed
Was at the bottom – chill and wet –
Of dark deep river – and that place
Was all enclosed with mystic haze.
And, chanting my longevous dream,
Resembling ice, the gelid stream
With purl was pouring to my breast…
I feared just to take a rest, –
I felt so blissful in delight…
And far above me in the height
The wave to wave was pressing tight,
And sun through crystal could illume
With more beatitude than moon.

And particoloured shoals of fish
In rays could spark, performing wish.
And I remember one of them:
She welcomed me and got to whelm
Me with endearment. The scale
With gilded vesture could exhale
Upon her back. She got to twine
Again above the head of mine,
Her eyes, that gazed with verdant shine, –
So sadly soft and deep they were!..
I couldn't help adoring her:
Her silvern voice gave quabled stir:
In mystic whisper would persist,
In dulcet song now splashed now ceased.

She talked to me: "My little one,
Stay here, try to doze:
In water life is free with fun,
And coldness and repose.

*
I'll call my sisters (they are nice!):
At once in roundelay
We shall amuse thy misty eyes
And chase thy grief away.

*
Now sleep, the bed of thine is soft,
Pellucid is thy shroud.
All suns and moons will fade aloft,
While marvel speaks aloud.

*
Oh, heart of mine! I won't conceal,
I love thee: can't ye feel?
Like all free waves that lull and heal,
Like all my woe and weal…"

A long, a long while sound was dim;
It seemed as if euphonic stream
In placid sigh till now can pray
In chime with words that goldfish say.
Then I got fainted. God could save,

But light was quenched. The frantic rave
To my fatigue alack gave in…

Перевод с русского на английский Екатерины Коржовой

ЭЛЛЕН МАРИЯ ХАНТИНГТОН ГЕЙТС (1835 – 1920)

В 2020 году исполняется 100 лет со дня смерти плодовитой американской писательницей 19 века Эллен Марии Хантингтон Гейтс. Ее стихотворения нередко публикуются в периодике и включаются в антологии[1].

Из предисловия к сборнику стихотворений «The Marble House»

Моя мать[2] была одиннадцатым ребенком в семье Уильяма и Элизабет Винсент Хантингтон. Она родилась в городке, тогда небольшом населённом пункте – Торрингтон, штат Коннектикут. В преклонном возрасте, как это нередко бывает с пожилыми людьми, она часто предавалась детским и юношеским воспоминаниям. Когда Эллен исполнилось восемьдесят лет, она начала записывать свои воспоминания из самого раннего детства:

«Мы были очень патриотично настроены в то время. Дома часто велись разговоры о Джордже Вашингтоне, который казался полубогом и мы, бывало, плакали, когда слышали о Лафайете, посетившем Америку[3]*. Во многих домах хранились старые ярко-красные пальто с позолоченными пуговицами, которые покупались у Гессиана. Они помогали сделать величественное шоу на День Независимости. Я помню, как одно такое пальто было расстелено на нашем парадном крыльце. Весь городок веселился, используя их в качестве украшений».*

Она также написала и о своей первой школе, в которую пошла в возрасте четырех лет. *«Это была школа для малышей, которую возглавляла Мисс Сибилла Эглстон. Из того, чему нас учили, я помню только названия пяти органов чувств».*

<…> «Классная комната находилась наверху высокого здания, возможно, муниципалитета, и если я поднималась на носочки и высовывалась

---

[1] См. публикацию переводов поэзии Э.Х. Гейтс в журнале «Переводчик» № 15, 2015, СС. 84-89. (Прим. ред.).

[2] Предисловие к сборнику стихотворений The Marble House, написано дочерью Эллен М. Х. Гейтс – Эллен Грэнвил Баркер. (Прим. пер.).

[3] Маркиз Жильбер Лафайет – французский политический деятель. Участник трёх революций: американской войны за независимость, Великой французской революции и июльской революции 1830 года. Во время тура по Америке в 1824 году, ему подарили аллигатора, которого он, в свою очередь, передарил президенту Джону-Квинси Адамсу, а тот потом держал его в ванне в Белом Доме – назвал своего единственного сына Жорж Вашингтон Лафайет. Поехать воевать за американцев в войне за независимость его убедил брат английского короля Георга III. (Прим. пер).

из окна, то видела верхушки деревьев, на которых птицы вили гнезда и распевали свои счастливые песни. А под деревьями копошился целый мир насекомых – муравьёв, кузнечиков, червячков, которые сновали туда-сюда по своим делам, и их мир был гораздо больше, чем они о нём знали или мы сами могли вообразить».

Маленькая девочка четырёх лет, стоявшая на цыпочках, высовываясь из окна, чтобы обнаружить красоту и нечто удивительное – это то, что оставалось с моей матерью в течение всей её жизни. Это всегда была тайна, которая влекла её к себе – тайна природных вещей: огня, света, воздуха, моря и облаков, тайна головоломок, жизнь птиц, животных, растений. Но, над всем этим доминировала тайна смерти.

В глубине души в моменты вдохновения, казалось, что она останавливалась и задерживалась перед входом в тот Мраморный зал, мудро прислушиваясь к тихому шёпоту внутри себя, пытаясь разглядеть что-то сквозь неясные очертания.

Она принадлежала к поколению, читавшему поэтов, которыми нынче пренебрегают. Эллен черпала свою литературную культуру из старых благородных источников: Ветхого Завета, Джона Мильтона, Баньяна, Аддисона и Попа.

Дух Новой Англии, сдержанность в эмоциях, особая совестливость пронизывает всё, о чем она писала. В повседневной жизни она любила шутки, часто оригинальные, эксцентричные, но в своей работе Эллен принадлежала своему поколению и своему времени, и порой казалось, что она как какая-то очень изысканная раковина, в которой отражается могучий ритм мыслей, далёкий от её собственных дум.

Эллен написала свои первые стихи, когда ей пошел десятый год. Они вместе с матерью поехали в город Онеонта, Нью Йорк, чтобы жить поближе к братьям – Солону и Коллису Хантингтон. Её первым стихотворением был акростих о любви. <…>.

Но мне кажется, что она гораздо больше гордилась своими попытками преуспеть в художественном творчестве, будучи ученицей в школе Мисс Лавинии Геррик, когда училась вышивать, рисовать и писать акварели.

«Мы работали очень медленно и тщательно, и наши прекрасные картины садовых и полевых цветов были предметом гордости и восторга домочадцев».

Когда она стала молодой девушкой, Эллен отправили учиться в женскую семинарию в Гамильтоне, Нью-Йорк. Она обычно рассказывала, как поднялась еще до рассвета, «*Удивительно, как мне это было позволено!»,* села в дилижанс (железной дороги в этом районе тогда еще не было) и как она узнала в попутчице свою старую подругу, Лумис Кэмпбелл, которая направлялась в Мэдисонский университет, тоже в Гамильтоне.

Университет и семинария составляли главное общество в Гамильтоне. *«Наше свободное время было заполнено вечеринками, встречами в гостеприимных домах посёлка»*. Она писала: *«Президентом Мэдисонского университета в то время был д-р Джордж У. Итон. В его прекрасном доме, «Вудленд Хайтс», постоянно развлекались молодые люди».* Эти годы в Гамильтоне были идиллическим временем для Эллен <…>.

Среди студентов университета были и два брата – Оливер и Эдвин Гейтс, последний спустя семь или восемь лет стал её мужем.

Её первое стихотворение Your Mission («Твоя Миссия») было напечатано в периодических изданиях «Нью Йорк Экзаминер» и «Куперстаун Джорнал», когда Эллен училась ещё в школе. Оно многократно перепечатывалось, было положено на музыку и часто исполнялось на концертах.

Авраам Линкольн услышал его в исполнении Филиппа Филиппса в Конгресс-Холле в Вашингтоне и написал на клочке бумаги (который тщательно хранится): «Попросите м-ра Филиппса повторить произведение «Твоя Миссия», но не говорите, что я просил об этом». Это, несмотря на двусмысленность окончания фразы, была настоящая слава для школьницы.

Говорили, что стихотворение было переведено на семь языков, но его автор скромно протестовала: *«В это верится с трудом!».*

Первые десять или двенадцать лет замужества прошли в Висконсине. Именно там Эллен наблюдала, как войска штата, отправлялись на Гражданскую войну.

Но самой великой трагедией из всех в эту драматическую эпоху было убийство Линкольна. Это событие навсегда сохранилось в её памяти. Оно вдохновило Эллен на стихотворение о войне “Lincoln Has Fallen” («Линкольн пал»).

В 70-ые годы она вернулась на Восток. С тех пор и до самой смерти она проживала либо в Нью-Йорке, либо в его окрестностях.

Её замужняя жизнь была долгой, неослабевающей привязанностью. Эллен окружало много преданных друзей, особенно в преклонном возрасте. Среди родственников она занимала главенствующее положение. Но, несмотря на все самые тесные человеческие узы, её внутренний мир был наполнен своими образами.

Большая часть разговоров, которые велись в её присутствии, казалось, утомляли. Эллен обычно сидела чуть в стороне от остальных с закрытыми глазами. На её прекрасном лице блуждала умиротворенная отрешённость. Возможно, в такие моменты, воображение уносило её в царство Света и Тьмы, Времени и Пространства, Вечности. Думаю, что её близорукость способствовала формированию ощущения странности, которую она находила во многих вещах в природе. Поскольку она видела их размытыми, как в тумане, то больше концентрировалась на внутреннем содержании, нежели на их внешних проявлениях.

Поиски приключений среди горных вершин, бескрайние моря, неизведанные земли притягивали её к себе до самого конца.

Когда Эллен исполнилось восемьдесят четыре года, она написала: *«Я совершенно здорова и крепка. Я могла бы отправиться куда угодно, я могла бы поехать в Гималаи»*. С таким же мужеством она была готова встретить смерть.

И хотя в конце она пришла к ней быстро, Эллен почила с миром в забытьи, но незадолго до этого она написала:

«Моя тень по направлению к Западу становится все длиннее. Я не удивлена, не опечалена, потому что знаю, что за этим малиновым светом скрывается страна, которую я хотела бы увидеть».

ЗАКАТ

Беспечно птички щебетали,
С зарёй алели небеса.
Мы счастья радостью дышали,
Звучали сладко голоса.

Едины были стар и млад.
Приветливо светились лица,
А нынче посмотри, мой брат,
На запад солнце уж садится.

Тропа, что раньше по утрам
Благоухала ароматом,
Петляя по полям, лугам, –
Короче стала, чем когда-то.

Простор уж глазу не найти,
Ложатся тени всё длиннее.
На нашем жизненном пути
Запас добра скудеет.

О, Солнце, не спеши с небес!

Верша свой путь по кругу,
За горизонтом скрыться.
Дай преданному другу
Улыбкой поделиться.

Дай мне ему ответить,
Пока горит закат,

И лучик ещё светит –
Не суть, кто виноват.

Ещё длиннее тени.
Увы, нам не до слов.
Нет больше сожалений.

Все суетное – прочь,
Когда садится солнце
И подступает ночь.

ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

Что, если как-то раз случится,
К вам гость нежданно постучится?
С улыбкой встретите его,
Признав духовное родство.

Поймёте – на пороге друг.
Но кто? Лицо его не скажет вдруг.
Он вам испить протянет чашу.
В ней – сила молодости вашей.

О том давным-давно поэты
Разносят весть по белу свету.
Решайте, мучаясь в слезах,
В тревожных, беспокойных снах,

Какой дадите вы ответ –
Шепнёте тихо: «ДА» иль «НЕТ?»

РАДОСТЬ

Чу! Вот она уже у двери,
В росе сандалии сверкают,
Пусть запоздала, но теперь, –
К тебе все взоры обращает.

И искупить вину готова,
Твой путь цветами устилая.
Песнь к Небесам взмывает снова,
Земля восторженно сияет!

ПОТЕРИ

Что, если б ваши все потери,
О чём так долго убивались,
Страдали, слёзы проливали,
С веселой песнею столпились
У вашей двери, стали ждать –
Вы их позвали бы их опять?

БОЛЬ

Зачем пришла – не знаю я,
Зачем не спешен мой уход?
Никто не любит здесь меня
Приветных песен не поёт.

Всяк, кто встречается в пути,
Лишь только хмурит брови,
Мечтая поскорей уйти –
Закрыть плотнее двери.

Нет места радости при мне
Веселье – угасает…
И нет того, кто на земле
Души во мне не чает.

Но у меня в руках
Есть некий тайный знак,
Который разгадать
Сама не знаю как.

Он словно свет звезды.
Звучит, как песнь, маня.
Прошу – кто б ни был ты,
Не сторонись меня!

ОДИНОЧЕСТВО

Всё выше и выше с тяжёлою ношей,
Без устали вверх устремляешься ты.
К сияющим пикам усилия брошены,
Сквозь бури и ветер в пределы мечты.

И если огромные камни с вершины
Покатятся вниз, ты на них не смотри –
Укажет им путь провиденье в долины,
Одежды твоей не коснутся они.

Ведь с долами ты без оглядки простился,
Где тропки зелёные ждали тебя,
К вершине бесстрашно вперёд устремился,
Себя не жалея и сил не щадя.

Когда же достигнешь заветной мечты,
Победу разделишь лишь только с собой.
И страх испытаешь, но знаешь ли ты
Про одиночество в мире и боль?

Перевод с английского Ольги Стельмак

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

От переводчика. Литературный календарь 2020 года несёт памятную дату – 190-летие со дня рождения замечательной английской поэтессы Кристины Россетти. Её богатое творческое наследие находит всё новых и новых почитателей далеко за пределами Англии. Многие годы, занимаясь переводом произведений К. Россетти на русский язык, не устаю поражаться многообразию и глубине её поэзии. Предлагаю читателям журнала несколько новых переводов в связи с юбилеем дорогого мне автора.

«В ПОЛНОЧИ ЕСТЬ РОСТОК УТРА»

Ещё зимние ветки на фоне небесном,
Холодном пока, но чуть с голубым.
        Светлей облака, а кто-нибудь смог
Сказать бы, что в теле древесном
        Проснулся невидимый сок
И к почкам стремится тугим?

Зима – мать и нянька чудесной весны;
Для дочери милой – прекрасная мать.
        Вполне хороша всем. Вперёд устремлённым
Начала грядущего всюду видны:

В растущем они или пусть в унесённом,
Иль в том, что готово сломаться.

ВЕРНЫЙ ДРУГ

Сажала я деревце – юной была;
Выросло сильным – состарилась я.
Здесь в стужу малиновка кров обретя,
Голос высокий настроить могла.

Я древо сажала зелёным, живым,
Вечнозелёной листвою играло,
Нежный покров далеко простирало;
Я в полдень сидела под ним.

Стоит, возвышаясь… Без боли, смятенья
Я зрю из окна… С ним спорят ветра;
В зиму сияет от серебра.
А летом бушует в цветенье;

И гордо качает вершиной,
Коль ветер целует, любя;
В полной зрелости древо. А я?
Я ж поникла: лицо всё в морщинах.

Глаза пеленой застилает,
От слёз едва вижу его,
Друга верного моего;
Он, мудрый, мои тайны знает.

Легко было с другом взрослеть,
Вместе мы становились сильней,
Но зелёная жизнь – длинней;
Мне, как раньше, уже не сидеть…

Распускаться ему, ронять листья свои;
Так же тенью, теплом одаривать сможет…
А мне уготовано смертное ложе
Под кипарисом в тени.

Из «СПЕТЫХ ПЕСЕН»

***

Ангелы – в твоих ногах,
И ангелы – в изголовье. Мой сладкий
Похож на кудрявого агнца –
Прелестен малыш в кроватке.

***

Соня – сонечка,
Засоня,
Глазки плотнее закрой,
Украдкой смотреть не пытайся,
Рано утром не просыпайся;
Спи, ласковый мой.

***

Я копала, копала среди снегов
И думала, что здесь не будет цветов.
Я копала, копала среди песка
И зелёного не отыскала листка.

О, растайте, снега! Тёплый ветер готов
Снег растопить ради цветов,
Но ветра всех земель из всего песка
Не сумеют создать цветка.

***

Люби меня – люблю я тебя,
Люби меня, маленький мой.
Пой весело, пой тихонько,
Как можешь, об этом пой.

Лелеют мамины руки тебя,
И льётся очей её свет на тебя.
Пой весело, пой тихонько;
Люби меня – люблю я тебя.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

ВОЛЬТЕР (1694 – 1778)

ГЕБРЫ,
или
ТЕРПИМОСТЬ

Трагедия в пяти актах.

Д Е Й С Т В И Е Ч Е Т В Ё Р Т О Е

СЦЕНА I.

СТАРЫЙ АРЗЕМОН, МЕГАТИЗ

С т а р ы й А р з е м о н

Ты преграждаешь вход, мешаешь мне пройти;
Ты оскорбил меня, недобрый друг.

М е г а т и з

Прости!
Бедняга Арземон, любимый мой учитель,
Столь злополучный друг, несчастнейший родитель,
Чего ты требуешь?

С т а р ы й А р з е м о н

Хочу, чтоб ты помог.
Иль, римлянам служа, ты тоже стал жесток?

М е г а т и з

Послушайся меня, беги сих мест кровавых,
Где пытки, казни, смерть, где торжество неправых,
Вернись домой, страшись тиранов и их слуг:
Нас окружает смерть.

С т а р ы й А р з е м о н

Где мои дети, друг?

М е г а т и з

Они в большой беде; ты боль их усугубишь:
Детей ты не спасёшь, да и себя погубишь.

С т а р ы й А р з е м о н

Пусть так, я ничего не должен упустить.
Я с комендантом сам хочу поговорить.
Не наш ли Ирадан – боюсь я ошибиться –
Поставлен Кесарем оборонять границу?

М е г а т и з

Он самый, так и есть; но, долгом облечён,
Несчастного отца не станет слушать он.

С т а р ы й А р з е м о н

Ужели Ирадан откажет мне в приёме?

М е г а т и з

Уверен.

С т а р ы й А р з е м о н

А меня сам Кесарь принял в доме,
Беседовал.

М е г а т и з

С тобой?!

С т а р ы й А р з е м о н

Великие подчас
Дарят вниманием скромнейшего из нас;
Надоедает им язык придворных лживый,
Их лицемерие, корысть, обычай льстивый;
С высот величия, и Кесари порой
Нисходят ласково к тому, кто прост душой.
Я Кесарю принёс гостинцы с огорода,

Моим искусством в них улучшена природа.
Великий Галлиен со мной делил досуг
И не отверг плоды моих усердных рук.

М е г а т и з

Да разве ты не знал о подлом покушенье?

С т а р ы й А р з е м о н

Я знаю, ждёт меня печаль и сокрушенье,
Бесчеловечные гонения жрецов
И смерть моих детей за веру их отцов.
Вот потому-то я пытаюсь, бедолага,
С трибуном встретиться…поверь, ему на благо.

М е г а т и з

Ступай, упрямец, прочь! Ты усугубишь зло:
Ты хочешь, чтоб число страдальцев возросло?

С т а р ы й А р з е м о н

Страшны твои слова. Как их понять?

М е г а т и з

Кто знает…
Боюсь, что Ирадан от раны умирает.

С т а р ы й А р з е м о н

Что?!

М е г а т и з

На глаза ему казаться не дерзни.

С т а р ы й А р з е м о н

Но кто посмел…

М е г а т и з

Твой сын. Его ты и вини.

С т а р ы й А р з е м о н

О, Солнце! Облегчи неслыханную муку!
Ты на кого, сынок, преступно поднял руку?
На святотатство ль я тебя, злодей, взрастил!

М е г а т и з

Его уж не спасёшь – час казни наступил.

С т а р ы й А р з е м о н

О, горе, горе мне! От слёз не вижу света.
Тому ли я учил его в младые лета?
Он был послушен, добр, зла в сердце не таил.
Какой нечистый дух мне сына подменил?

М е г а т и з

И я о нём скорблю, я бед его виною…
И как бы, Арземон, ты не погиб со мною.
Уйди же, говорю!

С т а р ы й А р з е м о н

Увы! Что мне терять?
Остаток горьких дней? Мне скоро умирать;
Иль солнце ясное, что управляет нами?
Чуть вижу я его ослепшими очами;
Иль крови скудный ток, теряющий тепло?
Устал от жизни я, всё для меня прошло.
Одно осталось мне: трибуну молвить слово.

М е г а т и з

Сдаюсь. Останься здесь до часа рокового.

С т а р ы й А р з е м о н

Ещё хотел бы я своих любезных чад
Соединить, как нам обычаи велят.
Скажи, увижу ль я Арзаму?

М е г а т и з

Снова горе:
Она в руках жрецов. Грозит ей гибель вскоре.

С т а р ы й А р з е м о н

Войду ль к трибуну я?

М е г а т и з

Отцовская любовь
Не может оскорбить, хоть сын твой пролил кровь.
Постой… Схожу узнать, какого ждать исхода,
Довольно ль сил ему оставила природа,
Чтобы просителя он выслушать сумел.

С т а р ы й А р з е м о н

В какую бездну бед ввергает злой удел!

М е г а т и з

Молчи… за дверью шум… я слышу восклицанья…

С т а р ы й А р з е м о н

Впусти же!

М е г а т и з

Уходи, уважь мои страданья –
Быть может, Ирадан уже оставил нас,
И с ним Цезен, в слезах, прощается сейчас.
Да скройся же! Пойду, узнаю, что случилось.

С т а р ы й А р з е м о н

Спеши! О, светлый Бог, чья беспредельна милость,
Мой Бог, жалеющий заблудшие сердца,
Склони к несчастным взор сочувственный Отца!

СЦЕНА II.

ЦЕЗЕН; ИРАДАН *(с перевязанной рукой, опирается на Цезена);* МЕГАТИЗ.

Ц е з е н

Эй, Мегатиз, придвинь скорей ему сиденье!
Он еле держится, но жив; его раненье,
Надеюсь, заживёт, и пролитая кровь
Души не унесёт, и он воспрянет вновь.

И р а д а н, *Мегатизу*

Не плачь!

Ц е з е н, *Мегатизу*

Ты эту дверь стеречь обязан строго,
Дабы никто не смел переступить порога.

(Мегатиз выходит)

Ц е з е н, *Ирадану*

Сядь, отдохни, тебе необходим покой,
Дозволь нам укрепить дух ослабевший твой:
Ты слаб, и суета тебе бы помешала.

И р а д а н

Могу ль я пренебречь приказом трибунала?
Он оскорбил меня во много раз сильней,
Чем ранивший меня безумный лиходей.
Забрал мальчишку жрец, нарушив наше право,
Победа за врагом, а нам грозит расправа.
Кровавых извергов здесь слушают и чтут,

Лишь им дозволено вершить неправый суд.
Они по прихоти законы гнуть посмели.
Их голоса гремят, а мы – как онемели.
Того, чья крепче власть, владыки вознесут,
Поддержат сильного, а слабого сметут.
Прекраснее всех прав – помилованья право;
Я потерял его.

Ц е з е н

Да поразмысли здраво:
Законно ль ярого фанатика простить?

И р а д а н

Пусть он живёт.

Ц е з е н

Мой долг – за кровь твою отмстить.
И так уж в крепости все помыкают нами,
По званью воины, мы сделались рабами,
Из ненавистных мест уйти мы не вольны,
Здесь подлинно тюрьма, где мы заключены.
И Кесарь тут как тут: вести войну умея,
Он сразу перекрыл дороги к Апамее.
И в сотой доле я тебе не передам
Всю ненависть мою к мучителям-жрецам.
И я не отомщу их своре вероломной,
Я их не утоплю в потоках крови тёмной!
Нет – мы с тиранами плечом к плечу стоим,
Совместно твоего убийцу мы казним!
Я сам его отвёл, как жертву на закланье,
Поскольку не простил такого злодеянья,
Так лучше для тебя: коль гебра не казнят,
В потворстве ереси тебя же обвинят.

И р а д а н

Ты прав; но эту смерть я перенесть не в силах,
И леденеет кровь, оставшаяся в жилах.

СЦЕНА III.

ИРАДАН, ЦЕЗЕН, АРЗАМА.

А р з а м а *(бросаясь Цезену в ноги)*

В позоре и в тоске, прогневав небеса,
Я всё ж решилась вам явиться на глаза.
Я знаю – весь мой вид, пусть я не виновата,
Напоминает вам о злодеянье брата;
Дерзнув явиться к вам, вдвойне преступна я.

Ц е з е н *(поднимая её)*

Чего ты ждёшь от нас, потоки слёз лия?

А р з а м а

На пытку уведён мой брат, столь несчастливый;
Так повелели вы душою справедливой.
Вы вопрошаете, чего же я хочу?
Лишь смерти…

Ц е з е н

В этот миг он отдан палачу.
Мы оба с трепетом развязки ожидаем.
Ты ранишь нам сердца, тебе мы сострадаем;
Тебе, страдалица, открою я свой дом.
Дитя, доверься мне: мы, воины, не лжём.

А р з а м а

О, нет, мой господин, прошу я не пощады!
Без брата милого мне в жизни нет отрады;
Он сам, раскаявшись, не хочет больше жить,
И рядом с ним хочу я голову сложить.
Вам жаль меня; но мне обидна ваша жалость.
Иль мужества у вас ни капли не осталось,
И меч, что занесён над братней головой,
Не смеет на мою удар обрушить свой?
Ну, что ж! Моя рука быстрее, дух – смелее:
Терпеть такую жизнь и не покончить с нею?

И кто мы, гебры? – грязь! тлен! – только и всего.
Для римлян наша жизнь не стоит ничего.

Ц е з е н

Бедняжка, у меня сочувствия ищи ты:
В душе безвестный Бог встал на твою защиту,
Рассудка доводы любовью одолев.

И р а д а н

Живут в моей душе и жалость к ним, и гнев.

СЦЕНА IV.

ИРАДАН, АРЗАМА, ЦЕЗЕН;
входит МЕГАТИЗ.

Ц е з е н

Что там? Тираны ждут от нас кровопролитья?

М е г а т и з

Ещё не решено.

Ц е з е н

Насколько мог судить я,
Мученья пленника не могут их смягчить.

А р з а м а

Но зверство большее – сестру оставить жить.

М е г а т и з

Сюда пришёл старик; он плачет в сокрушенье,
Хоть я ему велел покинуть помещенье,
Но, как его ни гнал, он не уходит прочь…
Угодно ль будет вам несчастному помочь
И милость оказать, с души снимая бремя?

И р а д а н

Да разве волен я?

Ц е з е н

Пусть ждёт, теперь не время;
Нас должен уважать навязчивый старик –
Вершится месть моя в ужасный этот миг.

А р з а м а

Уже! О, небеса…

Ц е з е н

Пусть он уйдёт отсюда.

И р а д а н

Но, брат, как я ни слаб, а всё ж хочу покуда
Беднягу старика принять и расспросить;
Несчастья, что пришлось нам в прошлом пережить,
Известны, может быть, кому-нибудь в округе;
Старик упоминал о некоей услуге…
Он мне сочувствует, страдает, слёзы льёт.

М е г а т и з

Для вашей пользы, он сказал.

И р а д а н

Ну, пусть войдёт.

СЦЕНА V.

ИРАДАН, АРЗАМА, ЦЕЗЕН, МЕГАТИЗ
устремляются к стоящему в дверях СТАРОМУ АРЗЕМОНУ.

М е г а т и з, *старому Арземону*

Входи же. Ирадан внял твоему моленью.

А р з а м а

То мой отец! В мои последние мгновенья
Зачем привёл вас Бог… навстречу палачу…
Чтобы меня – при вас…

С т а р ы й А р з е м о н

Я всем помочь хочу.

И р а д а н

Мне жаль тебя, старик! Хотя твой сын преступник,
Мне милость не чужда, и я – его заступник.
Я полюбил твоих детей, мой гнев угас;
Виню лишь извергов, преследующих нас.

С т а р ы й А р з е м о н

Трибун, они одни виновны, нет сомненья:
Преступны те, кто нас толкнул на преступленье.
Пусть сына приведут. Он сердцем слишком яр,
И каждого из нас подвёл он под удар.
Пред нею и пред ним хотел бы я открыться.

И р а д а н

Немедля привести.

А р з а м а

О, высших сил царица,
Природы сила! Ты любовью скреплена!
Что за свидетели! Событья! Времена!

СЦЕНА VI.

ТЕ ЖЕ И ЮНЫЙ АРЗЕМОН, *в оковах.*

Ю н ы й А р з е м о н

Увы! Преступный сын, я на глаза явился
Тому, кто дал мне жизнь, пред кем я провинился,

Чью честь я запятнал, чью старость омрачил!
И благодетелю, чью грудь ножом пронзил!
Цезену, что застыл в немом негодованье!
Тебе, сестра моя! Твоё очарованье
И боль, и правый гнев куда страшнее мне
И пыток, и костра, заслуженных вполне.

С т а р ы й А р з е м о н,

обводя взглядом присутствующих.

Но я для вас принёс, назло судьбине грозной,
Весть утешения, хотя, быть может, поздно.

А р з а м а

Но что утешит нас? Всему пришёл конец.

Ц е з е н

Тебе ль нас утешать, несчастнейший отец!

С т а р ы й А р з е м о н

Да, звание отца нам стоит слёз немалых;
Прольёте их и вы, как всякий проливал их.
Но в них вам счастие.

И р а д а н

Странней загадки нет.

Ц е з е н

Страданья новые чем лучше старых бед?

С т а р ы й А р з е м о н

Увы! живя вдали, не ведал по сей день я
О вашей участи и новом назначенье –
Далёко от меня вели сраженья вы.
И вот я вас нашёл.

Ц е з е н

В каких тисках, увы!

С т а р ы й А р з е м о н

Вы отдаёте тем, чья злоба непреклонна,
Злосчастных двух детей?

А р з а м а

Трибун – слуга закона.
Мы умереть должны.

С т а р ы й А р з е м о н

Послушайте меня…
Вы помните ли дни, дни крови и огня,
Когда Империи лихие легионы
Разбили персиян в Эмессе подожжённой?

И р а д а н

О, боги! Как забыть?

Ц е з е н

В какой кровавый час
Бесчеловечный мы исполнили приказ!

И р а д а н

Эмессу в пламени как наяву я вижу.
Ты с нами там служил?

С т а р ы й А р з е м о н

Трибун, я ненавижу
Насилье и грабёж наёмников-солдат,
Что льют невинных кровь и рушат всё подряд.
Я мирный селянин, в труде провёл я годы,
Убийством никогда не оскорблял Природы,
Руками чистыми растил плоды земли;

Так шесть десятков лет достойно протекли.
В Эмессе, знаю я, вас нежные союзы
Связали на беду.

Ц е з е н

О, гибельные узы!
Кто выдал тайну? Кто сказал тебе о нас?

С т а р ы й А р з е м о н

О ваших бедствиях я знаю больше вас.
В горящем городе остались ваши чада.
Одна из матерей погибла в вихре ада,
Другая прорвалась сквозь битвы круговерть,
Сквозь римские мечи, огонь, погоню, смерть.

Ц е з е н

Которая из двух?

И р а д а н

Кого ждало спасенье?

С т а р ы й А р з е м о н

Увы! Я всё скажу, умерьте нетерпенье;
Та мать, укрыв детей от стали роковой,
Бежала с ними прочь неведомой тропой,
Судьба перевела её через границу
И в хижине моей дозволила укрыться,
С ней и с двумя детьми велением судеб
Я разделил и кров, и мой нелёгкий хлеб.
Так вера мне велит: хвалить меня нет нужды –
Мне чувства добрые и без неё не чужды.

Ц е з е н

Неслыханно! Бедняк, ты хлеб давал чужим,
А Кесарь жизнь сломал нам, воинам своим.

И р а д а н, *привстав:*

А что с той женщиной? Тот Бог, что всех светлее,
Не сжалился ли Он, как сей старик, над нею?

С т а р ы й А р з е м о н

Два года жизни лишь и были ей даны:
От стольких бед иссох цветок её весны.

И р а д а н

Увы!

С т а р ы й А р з е м о н

Она мертва. Я сам закрыл ей очи.
И я поклялся ей у края вечной ночи,
Что в вере истинной взращу двоих детей,
И клятву я сдержал: долг памяти о ней.
Царит в их душах Бог – Единый, лучезарный.
И сироты меня любовью благодарной
Любили как отца, да я и стал отцом.

Ц е з е н

Судьба!

И р а д а н

О, счастья миг! И он отравлен злом.

Цезен

Могу ли ввериться надежде сокровенной?

А р з а м а

Боюсь поверить я догадке дерзновенной.

Ю н ы й А р з е м о н

А я злодей вдвойне: я с ужасом узнал,

Что я преступнее, чем прежде полагал.

И р а д а н

Где правда, небеса? Могу ль поверить сразу?

Ц е з е н

Невероятному поверю ли рассказу?
Где доказательства события сего?
Где дочь моя? И где сын брата моего?
Быть может, у тебя, старик, с тех пор хранится
Какой-нибудь залог?

С т а р ы й А р з е м о н

Взгляните: вот страница –
В ней истина сама, источник горьких слёз;
Как доказательство я вам её принёс.
(*протягивает им письмо)*
Строкам, её рукой начертанным, поверьте:
Она писала вам в час неминучей смерти.

И р а д а н

Цезен, я слишком слаб, и очи не глядят,
Дрожит моя рука – возьми посланье, брат.

Ц е з е н

Да, то её рука, я подтверждаю прямо –
Брат, пред тобой твой сын! И дочь моя, Арзама!

И р а д а н *(берёт Арзаму за руку и со слезами смотрит на Арземона; тот прячет лицо в ладони).*

Мой сын! Цезена дочь! О, чудо из чудес!

А р з а м а, *Цезену*

Так вы – родитель мой!

И р а д а н

По прихоти небес,
Мне возвращён мой сын, когда мой долг солдатский
Велит его предать, как жертву, клике адской,
Свирепым извергам, чьей злобы не унять!

Ю н ы й А р з е м о н, *бросаясь Ирадану в ноги.*

Посмею ли я вас отцом своим назвать?
Коснусь ли ваших рук с мольбою о кончине?
Недавний душегуб – отцеубийца ныне!

И р а д а н, *приподнимается и обнимает его.*

Нет, ты мой милый сын. Каким слепцом я был!

Ц е з е н

Когда бы не старик, его бы я казнил,
Уже и палачи… Но что за грохот странный?
Никак посмели к нам пожаловать тираны?

М е г а т и з, *входя.*

Вам из суда вердикт Верховного жреца.

Ц е з е н

Что – смертный приговор?

М е г а т и з

Не понял до конца,
А всё ж надеяться на милость бесполезно.

И р а д а н

Тираны!

Ц е з е н

Падаем, увы, из бездны в бездну!

М е г а т и з

Я слышал, осуждён и наш честной старик,
А с ним и брат с сестрой.

Ц е з е н

О, Кесарь, ты велик,
И терпишь извергов, державу унижая!
Кто правит здесь? Не ты, а негодяев стая!

Ю н ы й А р з е м о н

Они, чудовища, моей рукой вели!
Нет, то не я – жрецы удар вам нанесли!
Я искуплю вину…удар был неминучим…
Раздавим гадину в гнезде её гадючьем
И отомстим за всех, кого сгубила власть,
Кому злой рок судил невинной жертвой пасть!
Пусть император мне потом грозит расправой,
Ан поздно! Я уже свершу свой суд кровавый,
Найдёт от не меня – труп обгорелый мой.
В обломках капища, разрушенного мной.

И р а д а н

Смири отчаянье, сдержи негодованье,
Твой пыл нас погубил. Но живо упованье,
Что нас преследовать устал недобрый рок:
Он сына мне вернул, он брату дочь сберёг.
Зачем же он собрал несчастное семейство?
Чтоб счастьем поманить? Вот праздное злодейство!
Или затем, чтоб нас всех разом погубить?
Ах, кабы с Кесарем я мог поговорить!
Увы, я немощен, я двигаться не в силах.
А тут – отчаянье, надежда, страх за милых…
Тревога плоть и дух пронзает до глубин.
(сыну)
Приподними меня.

Ю н ы й А р з е м о н

Посмею ль?

И р а д а н

Да, мой сын.

А р з а м а, *Цезену,*

Скажи, отец, ужель тираны сладят с нами?
Ворота крепости осаждены войсками.

Ц е з е н

Клянусь богами я, враждебными жрецам,
Что эти нелюди недолго будут там.
Есть боги злобные, и есть благие боги,
Они нас вызволят, не бросят без подмоги –
То боги верности, отваги и борьбы,
Презренья к подлости и каверзам судьбы.
(юному Арземону)
Ступай и заслужи отцовское прощенье –
За нас и за себя неси врагу отмщенье.

Д Е Й С Т В И Е П Я Т О Е

СЦЕНА I.

ИРАДАН, ЮНЫЙ АРЗЕМОН, АРЗАМА.

И р а д а н

Да полно! Я мою благословляю рану.
Мне счастье принесла она, и я не стану
Ни сына попрекать, ни вспоминать о ней –
Сколь счастливы отцы, обретшие детей!
Ваш брак не оскорбит ни римлян, ни природу,
Вас оправдает Рим, и небо, вам в угоду,
Благословит сей храм, что выстроил мой брат,
Дабы свершили в нём вы свадебный обряд;
И, ваших малых лет отец и благодетель,
Сей старец будет вам достойнейший свидетель:
Признают изверги союз ваш и любовь,
Уважив и закон, и римских граждан кровь.

А р з а м а

И вы надеетесь?

И р а д а н

Жрецов надменных чванство
Рискнёт ли посягнуть на римское гражданство?
Цезен сейчас в суде: он судей убедит.
Закон у нас суров, но правым – крепкий щит.
И разве смертные не склонны к милосердью?
Но здешние жрецы, чуть что карают смертью.
Лишь время сгладит всё; и коль угодно вам
В той вере пребывать, что неугодна нам,
Вы скроете её от посторонних взоров,
Заткнёте рот жрецам, уняв их злобный норов.
О, Боже, что вернул отцам детей родных,
Единый и благой – склони свой взор на них!

А р з а м а

Для нас день ужаса стал днём благословенья.
Отец, у ваших ног лью слёзы умиленья.

Ю н ы й А р з е м о н, *целуя руку Ирадана.*

Не нахожу я слов – растерян, потрясён –
Отец!

И р а д а н

Мой милый сын!

Ю н ы й А р з е м о н.

На смерть я осуждён,
А вы дарите мне Арзаму!

А р з а м а

Сколько счастья!
Цезен – родитель мой…и в том – небес участье.

СЦЕНА II.

ТЕ ЖЕ И ЦЕЗЕН.

И р а д а н

С благой ли вестью, брат, ты к нам сейчас влетел?

Ц е з е н

Я горе вам несу, таков уж мой удел.
Нас гонит, доченька, злодеев подлых свора,
В ворота ломятся! Мы – жертвы заговора:
Подкуплен суд.

Ю н ы й А р з е м о н

Мой Бог! О, как я возмущён!

И р а д а н

Всё против нас.

Ц е з е н

Уж ты и с должности смещён,
И новый комендант на этот пост назначен.

И р а д а н

Так. Всё пропало. Я отчаяньем охвачен.

Ц е з е н

О чём печалишься? Ты должность потерял?
Ты сам хотел бежать, теперь ты волен стал.

И р а д а н

Брат, как же мы слабы душой непостоянной!
Я презирал мой пост и блеск его обманный,
От почестей и прав я сам хотел уйти –
Их отняли, и мне позора не снести.

Ц е з е н

Не вижу, в чём позор; не стоит огорченья.
Брат, впереди у нас похуже злоключенья:
Женившись в Персии, мы обошли закон,
Не узаконены ни дочь, ни Арземон,
В правах гражданства им обоим отказали.

Ю н ы й А р з е м о н

Я все свои права утратил не тогда ли,
Когда сразил отца кощунственной рукой
В безумии любви и ярости слепой?
Но остаётся мне святое право мщенья,
Его нельзя отнять.

А р з а м а

А мне права рожденья
Важнее во сто крат, чем римские права:
Отец – мне господин, доколе я жива.

Ц е з е н

Дитя! Твоё лицо слезами я омою,
Ты впрямь моё дитя – так будь отважна вдвое.

А р з а м а

Отвага – наш оплот.

Ц е з е н

Жрецы, рассвирепев,
Хотят схватить детей, мой презирая гнев,
И крови требуют.

А р з а м а

Лишь я тому причиной,
Моей лишь крови ждёт сей трибунал бесчинный,
Он тащит лишь меня на адский свой алтарь,
Желая доказать, что здесь он – бог и царь.

А Кесарь! Или в нём величия не стало,
Или ему одной кровавой жертвы мало,
Иль кровью подданных он всё ещё не сыт?
Затем ли Бог его могуществом дарит,
Дабы он смертными как злобный деспот правил
И наобум судил, без чести и без правил?
И почему теперь он покарать готов
Достойных граждан и заслуженных бойцов?
Что движет Кесарем? Решенье трибунала?
Священникам скорей терпимость бы пристала,
О милости бы им земных владык молить,
Чтоб слишком строгие законы отменить;
Не бить невинного, усердья не жалея –
Пристало им скорей вступиться за злодея.
И где он, Кесарь ваш, не видимый никем?
Жезл императорский в руке его зачем?
Как ваши боги он – бесчувственный мучитель,
Бед человеческих холодный, праздный зритель.

Ц е з е н

Но Кесарь не сказал ни слова до сих пор.
По слухам, он к иным делам направил взор
И дал закону ход.

И р а д а н

Закон! Тщета пустая.
Он служит сильному, слабейших угнетая.

Ц е з е н

Одно лишь средство мне осталось испытать:
Ворваться к Кесарю и слёзно умолять
О справедливости; и если эти слёзы
Бессильны отвести от дочери угрозы,
И если отвратит он взоры от меня,
Как подлинный тиран, молчание храня –
Паду пред ним на меч: пусть мучат угрызенья
Того, кто допустил неправое решенье;
Но перед смертью я хочу ему сказать:
О, варвар! Научись достойно управлять!

И р а д а н

И я пойду с тобой.

Ц е з е н

Не стоит и пытаться:
Ты слаб и на ногах не сможешь удержаться,
И кровь ещё течёт…Останься и живи,
Ты за меня отмстишь… Тирана умертви.
За мною, Арземон!

Ю н ы й А р з е м о н

Лечу!

А р з а м а

Отец! Куда вы?
Супруг! На что они решились, Боже правый!

СЦЕНА III.

ИРАДАН, АРЗАМА.

А р з а м а

Дай Бог у Кесаря сочувствие найти!

И р а д а н

Да кто позволит им и близко подойти?
Я знаю, Кесарю мольбами докучают.
Я чую – враг меня в измене уличает,
Пусть справедливость и Природа за меня,
Но власть сильней: к чему ей правота моя?
У власти нет очей, нет сердца; честный воин
Лишь участи раба у Кесаря достоин –
Так Кесарь воздаёт за службу искони.

А р з а м а

Мой благодетель, я дрожу за ваши дни,

За брата, за отца в руках у самовластья,
Дрожу за старца я, великого в несчастье:
Творил он лишь добро, его обычай благ,
Но добрые дела зовёт злодейством враг,
И добродетель он клеймит, как преступленье,
В кощунстве нас винит, беснуясь в исступленье,
А новый комендант затем и прислан к нам,
Чтобы содействовать безжалостным жрецам.
Вас арестуют.

И р а д а н

Да. Нас арестуют вместе.
Мой лучший друг, придя с приказом об аресте,
По слову Кесаря в оковы нас возьмёт,
Сам отведёт на суд, ещё за честь почтёт.
Усердье низкое так свойственно придворным,
И ненавистный жрец в своём упорстве вздорном
Того и ждёт, как нас быстрее закогтить
И кровью жертв алтарь Плутона обагрить.
Бесславен их триумф, но нет для нас защиты,
Я слишком слаб, во мне опоры не ищи ты,
Коль дорого продать решимся жизнь свою,
Погибнем от мечей, зарублены в бою.

СЦЕНА IV.

ИРАДАН, АРЗАМА, СТАРЫЙ АРЗЕМОН.

И р а д а н

Почтенный старец, что, скажи, тебя тревожит?

С т а р ы й А р з е м о н

Есть новость… вас она порадует, быть может,
Утешит вашу скорбь, но хуже вести нет:
Она повергнет вас в пучину новых бед.
Ваш сын…ваш смелый брат…

И р а д а н

Да ну же!

А р з а м а

Вся дрожу я…

С т а р ы й А р з е м о н

Пробрались дерзкие в твердыню роковую,
В стан Императора вошли два храбреца,
Но тут наёмники Верховного жреца
Сбежались, требуя исполнить долг бесславный,
И на моих глазах сей судия злонравный
Решение суда Цезену предъявил.
Закон пристало чтить, но сын ваш не почтил –
Со всею пылкостью, в его лета понятной,
Он ринулся с мечом на клан их супостатный,
За ним кидается Цезен, неудержим,
И с криком Мегатиз рванулся вслед за ним;
Солдаты вкруг жреца сомкнулись воедино.
– Рубите! – крикнул жрец. – Вперёд! За господина!
Все за оружие схватились, жар в очах,
Два фронта сходятся и бьются на мечах,
Пылая злобою, полны отвагой истой, –
Не знаю, чьей рукой, в глазах жрецов – нечистой,
Но в гуще схватки, где кровавый бой кипит,
Бесчеловечный жрец внезапно был убит:
Сражён был двадцатью ударами мучитель,
И сана своего, и неба осквернитель.
Я видел, как он пал у храма своего,
И клял богов за то, что не спасли его.
Он скверно прожил жизнь и кончил смертью скверной.

И р а д а н

Вот воздаяние жестокости безмерной.

А р з а м а

Кровь пролилась, и мы – увы! – тому виной.
Расплачиваться нам, и дорогой ценой.

С т а р ы й А р з е м о н

Не сомневаюсь. Но толкуют, что прибудет

Сюда сам Кесарь; он по-своему рассудит.

А р з а м а

Что станется с отцом?

И р а д а н

Нетрудно угадать,
Что ни ему, ни нам пощады не видать.

(Старый Арземон уходит).

СЦЕНА V.

ИРАДАН, ЦЕЗЕН, АРЗАМА, ЮНЫЙ АРЗЕМОН.

Ц е з е н

Речь не о том – врагу отмстили мы по праву,
И сын твой разделил со мной и месть, и славу,
Того довольно. Брат, мы покарали их!

Ю н ы й А р з е м о н

Да сгинут полчища гонителей лихих!
«Вернут нам боги гром», – они нам пригрозили;
О, если б небеса их громом разразили!
Мы правы! Кровь за кровь! Я послужил добру,
У ваших ног, отец, счастливым я умру.

И р а д а н

Мой сын, мы все умрём; подходят наши сроки;
Не стану расточать напрасные упрёки.
Нас ваша вылазка сгубила; супостат
Был извергом, и всё ж сан лиходея свят.
Накажет Кесарь всех. И кары безысходной
Не избежит никто – ни старец благородный,
Ни брат, ни дети – все погибнем, стар и мал.
Я – узник в крепости, которой управлял.
Безрадостную жизнь в бесчестии кончаю.
Что служба, долг и честь? Увы, тщета пустая.

Ц е з е н

Постой, а где же он, наш верный Арземон?
Иль он в узилище иное заключён?
Иль палачи уже свели с беднягой счёты –
За доброту его, за отчие заботы?
Злой пытки, доченька, ему не избежать:
Сумеет Кесарь нас со всех сторон зажать.

А р з а м а

Чу! Трубы, слышу я, запели боевые,
Я вижу – движутся когорты роковые.
В злосчастной крепости страшусь на свет смотреть,
Что здесь я видела? Кровь, палачей и смерть.

Ц е з е н

Ты, доченька, права.

А р з а м а

Зачем было рождаться?

Ц е з е н, *обнимая её.*

Чтоб умереть со мной, и в муках, может статься.
Мой милый брат! И ты, племянник мой, храбрец!
Ужасна эта жизнь, но, к счастью, ей конец.

И р а д а н

Вот стражники суда проходят под стенами,
Они построились у врат двумя рядами,
А вот и Кесарь сам… Падём к его ногам,
Последний жизни миг настал…О, горе нам!

СЦЕНА VI.

ТЕ ЖЕ; ИМПЕРАТОР, СТРАЖА, СТАРЫЙ АРЗЕМОН;
В ГЛУБИНЕ СЦЕНЫ – МЕГАТИЗ.

И м п е р а т о р

Для подданных моих давно пора настала,
Чтоб правосудие в суде торжествовало.
Здесь правил произвол, я знаю обо всём,
Тревожусь я за Рим, ведь он – наш общий дом.
Восстаньте, слушайте меня беспрекословно:
Солдаты, дети и отцы – вы все виновны:
В день преступления и смуты роковой
Вы не пришли ко мне с покорною мольбой.

Ц е з е н

Нам преградили вход.

И р а д а н

Боязнь и уваженье
Нам не дозволили к тебе нести моленья.

И м п е р а т о р

Неправы были вы; кто слишком устрашён,
Унизил Кесаря и кесарев закон;
Тот, кто убил жреца, преступен пред законом.
Мне ведомо – он был жестоким, непреклонным,
И жажду крови он до смерти не избыл.
Подай вы иск, я сам его бы осудил.
Узнайте: лишь закон карать имеет право;
Я выслушал бы вас и рассудил бы здраво.
Невинный Кесарем не будет осуждён –
На справедливости престол мой утверждён.

И р а д а н

Да, гнев твой справедлив; судить виновных надо,
Виновен я, отец; пусть юных ждёт пощада!

И м п е р а т о р

Я знаю всё; старик, чей простодушный глас
До трона моего доносится подчас,
Чья верность, доброта с обычаем смиренным
Растрогали меня рассказом откровенным,
Он мне доверился; и вам бы сделать так!
(Старому Арземону)
Приблизься, Арземон, заботливый бедняк,
Ты воспитал в чужой, неразрешённой вере
И брата, и сестру; отсюда все потери,
Неиссякаемый источник новых зол;
На вас обрушился событий произвол:
Служители богов в их нетерпимом рвенье
Подвергли девицу жестокому гоненью;
Им надо бы её учить, а не карать,
Но им свои права хотелось доказать,
Пьянила злоба их, они алкали мщенья.
Всё это варварство и власти превышенье.
Я отменяю казнь.

Ц е з е н

Хвалой превознесут
Тебя по всей земле!

И м п е р а т о р

Жестокость – семя смут,
Не к чести Кесарю и на руку злодею;
Чем милосердней принц, тем подданный вернее.
Я был обманут, слеп; но я отныне чту
В богослужителях терпимость, доброту,
Хочу я видеть в них к несчастным милосердье,
Не властолюбие – к служению усердье;
В величии скромны, закону преданы,
Им ограничены, ему подчинены, –
Вдали мирских торжеств, они в уединенье
Народам подают пример и наставленье,
Не ищут почестей: тем больший им почёт,
Достойным пастырям, друзьям моих забот;
Полезны подданным, и мне они полезны.
Я милую вас всех; и рассудите честно,

Сколь человечен тот, кто не дал вам пропасть,
И что дороже мне – отчизна или власть.
Отныне, Ирадан, оставив Апамею,
С Цезеном следуйте за армией моею:
Хочу увидеть сам, как служите вы мне;
Меня вы предали – платите долг вдвойне.
Любезных ваших чад союз я одобряю.
(Арзаме и юному Арземону)
Вы благосклонности моей достойны, знаю.
(старому Арземону).
Ты, их второй отец, достойнейший старик,
В смиренной участи поистине велик;
Тебе я жалую доходное именье,
И ты ему найдёшь благое примененье.
Отныне, гебры, я свободу вам даю
Открыто изъявлять религию свою:
Так верит Арземон, чисты его раденья;
Мой долг – её признать, забыв предубежденье.
У гебров право есть свет солнца обожать,
Но и моих богов не должно обижать.
Свободно веровать любой имеет право,
Но главной быть должна религия державы.
Я в мыслях гражданин, и Кесарь я в делах.
Мне мерзок фанатизм, он сеет смерть и страх.

И р а д а н

Я слышу Божий глас, сошедший к нам с престола,
Затем, чтоб род людской не ведал произвола.

А р з а м а

О, Кесарь, пред тобой склоняемся, любя…

С т а р ы й А р з е м о н

В чём нашей веры суть? Погибнуть за тебя.

К О Н Е Ц

Перевод с французского Майи Квятковской

Послесловие

Как я переводила трагедию Вольтера «Гебры, или Терпимость»

Во второй половине прошлого века издательство «Искусство» выпускало небольшие двухтомнички классической драматургии. Так, среди других работ, вышли в свет стихотворные драмы французских писателей Корнеля и Расина. В планах издательства намечалось издать и драмы Вольтера. В 1989 году (если не ошибаюсь) мне предложили перевести для этого издания две пьесы Вольтера – «Гебры» и «Смерть Цезаря». Поскольку я боялась, что не успею перевести в срок, так как работаю медленно, досконально прорабатываю текст, да еще надеюсь предоставить переводу время «отлежаться», чтобы иметь возможность взглянуть на него свежим взглядом, то я тут же взялась за работу, не ожидая (как поступают все разумные люди), когда со мной заключат договор. Увы! Этого не произошло, так как в результате событий, происходящих в стране, издательство «Искусство» прекратило выпуск этой серии. А я уже успела к тому времени перевести два первых акта трагедии «Гебры» и вольтеровское вступление к ним. Так они и томились «в столе», забытые на много лет.

Шел 2015 год. Как-то, роясь в своем архиве, я обнаружила этот перевод, перечитала его вчуже, и мне показалось, что он выполнен на вполне достойном уровне. И жаль мне стало своих напрасно потраченных трудов. Мне захотелось закончить эту драму, хотя бы для себя – что я и сделала довольно быстро, видимо, воодушевленная гением Вольтера.

К счастью, журнал «Переводчик» счел возможным напечатать трагедию, за что я бесконечно благодарна и журналу, и в особенности Ольге Викторовне Стельмак. «Не пропадёт наш скорбный труд…»!

О Вольтере писали многие – и его современники, и потомки – во всех странах, вплоть до литературоведов нашего времени. Вряд ли я сумею внести что-то новое в вольтероведение. Но я могу сказать о том, что лично меня привлекает в его драме.

Во-первых, простота и точность выражения мысли, изложенные прекрасным языком. Во-вторых, естественное, без натяжки, расположение слов в александрийском метре. И, в-третьих, перекличка с нашим временем: произвол судопроизводства и сегодня по-прежнему актуален, и сегодня устаревшие законы не соответствуют требованиям наших дней, и сегодня человечество нуждается в терпимости – политической, религиозной, расовой.

Однако проблему терпимости можно рассматривать с разных позиций. Ближайший друг Вольтера, с которым он был связан всю свою жизнь, Шарль-Анри де Фюзэ де Вуазенон – сановный клирик, член французской Академии, поэт, драматург и признанный светский острослов, истинный парижанин до мозга костей, дал свою парадоксальную критику основной

идеи вольтеровской трагедии. Мне показалось занятным перевести эти его стихи:

Шарль-Анри де Фюзэ де Вуазенон (1708 – 1775)

Господину Вольтеру
на его трагедию «Терпимость»

Свободный и красноречивый,
Ваш стих дан в утешенье нам,
Так и роса дарует живо
Блеск возрождения цветам.
Вам ненавистна одержимость
Жреца, что сеет смертный мрак;
Да! Человеку лишь терпимость
Украсит жизнь, источник благ.
И если разум в заблужденье
И, заражённый им, спешит
Разжечь огонь сопротивленья,
То, как ни яростно горенье,
Терпимость пламя угасит.
Когда ж писульки янсенистов
И журналисты всей гурьбой
Вопят: «Лишь мученик – герой!»
И алчут жертв – их гнев неистов.
А я вам, как христианин,
Скажу: терпеть их – прок один:
Терзать читателя мученьем.
Но к высшим гения трудам
Терпимость стала преступленьем!
Зато мы терпим здесь и там
Всё, что встречаем с омерзеньем:
Где в наших операх вокал?
Где в драмах действие? – Пропало!
В игре исчез страстей накал,
Тоска! Того и жди провала.
Мы терпим стиль дурных стихов,
Певцов, чьи голоса фальшивы,
Говорунов, чьи мысли лживы,
И борзопишущих глупцов,
Писак, что подражать ретивы,
Вельможных терпим дураков,

И чепуху софистов праздных,
И жуликов разнообразных!

И я, на склоне дней несчастных,
Всё растеряв из прежних благ,
Кляну сей сброд непримиримо, –
Затем, что вынужден, бедняк,
Терпеть всё то, что нестерпимо!
Не в радость мне родной очаг,
Страшна профанов одержимость.
О, сколько зла несёт терпимость!

Но, как бы там ни было, а для нас по-прежнему не устарело высокое поэтическое мастерство Вольтера, его остроумие, убедительность его логики, изобретательность фабулы, неожиданность сюжетных поворотов, характеры персонажей, дающие актёрам богатейший материал для интерпретации. Его трагедия – не только важная страница в истории французской литературы, но и просто увлекательное чтение, и пьеса, достойная современной сцены[1].

[1] См. начало в журнале «Переводчик» № 18, 2018. (Прим. ред.).

ПРОЗА

СОВРЕМЕННАЯ ФАРЕРСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА

Фарерские острова известны в нашей стране вне филологических кругов в основном своей современной музыкой, футбольной командой, отличившейся на некоторых чемпионатах, и несмолкающими дебатами вокруг традиционного китобойного промысла.

Знатокам скандинавских литератур, скорее всего, известен такой крупный фарерский писатель, как Вильям Хайнесен (1900–1991), стихи, романы и рассказы которого переводились на русский язык, начиная с 1950-ых гг. Однако он писал по-датски. Переводы с фарерского языка на русский пока ещё немногочисленны; в основном это поэзия или песенные тексты.

Здесь вниманию читателей представляется фарерская женская проза. Переводы публикуются с разрешения авторов.

ЛИДИЯ ДИДРИКСЕН (род. в 1957 г.)

Лидия Дидриксен выросла в Торсхавне, по профессии – преподаватель; пишет романы и короткую прозу, в том числе и для детской и юношеской аудитории. Многие её новеллы переведены на европейские языки. (Здесь публикуются переводы двух наиболее известных её новелл).

Центральное место в новеллах Л. Дидриксен занимает «женская» тематика, в частности, тема взросления девочки. Однако было бы неправильным ожидать от них легкомысленности и сентиментальности, как, впрочем, и от всей современной скандинавской женской прозы. (Читатель найдёт в этих «дамских» рассказах даже кое-что о китобойном промысле!)

Новеллам Лидии присуще символистское начало. «Морозная роза», несмотря на незамысловатый стиль повествования, может подразумевать множество интерпретаций: сновидение, посмертие, мистический опыт… В новелле «Кровь» проблематика также прежде всего экзистенциальная. Кровь в этом тексте – многогранный символ жизни и смерти, преемственности поколений, всей сложности (и беспощадности!) бытия.

МОРОЗНАЯ РОЗА

Она вглядывалась-вглядывалась, прислушивалась-прислушивалась… Но всё вокруг неё поглотил мрак, и ей была видна лишь огромная акулья пасть волны, выплеснувшаяся из моря поперёк волнореза и угрожавшая проглотить её. Порывы штормового ветра с моря обжигали глаза. Она изо

всех сил зажмуривала их, но это не помогало: от этого жжение становилось лишь ещё сильнее.

Прибой так неистово бил в берег, что ей казалось, он вот-вот разобьёт её саму на тысячу осколков.

И вот – она снова услышала крик. На этот раз он был похож на далёкую-далёкую жалобу. Там кто-то должен был быть, хотя она никого и не видела.

Она обернулась назад, на пристань, чтоб посмотреть, нет ли поблизости кого-нибудь, кто мог бы прийти на подмогу. Но нет: в эту ночь она была одна. Одна-одинёшенька. Окружённая со всех сторон бурей и мглой. А ведь как раз сейчас ей так нужна была помощь!

Она стояла за пакгаузом на пристани и пыталась понемногу продвигаться вперёд. Обеими руками она держалась за ручку двери склада, но знала, что скоро силы оставят её.

Хотя её и защищала стена здания, всё же время от времени ветер настигал её и швырял туда-сюда. Ах, если бы он совсем зашвырнул её внутрь этого склада – она была бы спасена.

Когда огромные морские валы – эти страшные акульи пасти – с грохотом катились навстречу ей, из неё как будто выжимали весь воздух. Она уже думала соскользнуть в раскрытую пасть волны, лишь бы обрести покой. Этот хаос был для неё невыносим.

Она промокла до нитки и выбилась из сил. Она не знала, как долго простояла за пакгаузом, но у неё было ощущение, будто время замерло, будто буря никогда не закончится, – и будто начала у неё тоже не было. Никогда ещё она не чувствовала себя такой беспомощной, такой одинокой, окружённой бедой со всех сторон.

Эта буря застигла её врасплох. Когда она заметила её приближение, было уже поздно. Она и не знала, что весной может разбушеваться такая непогода. А может, не помнила. Она была уверена, что штормы бывают только зимой. А может, и нет, ведь зимой всегда бывал снег. Чистый белый снег, который укрывал всё серое, и от которого солнце смеялось так, что слезинки сияли на снегу словно алмазы.

Она не могла не выйти на мол: ведь там кто-то был. До неё порой доносились крики и стоны, там наверняка был кто-то – кто-то, кто боролся за жизнь. И кому была нужна её помощь.

Она посмотрела в сторону волнореза, но увидела лишь бурлящую пену прибоя, обрушивающуюся на мол. Среди этих неистовых волн ей было очень тяжело шагать. И вокруг – никого, кто мог бы ей помочь. Жадная пасть начала смыкаться вокруг неё, чтобы утащить её в пучину. Всё напрасно! Ей было не за что уцепиться, там, на моле не было никого, кто защитил бы её. Акульи пасти запросто перемахивали через высокий волно-

рез. А ветер был таким сильным и порывистым, что сдувал её прямо в открытое море. Нет, ей ничего не сделать! Придётся ей смириться.

А может, там никого и не было. Может, это был такой свист в волнах. Или ей это только почудилось – от страха – ведь она никого не видела.

Ветер чуть-чуть ослабел, и она разглядела, как темноту пронзило белое острие. Она заметила, как из-за гор выбежали полоска света. И ещё она увидела летящие на полном ходу тучи. Тёмные, грозные – они стремглав мчались по небосводу.

У неё в душе вновь зажглась надежда. Может, буря утихает. Может, скоро будет рассвет. Эта мгла и акульи пасти так взбаламутили её душу, что отняли всю жизненную силу и подавили волю.

Лишь сейчас она по-настоящему почувствовала, насколько устала. Веки сами собой закрылись, всё стало черно. Тело казалось таким постранному тяжёлым и мёртвым, словно перестало существовать. Жгучая боль исчезла. Внутри неё всё остановилось. Было темным-темно и тихо.

Вдруг она вскочила. Душераздирающий вой пронзил её насквозь. И она услышала, что сама воет в ответ. Боже, там всё-таки кто-то был! И ей даже показалось, что она узнаёт голос. Ей нужно идти. Н*ужно*.

Она выглянула в темноту, но никого не увидела. Вокруг был всё тот же хаос – морские валы стали ещё больше и ещё страшнее. Нет, всё напрасно! Если она ослабит хватку – ей грозит гибель. Только бы кто-нибудь пришёл на выручку!

Налетел порыв ветра, подхватил её и унёс за угол здания.

Она услышала орга́н. Она огляделась вокруг. Где она – и что происходит? Она сидела в церкви на задней скамье. Рядом с ней никто не сидел. И вот она заметила, что в церкви полным-полно женщин. Они все были в чёрном и повёрнуты к ней спиной.

И тут она увидела гроб. Он стоял перед скамьями и на вид был маленьким. Кто-то умер – но что она делает на этих похоронах? Раньше она никогда на похороны не ходила.

Вдруг она заметила, что все женщины обернулись и глядят на неё. И она тоже посмотрела на них, с вопросом во взгляде, но не получила ответа. Они выглядели такими чудны́ми, древними. Их глаза были пустыми и прозрачными. Она не смогла разобрать, были ли эти женщины живы или мертвы. Все лица безжизненны, словно это всего лишь статуи или тени. Они были так бледны! И ничто в них не шелохнулось. И в то же время они выглядели пугающе одинаковыми, словно у них всех был один и тот же возраст и одна и та же судьба. В них не отражалась жизнь.

И тут она заметила, что одета так же, как они. Она ничего не могла понять. Но может, она тоже знала ту, что сейчас лежит в гробу. Надо подойти и посмотреть. Она захотела подняться, но тело как будто омертвело

и не двигалось. Она опустила взгляд на ноги и попыталась пошевелить ими, но и это было невозможно. Она их не чуяла. Оставалось лишь спросить у женщин впереди, кого хоронят. Ей непременно надо узнать! Но она не смогла издать ни звука. Её охватил страх…

И в этот самый миг орган затих и начал говорить пастор. Торжественным голосом, со строгим лицом, он возблагодарил Господа за то, то ещё одно дитя нашло дорогу домой.

Когда она вернулась домой, перед ней стояла мама. Ей так сильно хотелось броситься в её объятья, почувствовать её тепло и спрятаться в глубоких мягких долинах. Просто задремать и ощутить себя в безопасности. Но это ей не удалось. Что-то удерживало её.

Она с удивлением заглянула в глаза матери и увидела что-то, чего раньше никогда не видела. Что-то чужое. Что-то новое. Что-то, что напомнило ей женщин в церкви.

Ей нужно было идти.

(Впервые опубликовано в антологии „Frostrósan“, Kvinnutíðindi og Føroya Skúlabókagrunnur. Tórshavn 1987).

КРОВЬ

Весть о косяке белух разлетелась по всему городу. Всё пришло в движение, люди побросали свои дела и пустились бежать. «Они пригнали их во фьорд!» – раздавался крик. И в этот день в конце августа от этого словно бы развеялся туман и проглянуло солнце.

Люди прибежали отовсюду и столпились вокруг моста в ожидании зрелища. Затем послышался легко узнаваемый шум моторов и гул голосов, и из-за мола на полном ходу выплыл косяк, а за ним по пятам лодки. Они неслись на огромной скорости, и вскоре толпу ослепил блеск солнца на чёрной коже китов.

Везде вокруг моста были люди: они сидели, стояли, висели, уцепившись за столбы, высовывались из окон. И у всех лица были повёрнуты в одну сторону, все глядели на одно и то же: на то, как бьют китов. Послышались крики; кричали все. Одну лодку разбило в щепки, экипаж попáдал в высокие синие волны, но тотчас был подобран другими лодками. Голоса затихли. Кто-то потянулся – и все потянулись. Струи крови растворились в море. Толпа испустила вздох.

Она крепко сидела на утёсе, свесив ноги. По ту сторону залива стояли длинные, покрашенные в красный цвет постройки с травяными крышами и каменными цоколями, и впитывали темноту теней. А над ними висело в лазурном небе солнце и лило свои беспощадные лучи над заливом.

Она беспокойно ёрзала под ярким светом, наблюдая за происходящим в кровавом заливе. Блестящие гарпуны разрывали гладкую кожу китов, из зияющих ран били фонтаны крови. Хвосты хлопали по воде, взбивая на ней пену. Она слышала, как китовая кожа с шумом тёрлась о борт лодки. Видела, как неистовствующие киты вертикально поднимаются в волнах, а в покрасневшую воду дождём сыплются мелкие деревянные щепки. Обезумев, чёрные тела пытались увернуться от вонзавшихся в их жир блестящих стрел.

Она отшатывалась от коленей за спиной, чувствовала, как в поясницу утыкаются ботинки, и ей казалось, что толпа, стоявшая как частокол, пытается оттолкнуть её прочь. Она посмотрела вниз, в кровавую глубь, и ощутила, как эта кровяная похлёбка тянет её к себе. В ужасе она мёртвой хваткой вцепилась в траву руками.

Она отвернулась от залива и попыталась отодвинуться подальше от обрыва. Повсюду были ноги: резиновые сапоги, тапочки, туфли, кожаные башмаки… Она отыскала между всеми этими ногами прогал и на четвереньках стала протискиваться сквозь плотную толпу, ухватилась за какое-то пёстрое платье, поднялась на ноги, держась за него, и встретила чьи-то удивлённые глаза. Потом стала протискиваться дальше сквозь толпу и наконец, выбралась на дорогу.

Она ринулась к первому попавшемуся дому, прислонилась к стене, отёрла пот со лба рукавом кофты и наклонила голову. Голова кружилась: черно – красно – красно – черно. Ноги подкосились, она опустилась на землю. На миг она погрузилась в забытьё, услышала в черноте пронзительный птичий крик, подняла голову и увидела, как одинокий куликсорока проносится сквозь луч резкого света. Она встала и пошла дальше неверными шагами.

Она шла домой. Город был тих и пуст. Кое-где слышался собачий лай, но не было видно ни людей, ни машин. Она шла медленно, то ныряя в тёмные тени, которые бросали на опустевшие улицы дома, то выныривая из них на свет.

Придя домой, она зашла за постройки и повалилась в высокую зелёную траву. Она закрыла глаза и задремала. Но вот до её слуха стало доноситься жужжание. Она приоткрыла глаза и увидела низко прямо над собой рой комаров. Она села и замахала руками, чтоб разогнать этот рой, но это не удалось: стоило ей опустить руки, как он тотчас собирался снова. Она разозлилась и пересела в другое место, но рой не отставал. Она вздохнула, встала и отправилась искать щавель.

Природа вокруг неё была в цвету. Всевозможные растения источали аромат и пестрели на лугу. Любопытные ромашки, приземистый клевер, смирные маргаритки и тучные лютики. Она нарвала щавеля: столько, сколько смогла унести. Затем она села. И вновь её окружил комариный

рой. Каждый раз, когда у неё перед глазами вставали картины из залива, она побольше набивала рот, жевала так, что за ушами трещало, и одновременно пробегала глазами по лугу, следя за его кишащей жизнью. Бегущие сенокосцы, порхающие комары-наездники, ковыляющие жуки, жужжащие мухи, спешащие пауки.

Вскоре она ощутила какое-то течение. Маленький ручеёк упрямо прокладывал себе путь вниз между гор, пробирался через долины и ущелья и наконец вырывался на простор в устье. Она легла на спину, но ручеёк всё равно было не остановить. Она перекатилась на живот, поднялась, вбежала в дом, направилась прямиком в уборную и заперлась там.

Она не могла оторвать глаз от крови. Красная на белом. Исчерна-красная на белоснежном. Такая могучая и таинственная. Её собственная кровь. Собственная ли? Та же кровь, что текла в жилах многих поколений до неё, та же, что текла в жилах её мамы, отца и всех их предков, и та же кровь, что будет течь в жилах грядущих поколений – та кровь, что связывала её с будущим. А ещё – та кровь, что текла и в жилах у тех, кто бил китов в заливе. Такая манящая и пугающая.

Приведя себя в порядок, она подошла к большому зеркалу. Поворачивалась и так, и эдак, разглядывая ноги и бёдра, задирала кофту, вдыхала и выгибала спину, смотрела на туловище и зад. Потом она стащила с себя кофту и выпятила грудь. Слегка помотала головой, так что длинные волосы рассыпались по плечам. Встретилась взглядом с глазами в зеркале, и её губы растянулись в загадочной улыбке.

Она услышала, как отрывается входная дверь. Услышала твёрдые мужские голоса. Это китобои. Тяжёлые шаги протопали по коридору, приблизились, кто-то дёрнул за ручку. Она вздрогнула, чуть-чуть подождала, затем спустила унитаз и вышла.

В коридоре она учуяла запах выпечки: блины. У дверей была целая куча резиновых сапог: одни стояли попарно, другие лежали разбросанные. Вдруг дверь в коридор распахнулась, и на неё налетел кто-то большой. Он принялся извиняться: мол, не увидел её, не знал, что она там. Они рассмеялись и обменялись приветствиями. Она пошла в кухню, а он в уборную.

Она сидела на столе у окна. Они угощались за большим столом. Они накладывали себе большие порции жилистыми руками и одновременно рассказывали. Она слушала их истории, слышала смех и ликование, видела на их лицах радость и веселье. И в её сознании снова вынырнули и ожили кадры из залива: обезумевшие лица – орущие, ревущие, проворные руки – ранящие, убивающие, сильные тела, – лупящие, бьющие.

«Садись с нами, поешь!» – услышала она чей-то голос. Она обвела их взглядом, а они расхохотались. Она растерялась: не могла понять, кто это сказал и кому. «Туды-растуды, у тебя прямо такой вид, как будто ты тролля увидала средь бела дня!» Мамин брат выбежал из-за стола и начал

резвиться: заглянул под стол, побродил по кухне, рокоча: «Где он? Где он?» – и в один прыжок очутился возле неё. Он нахмурил брови, скосил глаза, наморщил нос, как можно больше скривил рот и приблизил эту гримасу прямо к её лицу. Она отодвинулась, а в то же время занесла руку для пощёчины. Но он оказался проворнее, и его сильная рука обхватила её запястье. «Прости, прости… Я не хотел… Садись, поешь!» В кухне стало тихо, и он расстроенно смотрел на неё. Она успокоилась и села за стол рядом с ним. Разговор вновь окреп, а когда она потянулась за хлебом, он положил свою лапищу ей на руку и повторил: «Извини!»

Они вновь засобирались в город, чтоб узнать, как разделили китовые туши. У некоторых из них была при себе фляжка со спиртным, и они прихлёбывали из неё по очереди. Это были жители других посёлков, которым не терпелось увидеть своих друзей и знакомых. Затем предстояло дождаться, когда китовину нарежут и отнесут в лодки. А пока они ждали – они принялись танцевать и петь так долго, как только могли выдержать усталые тела. А под утро доверху нагруженные чужие лодки начали выплывать из фьорда. Остались лишь обглоданные остовы да воркующие морские клуши. И время от времени из залива на берег выплёскивалась кровь.

Они провожали их взглядом из окна. Походка у них была качающейся, словно они не привыкли ступать по твёрдой земле. Они не торопились. Порой останавливались, стояли, кричали на всю округу, маша руками, а порой и сгибались от смеха и безудержного веселья.

Вечером она вышла в город. Там было много народу. Чем ближе она подходила к центру, тем отчётливее становилось слышно пение. Она остановилась. По всему Вагли растянулся хоровод.

Raske Drenge, Grind at dræbe
det er vor lyst.
(Славные парни, бить китов / охота нам!)

Все пели «Китобойную» Плойена[1]. Танец был живым, на лицах отражались чувства. Кто-то был одет в лучшие парадные костюмы, кто-то в одежду, в которой охотился на китов, и резиновые сапоги, – и это никого не стесняло. Они сновали взад-вперёд, их щёки пылали, а ноги едва касались земли. Тела легко подпрыгивали, словно собирались взмыть в небо.

Она некоторое время постояла – и тут её пригласили в хоровод. Руку ей протягивал мамин брат.

Rolig svømmed den hele Hær,

[1] Речь идёт о песне, сочинённой в 1835 году датским чиновником К. Плойеном «Новая баллада о промысле белух на Фарерских островах» (на датском языке; более известна под фарерским названием „Grinadvísa“); баллада полюбилась фарерцам и с тех пор часто при обстоятельствах, подобных описанным в новелле. (Прим. пер.).

saa længe den Landet ej kendte,
men da den i Sundet kom Kysten nær,
da blev den bange og vendte.

Dog for silde den Flugten tog,
ej længere Vej var aaben;
lystig Mændene mod den tog
med skarpe, hærdede Vaaben.

Nogle stukke med lange Spyd,
og andre med Knive skare;
hver mand gjorde sin Dont med Fryd,
slet ingen ænsede Fare.

Косяк спокойно плыл по волнам,
пока не видел земли,
но близ побережья объял его страх,
и прочь киты утекли.

Но поздно они повернули назад,
был к бегству отрезан путь.
Радостно люди встретили их,
нацелив оружье в грудь.

Кто-то орудовал острым копьём,
а кто-то ножом кромсал.
И с радостью каждый вершил свой труд,
и горя никто не ждал.

Перевод с фарерского Ольги Маркеловой

(Впервые опубликовано в: Lydia Didriksen. Gráglómur Mentunargrunnur.Studentafelagsins, 1992)

МАРЬЮН УЙ КАЛЬВАЛУЙ (род. в 1960 г.)

По роду занятий пастор, и публикаций художественных текстов у неё не много. Характер взаимоотношений между супругами, описанный в новелле «Никудышная», многие современные фарерцы, пожалуй, назовут пережитком прошлого, – но сама ситуация: начинающий писатель, не верящий в свои силы и больше всего на свете жаждущий поддержки, – наверняка найдёт эмоциональный отклик у многих.

НИКУДЫШНЯЯ

Как же она радовалась, когда она, Яна Хансен, написала роман. Подумать только: женщина, которая ни на что не годилась, вдруг взяла и смогла.

Яна была замужем, но детей у них не родилось, а виной тому была она; она не умела ни готовить, ни поддерживать порядок, и даже сама думала про себя: «Только одно и название, что женщина». А муж, напротив, был трудолюбивый и часто повторял, что заслужил бы жену получше. Когда-то она его любила, но это было давно. Эротика тоже исчезла; она ей больше ни о чём не говорила. Даже если он время от времени приползал к ней под одеяло в темноте, минут через 10-15 он уже «отстреливался», а она потом всю ночь не могла заснуть.

Она писала уже примерно год. Сперва просто для развлечения, всё равно ей было нечем заняться, и никто об этом не знал: она никому не смела рассказать. Однажды, когда она сидела и читала, ей пришло в голову послать два стихотворения в газету «Диммалэтинг»; их напечатали там под псевдонимом. Тогда она почувствовала себя так, словно ей дали Нобелевскую премию.

А сейчас она радовалась, когда писала свой роман, который называла просто «рассказ», но что ей предпринять, чтоб его издали в виде книги? Она была уверена только в одном: книга должна выйти под псевдонимом. Ах, если б она знала кого-нибудь, кто мог бы ей помочь!

И тут она вспомнила, что однажды вечером, когда они смотрели телевизор, телеведущая беседовала с одним человеком из Общества деятелей искусств. Может, позвонить ему и спросить, не прочтёт ли он то, что она написала? Она запела: уже давно она не чувствовала такой лёгкости. Теперь она уже не так часто принимала успокоительное, лежавшее в ящике комода. Она начала выбираться из клетки, которую сама воздвигла вокруг себя, начала жить. Не так, что это было заметно другим, – но она ощущала это внутри себя самой. Как будто само это: водить ручкой по бумаге и позволять словам литься, – давало ей такое приятное чувство: способность дарить. Такой никудышный человек, как она, мог своим творчеством дать что-то другим людям. Теперь она снова радовалась, просыпаясь по утрам и осознавая: она живёт.

В конце концов, она набралась мужества и позвонила тому деятелю искусств; снять трубку и повернуть диск было для неё уже подвигом. Тот человек был очень любезен, пригласил её прийти, чтобы прочитать её роман, и пообещал никому о нём не говорить. Потом Яна сама была почти не в силах поверить тому, что сделала, и ей стало слегка не по себе, когда она подумала, что написанное ею будет читать чужой человек. Что сказал бы муж, если бы узнал об этом? А семья? Может, ей не надо было звонить, – вновь загрустила она, – а надо было бы забыть это всё и не подавать виду,

но с другой стороны – какое им дело до того, чем она занимается. Она дала деятелю искусств своё имя и номер телефона, но вдруг он позвонит ей домой, если она не придёт? Я пойду, – твёрдо сказала она сама себе и решила рассказать о своей тайне мужу. Он всё равно рано или поздно об этом узнает, так что лучше уж она сама прямо расскажет всё.

Позже тем же днём, когда Яна вернулась с долгой прогулки, машина мужа стояла возле дома. Как странно, подумала она, он обычно в это время домой не приезжает. Она открыла дверь и вспомнила, что с утра оставила рукопись на столе в спальне, да так и забыла убрать. Она ощутила, как страх расползается по телу, по коже забегали мурашки. «Ну почему я сразу её не отнесла?» – подумала она. Яна поспешила в спальню, а там на кровати сидел муж с рукописью в руке. «Отдай!» – закричала она и попыталась выхватить у него листы, но он был проворнее и лишь с презрением посмотрел на неё. Под его взглядом она съёжилась. Он никогда не бил её физически, только иногда наносил душевные раны, но это, по её мнению, было гораздо хуже.

«Ну, и что это значит? Ты и так нас вечно позоришь – к чему ещё и вот это?» – его слова ранили её сильнее, чем она ожидала. «А теперь ты и в писатели подалась! Совсем рехнулась, бедняжка! Кто, по-твоему, будет читать твой бред? Да никто! Вот мог ли я поверить, что ты способна такое накатать!» – и он начал читать с листа слащавым голосом: «Как я его любила; а когда он поцеловал меня в грудь и осторожно приласкал туловище от плеч и ниже, я ощутила себя самой прекрасной женщиной в мире. Я забыла себя и своё поруганное тело и стала совершенной». Он издевательски захохотал: “Совершенной”, ага,…». На кой ляд вообще такое писать, ты, что ли, сама хочешь быть совершенной? Так я тебе вот что скажу: у тебя это ни за что не получится! Детей ты не рожаешь, стряпня у тебя несъедобная, в постели ты бревно бревном – одним словом, никудышная ты! Вот именно, никудышная!»

Яна зажала уши. «Замолчи!» – закричала она; ей было невмочь его слушать, слова пронзали её как ножи. «Оставь меня в покое, – просила она сквозь слёзы, – отдай мне листки, ты не знаешь, что такое любовь, тролль жирный, ты меня не знаешь и не понимаешь женщин и их чувства!»

«Это ты так считаешь, а дамы, с которыми я иногда провожу время, – как раз нет», – он швырнул рукопись на кровать. – На, бери, писа-ательница!», – сказал он и вышел, смеясь.

У неё внутри всё горело, и она без сил опустилась на пол. Издевательский смех так и звенел у неё в ушах, и голос мужа всё повторял: «Писа-ательница, писа-ательница…» Она увидела, как вокруг неё закружились лица, которые шептали: «Никудышная, никудышная!» В конце концов на неё нашло помрачение, она взяла листки и изорвала их на мелкие клочки. И тут зазвонил телефон. Яна очнулась, подошла к нему, сняла трубку и услышала на том конце «Алло». Голос был ей знаком: это был деятель ис-

кусств. Она уронила трубку на пол. Затем пошла обратно в спальню, открыла ящик комода и достала тот пузырёк, который так долго там лежал. На полу валялись клочки бумаги.

Перевод с фарерского Ольги Маркеловой

(Впервые опубликовано в антологии „Frostrósan“, Kvinnutíðindi og Føroya Skúlabókagrunnur. Tórshavn 1987)

ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН: КЛАССИКИ УЛЫБАЮТСЯ

Визитной карточкой жителей Туманного Альбиона является тонкий английский юмор. Большинство писателей Британии отдали дань этой традиции. Это относится и к признанным классикам английской литературы Роберту Луису Стивенсону и Оскару Уайльду.

Стивенсон в своей миниатюре обращается к эпизоду из жизни блистательного писателя XVIII века Лоренса Стерна. Его знаменитые романы «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» исполнены искромётного юмора. Особенно любопытным для Стивенсона оказалось то, что самым близким другом Стерна с университетских времён был эксцентричный Джон Холл-Стивенсон. В «Безумном замке» этого оригинала постоянно устраивались сборища весёлой компании интеллектуалов, где сочинялись невероятные истории. Здесь отшлифовался иронический стиль Стерна.

«Жизнь – слишком серьёзная штука, чтобы говорить о ней всерьёз», – утверждал непревзойдённый мастер парадокса и литературной игры Оскар Уайльд, сверкнувший подобно метеору на фоне высокомерного и лицемерного высшего света.

Для писателя неиссякаемым источником насмешливого остроумия было выворачивание идей наизнанку. Он с лёгкостью опрокидывал замшелые предрассудки и заблуждения.

Знаменательно, что забавный, как водевиль, небольшой рассказ Уайльда «Миллионер-натурщик» стал своего рода предварительным наброском серьёзного глубокого романа «Портрет Дориана Грея». Красивый бедный юноша, его друг талантливый художник, богатый покровитель – становятся персонажами и человеческой комедии, и трагедии.

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН (1850 – 1894)

ЛОРЕНС СТЕРН

Однажды молоденький студент из Кембриджа заглянул в гостиницу в Чиппинг-Нортоне, когда там обедал Стерн. Студент привёл с собой нескольких неотёсанных приятелей, перед которыми хотел щегольнуть городской дерзостью. В морщинистом приходском священнике, сидящим за скверным обедом, он нашёл для себя подходящую мишень.

– Сэр, – заявил он, подходя к столу, – мне не нравится ваша физиономия.

– Жаль, – посетовал Стерн, – ибо мне ваша нравится.

– Я вижу, вы пытаетесь быть остроумцем, – бросил юнец.

– Нет, сэр. Только христианином, – возразил Стерн.

– Вряд ли вы получаете хоть какое-то удовольствие от такого обеда, – сказал студент, меняя тему. – Так что заканчивайте поскорее и не заставляйте меня ждать.

– К чему такая спешка? – осведомился священник.

– К тому что, когда закончите, вы, я полагаю, прочтёте молитву, а мне любопытно послушать ваш ханжеский тон.

Стерн тотчас положил нож и вилку и встал с почтительным видом.

– Господи, – произнёс он, – взгляни с небес на два ничтожных создания, встретившихся в наихудшей (средь всех Твоих творений) гостинице, и даруй каждому то, чего ему больше всего недостаёт: мне – хорошее пищеварение, а ему – хорошие манеры.

ОСКАР УАЙЛЬД (1854 – 1900)

МИЛЛИОНЕР-НАТУРЩИК

Дань восхищения

Нет прока в очаровании, если ты не богат. Романтичность – привилегия богатых, а не дело безработных. Бедный должен быть практичным и прозаичным. Лучше иметь постоянный доход, чем быть обаятельным. Это великая тайна современности, которой Хью Эрскин никогда не следовал. Бедный Хью! Интеллектом, надо признаться, он не блистал. Ни разу не сказал он ничего остроумного или хотя бы язвительного. Но зато как прекрасно смотрелись его каштановые кудри, чисто выточенный профиль и серые глаза. Он вызывал симпатию, как у мужчин, так и у женщин, и преуспел во всём кроме делания денег. Отец завещал ему кавалерийскую саблю и «Историю Пиренейской войны XV века». Хью повесил первую над

зеркалом, поставил вторую на полку между «Путеводителем Раффа» и «Журналом Бейли» и прозябал на две сотни в год, которые ему давала старая тётка. Он испробовал всё. В течение шести месяцев ходил на Фондовую биржу, но что делать бабочке среди «быков» и «медведей»[1]? Какое-то время был чайным торговцем, но скоро устал от чая чёрного и чая отборного. Затем попытался продавать сухой херес. Он не пользовался спросом, потому что оказался слишком сухим. Так он и не пришёл ни к чему, восхитительный пустоцвет с безупречным профилем и без профессии. В довершение всего он был влюблён. Его любимая девушка, Лаура Мертон, была дочерью отставного полковника, который испортил в Индии как характер, так и желудок. Лаура обожала Хью, а он был готов целовать шнурки её башмачков. Они были красивейшей парой Лондона, и у них не было ни гроша. Полковнику Хью очень нравился, но он и слышать не хотел о помолвке.

– Приходи ко мне, мой мальчик, когда будешь иметь десять тысяч фунтов, и мы подумаем об этом, – говаривал он.

Хью сильно мрачнел и шёл к Лауре за утешением.

Однажды утром по дороге в Холланд-парк, где жили Мертоны, он зашёл повидать своего близкого друга Алана Тревора. Тревор был художником. Конечно, мало кто избегает этой участи в наши дни. Но он был подлинным художником, а всё подлинное встречается достаточно редко. Это был странный грубоватый малый с веснушчатым лицом и всклокоченной рыжей бородой, тем не менее, у него была рука настоящего мастера, и за его картинами гонялись знатоки. Хью покорил его исключительно своим обаянием.

«Единственные люди, с которыми можно знаться художнику, – утверждал Тревор, – это люди красивые и глупые, созерцание их – эстетическое наслаждение, а разговор с ними – интеллектуальный отдых. Мужчины-денди и прелестные женщины правят миром, по крайней мере, так должно быть». Однако когда он узнал Хью лучше, тот понравился ему ещё больше за светлый жизнерадостный нрав и щедрую беспечную натуру, и он открыл ему двери своей студии.

Когда Хью вошёл, Тревор делал последние мазки на мастерском портрете нищего. Сам нищий стоял на возвышении в углу студии. Это был высохший старик с крайне жалким выражением морщинистого пергаментного лица. На его плечи был накинут дырявый бурый плащ, грубые башмаки были в заплатах, одной рукой он опирался на неструганую палку, а другой протягивал помятую шапку для подаяния.

– Что за изумительная модель, – прошептал Хью, когда пожал руку своему другу.

– Изумительная модель? – закричал Тревор во всё горло. – Несомнен-

[1] Быки и медведи – биржевые спекулянты, играющие на повышение и понижение. (Прим. пер.).

но! Такого нищего не каждый день встретишь.

– Tron vaille, mon cher[1], натуральный Веласкес! Силы небесные! Какую гравюру Рембрант сделал бы с него!

– Бедняга! – вздохнул Хью. – Какой у него несчастный вид! Но, видимо, для тебя, художника его лицо – это его фортуна?

– Конечно, – ответил Тревор, – ты же не хочешь, чтобы нищий выглядел счастливцем?

– Сколько получает натурщик? – спросил Хью, усаживаясь на удобный диван.

– Шиллинг в час.

– А сколько ты получишь за свою картину, Алан?

– О, за эту я получу две сотни!

– Фунтов?

– Гиней. Художники, поэты и врачи всегда получают в гинеях.

– Но, по-моему, натурщик должен получать проценты, – воскликнул Хью, смеясь. – Его труд не легче твоего.

– Ерунда, ерунда! Учти тяжесть нанесения краски и стояния целый день за мольбертом. Легко тебе говорить, Хью, но уверяю, что зачастую искусство вполне равноценно физическому труду. Но не болтай, я очень занят. Кури сигарету и сиди смирно.

Через некоторое время вошёл слуга и сказал Тревору, что с ним хочет говорить багетчик.

– Не убегай, Хью, – бросил он, выходя, – я буду через минуту!

Старый нищий воспользовался отсутствием Тревора, чтобы немного отдохнуть на деревянной скамейке. Он выглядел так убого, что Хью не смог сдержать жалости и стал шарить в карманах. Всё, что он смог найти был соверен и немного медных монет. «Бедный старикан нуждается больше меня, – подумал он, – но это значит, что сегодня вечером придётся обойтись без экипажа». И пройдя через студию, он положил соверен в руку нищего. Старик вздрогнул, и слабая улыбка промелькнула на его сухих губах. «Спасибо, сэр, – поблагодарил он, – спасибо».

Затем вернулся Тревор, и Хью попрощался, слегка краснея за свой поступок. Он провёл день с Лаурой, получив нежный нагоняй за расточительное сумасбродство, и пошёл домой.

Вечером он заглянул в Клуб Палитры около одиннадцати и в курительной нашёл Тревора, пьющего в одиночестве рейнвейн с сельтерской.

– Алан, ты уже закончил картину? – спросил он, закуривая сигарету.

– Закончил и вставил в раму, мой мальчик, – ответил Тревор. – Между прочим, ты одержал победу. Старый натурщик, которого ты видел, совершенно покорён тобой. Я рассказал ему о тебе всё: кто ты, где живёшь, какой у тебя доход, какие перспективы.

[1] Tron vaille, mon cher – Достойная фигура, мой милый (фр). (Прим. пер.)

– Мой дорогой Алан, – закричал Хью, – я, вероятно, обнаружу его возле своего дома. Но ты, конечно, шутишь. Несчастный старик! Надеюсь, я смогу что-то для него сделать. Мне кажется, это ужасно быть таким жалким. У меня дома куча старой одежды – как ты думаешь, не пригодится ли ему что-нибудь? Его тряпьё совсем рваное.

– Но выглядит он в нём великолепно, – заметил Тревор. – Я не стал бы рисовать его в сюртуке ни за что. То, что ты называешь тряпьём, я называю романтическим стилем, что кажется тебе бедным, мне представляется живописным. Однако я расскажу ему о твоём предложении.

– Алан, – сказал Хью серьёзно, – вы, художники, бессердечны.

– Сердце художника – его голова, – ответил Тревор. – Наше дело воплощать мир, как он нам видится, а не переделывать его, как нам хочется. A chacun son métier[1]. А теперь скажи мне, как Лаура? Старый натурщик очень заинтересовался ею.

– Ты говорил с ним о ней? – воскликнул Хью.

– Разумеется. Он знает всё о безжалостном полковнике, страдалице Лауре и десяти тысячах фунтов.

– Ты рассказал этому старому нищему обо всех моих личных делах? – возмутился Хью, вспыхнув.

– Мой милый мальчик, – усмехнулся Тревор, – этот, так называемый, старый нищий – один из богатейших людей Европы. Он может завтра купить весь Лондон, не переписывая своего текущего счёта. У него есть дом в каждой столице, обедает он на золоте и может помешать России воевать, когда пожелает.

– Что ты имеешь в виду? – вскричал Хью.

– То, что сказал, – ответил Тревор. – Старик, которого ты видел сегодня в студии, барон Хаусберг. Он мой большой друг, покупатель моих картин и месяц назад заказал изобразить его в виде нищего. Que voules-vous? La fantasie d'un millionaire![2] И, честно говоря, он бесподобен в своём тряпье или точнее в моём – этот старый плащ я приобрёл в Испании.

– Барон Хаусберг! – возопил Хью. – Благие небеса! Я дал ему соверен. – И он окаменел от ужаса.

– Дал ему соверен! – захохотал Тревор. – Мой дорогой мальчик, больше ты никогда его не увидишь. Son affaire c'est l'argent des autres[3].

– Ты должен был предупредить меня, Алан, – буркнул Хью хмуро, – и не дать мне свалять такого дурака.

– Да, но начнём с того, – возразил Тревор, – что мне никогда не пришло бы в голову, что ты будешь так опрометчиво раздавать милостыню. Я могу представить, как ты целуешь хорошенькую модель, но, как даёшь со-

---

[1] A chacun son métier – «У каждого своё ремесло» (фр), соотв. русскому «Каждому своё». (Прим. пер.).
[2] Que voules-vous? La fantasie d'un millionaire! – «Что вы хотите? Фантазия миллионера». (фр.). (Прим. пер.)
[3] Son affaire c'est l'argent des autres – «Его дело – настоящие деньги» (фр). (Прим. пер.)

верен безобразной – клянусь Юпитером – нет! К тому же меня не было дома ни для кого, и, когда ты вошёл, я не знал, понравится ли Хаусбергу упоминание его имени. Ты же знаешь, он был не при параде.

– Каким идиотом он должен меня считать! – воскликнул Хью.

– Не совсем. Он был в приподнятом настроении после твоего ухода и, хихикая, потирал свои морщинистые руки. Я не мог понять, почему он так заинтересовался тобой, но теперь мне всё ясно. Он вложит твой соверен в дело, выплачивая тебе проценты каждые полгода, и будет иметь отличный анекдот для развлечения после обеда.

– Чёрт подери, – проворчал Хью, – самое лучшее, что я могу сделать, это лечь спать. И, дорогой мой Алан, никому об этом ни слова, я не осмелюсь показаться в Роу.

– Пустяки! Это делает честь твоему филантропическому духу. И не торопись. Возьми ещё сигарету и можешь говорить о Лауре сколько угодно.

Однако Хью покинул Алана, закатывающегося от приступа смеха, и отправился домой, чувствуя себя ужасно.

На следующее утро слуга принёс ему карточку, на которой было написано: «Месье Густав Нодье, представитель барона Хаусберга».

– Наверное, он пришёл за извинениями, – подумал Хью и велел слуге впустить посетителя.

Пожилой седовласый джентльмен в золотых очках вошёл в комнату и спросил с лёгким французским акцентом: «Я имею честь обратиться к месье Эрскину?»

Хью поклонился.

– Я от барона Хаусберга, – сказал гость. – Барон…

– Прошу Вас, сэр, передать ему мои искренние извинения, – заикаясь, пробормотал Хью.

– Барон, – продолжал пожилой джентльмен с улыбкой, – дал мне поручение вручить Вам это письмо.

И он вынул запечатанный конверт. На нём было написано «Свадебный подарок Хью Эрскину и Лауре Мертон от старого нищего», а внутри был чек на десять тысяч фунтов.

На их свадьбе Алан Тревор был шафером, а барон произнёс спич на свадебном завтраке.

– Натурщики-миллионеры, – изрёк Алан, – достаточно редки, но, клянусь Юпитером, миллионеры-натурщики встречаются гораздо реже!»

Перевод с английского Евгении Славороссовой

ГВИДО ГОЦЦАНО (1883 – 1916)

Поэт и прозаик, журналист и киносценарист, между прочим, ещё и энтомолог, Гвидо Гоццано прожил всего 32 года (скончался от туберкулёза лёгких).

При жизни успел издать только два сборника стихов и небольшой сборник сказок, печатался в периодических изданиях. После смерти – из года в год и по сей день – растёт и растёт количество публикаций его произведений. Гоццано считают одним из самых выдающихся итальянских поэтов XX века, оказавшим большое влияние на дальнейшее развитие поэзии в стране.

В противовес эстетской риторике кумира тогдашней итальянской молодёжи Фридриха Ницше Гоццано обращается к обыденной жизни «среднего» итальянца, коротающего дни свои в провинциальной глуши. Вместо «прекрасной дамы», обольстительной незнакомки он описывает женщину, почти дурнушку, которая жарит кофе, штопает бельё.

Поэт печали и размышлений, он пытался удалиться от суетного мира людей искусства, от всякого литературного окружения, тем не менее, стал признанным лидером нового направления в итальянской литературе начала XX века – так называемой «сумеречной поэзии». Душевную боль испытывал он от утраты своими современниками подлинных идеалов: Отечество, Бог, Человечность – и в риторике своей превративших их в «тошнотворные слова».

Часто на страницах произведений Гвидо Гоццано, как и у других «сумеречников», появляются монастыри и церкви, кладбища и часовни, образы монахинь, мотивы молитв. Для Гоццано, который вёл переписку со своим другом-священником, создал киносценарий о Франциске Ассизском, в этих образах и намёках отразилось его мироощущение. Он тяготел к романтическим идеалам прошлого, но воспринимал их с позиций «сегодняшнего дня».

Романтическая жилка (быть может, не всегда осознаваемая самим писателем) особенно ярко проявилась у Гоццано в произведениях о детях и для детей. Первое издание всех известных на сегодняшний день детских произведений Гоццано было осуществлено в Милане в 1961 году. Это 18 сказок (для сравнения: у Шарля Перро – 11 сказок) и 8 стихотворных произведений.

Сказки Гвидо Гоццано то напоминают нам о фольклоре, о волшебных персонажах и волшебных превращениях, то являются юному читателю в форме христианских притч, то рассказывают о ребёнке, творящем чудо.

Они чрезвычайно популярны среди итальянских детей. Гоццано называют классиком детской литературы, ставят в один ряд с братьями

Гримм, Джан Франческо Страпаролой (автором первых в мировой литературе пересказов народных волшебных сказок).

На русском языке некоторые поэтические произведения Гоццано печатались в переводе Евгения Солоновича в сборниках итальянской поэзии и в моём переводе – в журнале «Начальная школа», в изданном в 2009 году во ВГУКИ биобиблиографическом указателе «Леонид Яковлевич Зиман». Сказки Гвидо Гоццано печатались (в моём переводе) в журналах «Семейное чтение», «Начальная школа», «Читайка»; отдельные сказки (в переводе Л. Вешинина) можно найти в Интернете. Статьи о творчестве Гвидо Гоццано появлялись на страницах журналов «Историческое образование» и «Читайка», сборника научных статей «Мировая словесность для детей и о детях» (издание МПГУ), в «Вестнике РГГУ».

ТРИ ТАЛИСМАНА

У куриц были зубы, дети, –
Им это придавало сил…
Шёл чёрный снег по всей планете…
На нашем грешном белом свете
В те времена жил-был, жил-был…

... старик-крестьянин. И было у него три сына. Когда почувствовал он приближение смертного часа, позвал сыновей к своему одру.

– Дети мои, – обратился он к ним с последним напутствием, – я не богат, но сберёг для каждого из вас драгоценные талисманы. Ты, Кассандрино, поэт, значит, бедняк. Я оставляю тебе этот потёртый кошелёк. Стоит тебе запустить в него руку – и ты всегда найдёшь в нём сто экю. Ты, Сансонетто, крестьянин и должен кормить людей. Я оставляю тебе эту помятую скатерть. Стоит тебе расстелить её на земле или на столе – и на ней появятся яства на столько персон, на сколько пожелаешь. Ты, Оддо, купец и постоянно находишься в пути. Оставляю тебе поношенный плащ. Стоит накинуть его на плечи, расправить руки и ухватиться за самые крайние пуговицы – ты тут же станешь невидимым, в одно мгновение сможешь переместиться куда пожелаешь.

Отец вскоре умер, а трое сыновей, оплакав его, забрали свои талисманы и разошлись в разные стороны.

Кассандрино, прибыв в столичный город, купил великолепный дворец, дорогие наряды, золотые украшения, резвых коней и зажил жизнью богатого вельможи. Все решили, что он – князь в изгнании. Кассандрино и сам уже в это поверил – и однажды, надев самые пышные наряды и украсив их сверкающими бриллиантами, направился с визитом к королю.

Стражник остановил его:

– Чего желаете, князь?

– Увидеть Короля.

– Назовите своё имя, и Его Величество, если соизволит, примет вас.

– Что за церемонии! Вот вам сто экю.

Всадник поклонился аж до самой земли, и Кассандрино направился во дворец. Однако у самого входа его остановили четыре алебардиста.

– Куда вы направились, князь?

– К Королю.

– К Его Величеству так не проходят. Назовите своё имя, и если Король пожелает принять вас...

Кассандрино предложил по сто экю каждому алебардисту. Они стояли в нерешительности…

– Мало? Возьмите ещё!

Сражённые золотом, алебардисты отступили. Кассандрино стал другом Королю.

А через несколько дней все при дворе заговорили о его прямо-таки сказочной щедрости. Где бы он ни проходил, всем – направо и налево – раздавал по сотне экю. Слуги и служанки, повара и поварихи, придворные дамы и кавалеры – все подобострастно ему кланялись.

Однако облагодетельствованная Принцессой, единственной дочерью Короля, её хитрая камеристка заподозрила какую-то магию у благородного князя и как-то вечером, стягивая чулок с ножки своей госпожи, донесла ей об этом:

– Принцесса, кошелёк чужестранца заколдован. Разве вы не видите, как он мал... А он каждый вечер достаёт из него тысячи экю. Надо бы похитить этот кошелёк.

– Надо бы, – согласилась Принцесса. – Но как?

– Каждый вечер он садится слева от вас. Бросьте ему в бокал снотворную таблетку. Он заснёт – и дело с концом.

Так и произошло. На следующий вечер, за десертом, князь Кассандрино стал клевать носом, затем опрокинул голову на скатерть и на глазах изумлённого Короля и его высокопоставленных гостей заснул. Его перенесли в дворцовую спальню и уложили в постель. А бдительная служанка забрала его кошелёк и передала госпоже. По общему сговору юноша был отдан в руки четырёх молодчиков, которые отнесли его на пустынное поле.

Проснувшись на рассвете, Кассандрино понял, какую шутку сыграли с ним.

– Я отомщу! – промолвил он сам себе и отправился в родную деревню.

Брат его, крестьянин, встретил Кассандрино с раскрытыми объятьями и усадил у самого очага.

– Ну, как твой чудо-кошелёк, Кассандрино?

– Его украли. Меня провели, как ребёнка.

И он рассказал брату о своём злоключении.

– Поможешь мне вернуть кошелёк?

– Как?

– Одолжи мне на некоторое время твою скатерть-самобранку.

Брат был в нерешительности.

– Я отблагодарю тебя. Не пройдёт и нескольких дней, как скатерть к тебе вернётся.

Сансонетто отдал Кассандрино скатерть-самобранку с условием, что тот вернёт её в целости и сохранности.

Кассандрино вновь прибыл в столичный город, переоделся в платье простолюдина и представился во дворце поваром. Министр продовольствия недоверчиво и даже с презрением посмотрел на него и предложил самое последнее место в кухонной иерархии.

Однажды, когда Король давал торжественный обед в честь послов Султана, Кассандрино обратился к шеф-повару:

– Оставьте меня здесь одного. Гарантирую, что обед будет такой, какой вам и снился.

Шеф-повар захохотал:

– Да ты просто глупый кухонный служка!

Но Кассандрино так настойчиво убеждал шеф-повара, что тот не выдержал:

– Отвечаешь головой за обед?

– Отвечаю.

Шеф-повар и его помощники пошли на прогулку, а Кассандрино остался в кухне. За несколько минут до полудня зашёл в обеденный зал и расстелил скатерть-самобранку на краешке огромного стола.

– Скатерть! Скатерть! Приготовь угощение на пятьсот персон, да такое угощение, чтобы поразить и Короля, и его придворных, и послов и посрамить всех поваров на земле!

И тут же появились белоснежные скатерти, а на них засверкали приборы из хрусталя и серебра, которые наполнились самыми изысканными блюдами: пирогами причудливой формы, и ароматным мясом лесной дичи, и редкостными породами рыб, и заморскими фруктами, и винами с солнечных островов. Все приглашённые на обед были поражены. Король вызвал шеф-повара. Восторженным комплиментам в его адрес не было конца.

Шеф-повар поручил теперь Кассандрино руководить кухонным хозяйством. А все комплименты, все похвалы принимал на свой счёт.

Каждый день Кассандрино за несколько минут до начала обеда поднимался в обеденный зал, запирал его на ключ и почти тут же покидал. Королевские столы ломились от изысканных блюд.

Слуги стали подозревать здесь какое-то колдовство.

Камеристка Принцессы, самая хитрая из них, подсмотрела однажды в замочную скважину, как совершенно неожиданно на столе появляются изысканные блюда. Она тут же сообщила об этом Принцессе.

– Принцесса, тот чужестранец с чудо-кошельком опять у нас во дворце – в обличии шеф-повара. Он владеет скатертью, которая творит чудеса.

– Так надо завладеть этой скатертью.

– Завладеем, – уверила её камеристка.

И в следующую ночь взломала ларец, в котором Кассандрино хранил скатерть-самобранку, а на его место положила точно такой же ларец.

Назавтра Кассандрино, как и раньше, расстелил скатерть и произнёс волшебное заклинание. На столах ничего не появилось.

– Так меня во второй раз обманули! Ничего! Отомщу!

Он вернулся в родную деревню и предстал перед братом-купцом. Тот обнял его и поинтересовался, как у Кассандрино идут дела. И услышал совсем нерадостные новости.

– У меня украли чудо-кошелёк и скатерть-самобранку. Не поможешь ли вернуть их?

– Но как, брат мой?

– Одолжи мне на несколько дней твой плащ-невидимку.

Купец стоял в нерешительности. Плащ, который делал его невидимым и сокращал расстояния, был просто необходим в коммерческой деятельности. Но Кассандрино так упрашивал своего брата, что тот согласился. Раскрыв плащ и ухватившись двумя руками за его крайние пуговицы, Кассандрино в одно мгновение достиг столичного города, вошёл, невидимый, по лестницам дворца и очутился в покоях Принцессы. Она спала, и Кассандрино тут же прикрыл её лицо краешком плаща.

– Желаю, чтобы плащ перенёс нас обоих на Счастливые острова.

Будто тёмным облаком окутал их плащ и в несколько секунд перенёс в пальмовую рощу на далёких островах.

Принцесса, обнаружив, что она находится в одной связке со своим врагом, сделала вид, что покорилась ему... И выведала секреты волшебного плаща. Ночью, когда Кассандрино спал, укрывшись каким-то сукном до самого подбородка, она осторожно сдёрнула с него плащ и приказала плащу перенести её к своему отцу – Королю.

Кассандрино проснулся в тот момент, когда плащ-невидимка, как тёмным вихреобразным облаком, окутал Принцессу и увлёк за собой в королевство её отца.

– Опять я коварно обманут!

И Кассандрино в отчаянии зарыдал.

Не один месяц провёл он на острове, питаясь только фруктами.

Однажды, блуждая по берегу реки, увидел на дереве огромные румяные яблоки. Попробовал одно: очень вкусное. Но вскоре почувствовал невыносимый зуд во всём теле.

Он посмотрел на своё отражение в прозрачном источнике: лицо его покрылось какой-то зелёной чешуёй.

– О горе мне! Что это такое?

Он ощупал своё тело: оно тоже стало чешуйчатым, как у змеи. Кассандрино попробовал другие яблоки – жёлтые, которые росли на соседнем дереве. Вновь зуд, но зелёные чешуйки мало-помалу стали исчезать, и кожа побелела. Он стал пробовать яблоки то с одного дерева, то с другого, и кожа его то белела, то зеленела.

Прошло ещё несколько месяцев. На горизонте появился пиратский корабль. Кассандрино так отчаянно закричал, что корабль приблизился к берегу и принял его на борт. Но прежде, чем покинуть остров, он сорвал по три яблока с каждого дерева и положил их себе в карман.

Кассандрино вновь появился в столичном городе. В одно из воскресений он принял облик странника, водрузил небольшой прилавок на ступеньках перед церковью, в которую направлялась к обедне дочь Короля, и положил перед собой три отменных яблока, которые превращали человеческую кожу в змеиную чешую.

Принцесса в сопровождении камеристки проходила мимо него и остановилась, восхищённая, перед яблоками. Странника она не узнала.

– Торсина, – обратилась она к камеристке, – пойди, купи эти яблоки.

Камеристка обратилась к страннику:

– Сколько стоят ваши фрукты?

– Триста экю.

– Что вы сказали?

– Триста экю.

– Вы с ума сошли! По сто экю за каждое яблоко?

– Не хотите – не берите. Не будем тратить лишних слов.

Камеристка вернулась к своей госпоже.

– Триста экю! Хорошо, что вы их не купили.

И они вошли в церковь.

Но во время богослужения Принцесса, стоя на коленях перед алтарём с взором, обращённым к небу, и со скрещенными на груди руками, не могла думать ни о чём, кроме яблок, которыми торговал странник. Как только она вышла из церкви, она восхищённо посмотрела на яблоки и вновь обратилась к камеристке:

– Купи эти фрукты за триста экю. Я достану их из чудо-кошелька.

Камеристка подошла к страннику.

– Простите, моя дорогая, но яблоки стоят уже не триста, а шестьсот экю.

– Вы шутите?

– Надо было раньше думать. Цена за это время выросла вдвое.

Камеристка вернулась к своей госпоже, затем снова направилась к страннику. Сделка состоялась.

Яблоки положили на большое золотое блюдо. У всех сотрапезников слюнки потекли. Король одно яблоко взял себе, другое дал Королеве и

третье – Принцессе. Все трое были просто поражены изысканным вкусом яблок. Но, не доев их даже до половины, стали беспокойно оглядывать друг друга: все трое покрылись зелёной змеиной чешуёй. Отчаяние и ужас охватили их. И Короля, и Королеву, и Принцессу отвели в их покои. По всему королевству поползли странные слухи.

Напрасно вызывали самых знаменитых врачей. По всему королевству объявили: «Тот, кто сможет вывести зелёную чешую с тел членов королевской семьи, получит руку Принцессы и половину королевства».

Когда все врачи, колдуны, знахари и гадалки покинули дворец, явился Кассандрино. Его допустили в покои королевской семьи.

– Вы берётесь нас вылечить?

– Берусь.

– И когда начнёте лечение?

– Хоть сейчас, если желаете.

Кассандрино попросил Короля раздеться до пояса, затем надел перчатки, вынул из корзинки крапиву и начал стегать ею по королевской спине.

– Хватит! Хватит! – орал Король.

– Да нет ещё, Ваше Величество.

Затем подошёл к Королеве и проделал ту же операцию с её спиной.

Когда Короля и Королеву, полуживых, уложили в постели, Кассандрино дал им жёлтые яблоки с далёких островов. Лица супругов постепенно начали белеть, чешуйки – редеть и наконец исчезли совсем. Ликование отразилось на их лицах.

Пришла очередь Принцессы.

Кассандрино заявил, что должен остаться с ней наедине, и запер на ключ дверь её комнаты.

Из покоев Принцессы раздались душераздирающие вопли и стоны. Значит, лечение началось.

– Помогите! Хватит! Хватит!

Лечение продолжалось.

– Ой, умираю! Хватит! Помогите! Ради Бога!

Через час Кассандрино, оставив полуживую Принцессу, вышел из комнаты.

– А кожа Принцессы? – спросили Король и Королева.

– Она побелеет завтра. Когда я вновь приду, чтобы закончить лечение.

Он обратился к другу своему – священнику:

– Завтра, около полудня, приходите в королевский дворец, чтобы причастить Принцессу. Она уже на грани смерти.

Священник обещал прийти.

На следующий день Кассандрино вновь появился во дворце:

– Сегодня ещё одна – последняя процедура. Принцесса ведь может умереть.

– Великий Боже! Что вы говорите? – запричитали Король и Королева.

– Я пригласил священника – для последнего причастия. Он будет здесь в полдень.

Кассандрино поднялся к Принцессе.

– Сегодня последняя процедура. Она может оказаться тщетной, и я пригласил священника, чтобы вы могли покинуть сей мир со спокойной совестью.

В глазах Принцессы отразилось полное отчаяние. Тут вошёл священник. Кассандрино предложили подождать в соседней комнате. Священник остался один на один с Принцессой. Когда он вышел из её покоев, Кассандрино попросил одолжить на несколько минут его облачение.

– Но это оскорбительно для моего сана.

– Не беспокойтесь, здесь нет никакого кощунства – только благородная цель.

Перед рыдающей в своём алькове Принцессой предстал Кассандрино в священническом облачении.

– Дочь моя, вы раскаялись во всех грехах? Не забыли ли чего? Подумайте, ещё подумайте... Ведь вам предстоит держать ответ перед Высшим Судиёй.

Принцесса побледнела от рыданий.

– Подумайте, – Кассандрино, подражая своему другу, имитировал его голос. – Вспомните, не похитили ли вы чего... не украли…

– О падре, – зарыдала Принцесса, – я украла чудо-кошелёк у чужеземного князя.

– Надо вернуть. Доверьте кошелёк мне, а я верну его законному владельцу.

Принцесса усталым жестом указала на серебряную шкатулку. Кассандрино достал чудо-кошелёк.

– А ещё? Ещё?.. Не припоминаете?

– О падре, у того же князя я украла скатерть, возьмите её... вон в том ларце из слоновой кости.

– А ещё? Ещё?

– Плащ, о отец мой, плащ! У того же князя. Он там, в шкафу из цитрусового дерева.

Кассандрино забрал и скатерть-самобранку, и плащ-невидимку.

– Хорошо, – продолжал лжесвященник, – теперь попробуйте это яблоко, оно должно вам помочь.

Принцесса только надкусила яблоко – и тут же зелёные чешуйки стали понемногу редеть и в конце концов исчезли совсем.

Кассандрино сдёрнул парик и скинул облачение.

– Узнаёте меня, Принцесса?

– Простите меня! Простите меня за всё! Я и так уже наказана.

Тут Король и Королева вошли в покои своей дочери, и Король, убедившись в том, что она жива и здорова, обнял целителя.

– Предлагаю вам руку Принцессы. Вы заслужили её.

– Благодарю вас, Ваше Величество. Но я помолвлен с другой девушкой – из моих краёв.

– Тогда... Примите принадлежащую вам половину королевства.

– Благодарю вас, Ваше Величество. Но зачем оно мне? С меня довольно вот этого старого потёртого кошелька, этой помятой скатерти и этого поношенного плаща.

И, накинув плащ, невидимый, полетел в родную деревню. Братьям он вернул их талисманы и, женившись на своей землячке, счастливо зажил в деревенской тиши. Больше он не искал никаких приключений.

ПЛЯСКА ГНОМОВ

Когда всё утро было ало,
И дрозд произносил слова,
И только к вечеру светало,
Жила-была, жила-была...

... вдова, которая вышла замуж за вдовца. У вдовца была дочка от первой жены, а у вдовы – от первого мужа. Дочь вдовца звали Серена, что значит ясная, а дочь вдовы – Гордиана, что значит запутанная. Мачеха ненавидела Серену, добрую красавицу, и всячески потакала Гордиане, злой уродине.

Они жили в княжеском замке, в трёх милях от деревни. Дорога в деревню шла через поляну в тысячелетнем буковом лесу. На этой поляне по ночам, в полнолуние, плясали, вставши в круг, маленькие гномы. Они жестоко разыгрывали случайных ночных прохожих.

Мачеха, которая прекрасно это знала, однажды в воскресенье, после ужина, обратилась к падчерице:

– Серена, я позабыла молитвенник в деревенской церкви, пойди поищи.

– Мама, но ведь уже ночь.

– Луна ярче светит, чем солнце.

– Мама, я боюсь. Пойду завтра утром, на рассвете.

– Сколько повторять тебе! Иди! – настаивала мачеха.

– Мама, пусть тогда Гордиана пойдёт со мной.

– Гордиана останется здесь, со мной! А ты иди!

Серена не смогла больше возражать мачехе и покорно отправилась в путь. Дойдя до леса, она замедлила шаги и от страху крепко сжала капю-

шон у себя на груди. Вот уже и поляна, освещённая луной. И гномы, пляшущие прямо на пути к деревне.

Затаив дыхание, Серена наблюдала за ними из-за деревьев. Гномы были хромые и горбатые, как старички, и маленькие, как дети. С длинными рыжеватыми бородами и с густыми гривами волос, кто с рыжими, кто с зелёными. На головах – какие-то причудливые колпаки.

Они плясали, образовав тесный круг. Звучала плавная, пронзительная мелодия под аккомпанемент ночных криков птиц.

Серену бросило в дрожь от одной только мысли, что она должна пройти между гномами. Но другого пути не было, а возвращаться домой без молитвенника она не могла. Преодолевая страх и волнение, она направилась к гномам.

Как только они её заметили, зелёные гномы отделились от рыжих, и все встали двумя рядами, оставив её проход. Но когда девочка оказалась меж двух этих рядов, они вновь сомкнулись в пляске, окружив Серену. Один из гномов протянул ей гриб и стебель папоротника:

– Девочка-красавица, попляши с нами!

– Охотно, если это доставит вам удовольствие.

Серена пустилась в пляс, но так нежно и грациозно, что гномы, изумлённые, застыли в своём кругу.

Один гном произнёс:

– О! Как изящна эта красивая девочка!

А другой добавил:

– Пусть она станет ещё красивее и изящней!

И третий:

– О! Как девочка добра и нежна!

Четвёртый:

– Пусть она станет ещё добрее и нежнее!

Пятый:

– И пусть при каждом сказанном ею слове из левого уха будет падать жемчужина!

Шестой:

– И пусть всякий раз, когда она пожелает, эти жемчужины станут золотыми!

– Да будет так! Да будет так! – радостно закричали все гномы своими трескучими голосами.

Крепко держась за руки, они вновь закружились в стремительной пляске, затем разорвали круг и исчезли.

Серена продолжила свой путь, дошла до деревни и обратилась к церковному сторожу, потому что церковь была закрыта.

При каждом слове в левом ухе появлялось по жемчужине, они отскакивали на плечо, падали на землю, а церковный сторож пытался поймать их на ладонь.

Серена взяла молитвенник и вернулась в отчий замок. Мачеха с изумлением посмотрела на неё. Такой красавицей она раньше Серену не видывала.

– С тобой ничего не случилось?

– Ничего, мама.

И рассказала обо всём. При каждом слове из левого уха скатывалась жемчужина.

Мачеха прямо-таки взбесилась от зависти.

– А мой молитвенник?

– Вот он, мама.

Потёртый кожаный с медью переплёт был превращён в золотой, с бриллиантами.

Мачеха застыла от изумления. И решила, что родная дочь её Гордиана тем более достойна такой судьбы.

В следующее воскресенье, в это же время, она попросила её сходить в деревенскую церковь за книжкой.

– Одна? На ночь глядя? Мама, вы сошли с ума! – воскликнула она, поведя плечами.

– Дочка дорогая, ты должна послушаться меня. Увидишь, тебя ждёт большой сюрприз.

– Идите сами за своей книжкой!

Гордиана не привыкла слушать, что ей говорят, и мачехе пришлось применить силу.

Когда Гордиана пришла в лес, освещённый серебряной луной, плясавшие в тесном кругу маленькие гномы разделились на два ряда, оставив проход для девочки, а затем вновь сомкнулись. Вперёд вышел один из гномов, он протянул Гордиане гриб и стебель папоротника и любезно пригласил на пляску.

– Я танцую с принцами да с баронами, а не с такими мерзкими жабами, как вы.

Гриб и папоротник она бросила наземь и с помощью кулаков попыталась прорвать цепь плясунов.

Один гном произнёс:

– О! Как безобразна эта девочка-уродина!

А другой добавил:

– Пусть она станет ещё уродливее, ещё безобразнее!

И третий:

– Пусть охромеет!

Четвёртый:

– Пусть у неё вырастет горб!

Пятый:

– И пусть при каждом сказанном ею слове из левого уха будет выползать скорпион!

Шестой:

– И пусть станет липким любой предмет, до которого она дотронется!

– Да будет так! Да будет так! – радостно закричали все гномы своими трескучими голосами.

Крепко держась за руки, они вновь закружились в пляске, затем разорвали круг и исчезли.

Гордиана только плечами повела. Она пришла в церковь, взяла книжку и вернулась в замок.

Мать завыла, увидев её:

– Гордиана, дочка моя! Кто тебя так изувечил?

– Это вы, жестокая мамаша, отправили меня на такое испытание!

И при каждом слове выползал скорпион с раздвоенным хвостом.

Гордиана вынула из кармана книжку и отдала матери. Та бросила её наземь с истошным криком:

– Какая гадость! Она такая липкая, вся заслюнявлена!

Мать пришла в отчаяние, увидев, что дочка к тому же ещё хромая и горбатая и даже безобразнее, чем была раньше. Она повела её в свою комнату и обратилась за помощью к врачам, которые тщетно пытались вылечить Гордиану.

Слухи же об ослепительной красоте и поразительной доброте Серены разнеслись по всему свету, и из разных концов посыпались предложения от принцев и баронов. Но жестокая мачеха всеми силами отклоняла их.

Король Персегонии не доверился послам – он сам, собственной персоной прибыл в замок. Поражённый нежностью и обаянием Серены, он тут же попросил её руки.

Мачеха желчью изошла, но, попыталась изобразить саму любезность и сказала, что очень рада за Серену. Сама же решила подменить её своей дочерью Гордианой.

На следующей неделе было назначено бракосочетание. Король прислал невесте бесценные серьги, броши, ожерелья.

И вот за невестой прибыл королевский кортеж. Мачеха надела на Гордиану все эти драгоценности, а Серену заперла в кедровый сундук.

Король вышел из золотой кареты и, рассыпаясь в любезностях, открыл дверцу перед невестой. Гордиана, покрытая плотной вуалью, хранила молчание.

– Синьора, тёща моя, почему невеста мне не отвечает?

– Она стесняется, Ваше Величество.

– Но раньше она была так любезна со мной.

– Сегодня такой торжественный день... Она просто онемела от счастья.

Король с восхищением смотрел на свою невесту.

– Серена, откройте лицо, я видел его лишь мгновение.

– Это невозможно, Ваше Величество, – перебила его мачеха. – Свежо на улице. Она откроет лицо после бракосочетания.

Король не мог скрыть своего волнения.

Подъехали к церкви. Мать уже с радостью думала о том, что её гнусный обман удался. Но, когда они проезжали около ручья, забыв обо всём, нетерпеливая Гордиана обратилась к матери:

– Мама, хочу пить.

Сказала три слова – и три чёрных скорпиона поползли по её белоснежному шёлковому платью.

Король и тесть привскочили при этом ужасном зрелище. С невесты сорвали вуаль – и увидели ужасное лицо Гордианы.

– Ваше Величество, нас обманули!

Свадебный кортеж был остановлен на полпути. Король вскочил на лошадь и пустил её в галоп – к замку невесты. Вбегая по лестнице, громко закричал:

– Серена! Серена! Где вы?

– Здесь, Ваше Величество!

– Где?

– В кедровом сундуке!

Король взломал сундук остриём своей шпаги и откинул крышку. Бледная, но, как всегда, прекрасная, Серена вскочила на ноги. Король поднял её, посадил на лошадь и прискакал с ней к ожидавшему его кортежу. Серена заняла место в королевской карете, между отцом и женихом.

Бракосочетание было отпраздновано по-королевски.

А мачеха и её безобразная дочка убежали в лес, и с той поры о них ни слуху, ни духу.

СНЕГУРОЧКА И ПОДСНЕЖНИК – АПРЕЛЬСКИЙ ЦВЕТОК

Был камень как пушинка, дети,
А губка – твёрже, чем скала.
В те времена на белом свете
Жила-была, жила-была…

… принцесса, которую звали Снегурочка.

Вместе с отцом своим – королём Январём они обитали в неприступном для людей царстве вечной ослепительной белизны. Король Январь изготавливал – только ему одному известным химическим способом – снег, а Снегурочка лепила из него снежинки, придавала им форму звёздочек или цветков и складывала в роге изобилия. Когда рог наполнялся до краёв, Снегурочка по команде отца разбрасывала снежинки по четырём сторонам света, и снег летел по всему миру.

Снегурочка была бледная, почти прозрачная, но красивая, как богиня, которых теперь уже и на свете нет. Каждый локон её белокурых волос

был как полярная звезда; лицо и руки поражали чистотой ещё не упавшего на землю снега, а глаза – лазурного цвета, как отражение голубого неба во льдах.

Снегурочка часто грустила. В часы отдыха, когда наступала спокойная звёздная ночь, отец Январь прерывал работу и укладывался спать на своей необъятной, словно потоком льющейся бороде. Снегурочка опиралась на балясины ледяных глыб, обхватывала голову руками и пристально вглядывалась в далёкий горизонт, о чём-то мечтая.

Ласточка, раненная, когда летела через горы в солнечные края, упала ей в руки. Тщетно Снегурочка пыталась утешить её, и мучающаяся в агонии Ласточка в неясном бреду своём вспоминала море, цветы, пальмы и вечную весну. С этого дня Снегурочка возмечтала о землях, которых никогда не видела.

В одну из ночей она решилась на побег. Осторожно прошла по потоком льющейся бороде Января, покинула царство вечных льдов и снега и направилась в долину. Оказалась в хвойном лесу. Гномы, увидев, как движется что-то полупрозрачное, светящееся во мраке леса, прервали танцы и скàчки верхом на ветках. Своими любопытными и насмешливыми глазами они уставились на неё.

– Снегурочка!

– Снегурочка, куда ты идёшь?

– Снегурочка, потанцуй с нами!

– Снегурочка, не покидай нас!

Добрые духи, они столпились вокруг неё, пытаясь остановить, преградить дорогу плющом и папоротником.

Снегурочка только улыбалась, не обращая внимания на сердечные призывы; достала из рога изобилия большой пласт снега, разбросала его вокруг – и освободилась от этих маленьких дружков, которым так хотелось с ней поиграть. Она продолжала свой путь, полупрозрачная, молчаливая и лёгкая, как богиня, которых теперь уже и на свете нет.

Побежала вниз по широкой дороге.

Ветер утих. Одышка сдавила сердце у Снегурочки, и, чтобы свободнее дышать, она достала из рога изобилия пласт снега и, рассыпав его вокруг, вновь обрела силы, обрела дыхание в морозном воздухе.

Быстро преодолела бóльшую часть широкой дороги. В восхищении остановилась на перекрёстке. Ей открылась незнакомая картина: безбрежное голубое пространство – второе небо, распростёртое на земле. Невидимые руки удерживали его и слегка раскачивали. Поражённая таким зрелищем, Снегурочка продолжала свой путь. А земля менялась на глазах. От холмов до моря, насколько охватывал взор, анемоны, гвоздики, мимозы, фиалки, резеда, нарциссы, жасмины, туберозы, с трудом удерживаемые садовыми стенами и изгородями. В безбрежной реке лепестков всплывали дома и рощи. Оливковые деревья расстилали свои серебряные вуали, пря-

мые высокие пальмы стояли словно стрелы, пущенные в небесную лазурь.

Восторженным взором своим Снегурочка окидывала всё, что впервые открылось ей, и забывала разбрасывать снег. Когда снова стала задыхаться, она спохватилась, достала снежный пласт, рассеяла вокруг себя чистые белые хлопья. Морозный воздух вернул ей дыхание. А цветы, оливковые деревья, пальмы, как на чудо, смотрели на полупрозрачную девушку, проносившуюся в снежном вихре, и содрогались от зрелища её полёта.

Прекрасный юноша в зелёно-фиолетовом камзоле появился перед Снегурочкой, своими беспокойными глазами преграждая ей путь.

– Кто ты?

– Я Снегурочка. Дочь Января.

– Разве ты не знаешь, что здесь уже не царство твоего отца? Я принц Подснежник – Апрельский цветок, я не позволю тебе ступать на мою землю, в моё царство. Возвращайся к своим льдам, это будет лучше и для тебя, и для меня.

Но Снегурочка посмотрела на принца таким умоляющими и нежными глазами, и Подснежник – Апрельский цветок был тронут до глубины души.

– Подснежник, позволь мне продолжать свой путь. Я хочу только дотронуться до этого голубого, зелёного, красного, фиолетового снега, который вы называете цветами, хочу только кончиками пальцев прикоснуться до перевёрнутого неба, которое вы зовёте морем.

Подснежник – Апрельский цветок, улыбаясь, посмотрел на неё и кивком головы выразил согласие: «Пойдём. Я тебе покажу своё царство».

И они пошли вместе, держась за руки, восторженно глядя друг другу в глаза. Но чем дальше шла Снегурочка, тем мрачнее становилось голубое небо, вихри белых хлопьев покрывали удивительные сады.

Прошли через праздничную деревню. Крестьяне и крестьянки танцевали под цветущим миндалём. Снегурочке захотелось, чтобы Подснежник – Апрельский цветок пригласил её на танец, и они начали танцевать. Но все поселяне тут же разошлись, музыка прекратилась, воздух стал морозным, а с тёмного, мрачного неба вместе со снежными душистыми лепестками с миндального дерева высыпал настоящий снег, который рассеивала Снегурочка на своём пути. Подснежник и Снегурочка бегом пустились из деревни под злобные крики поселян.

Но через некоторое время они увидели другую праздничную деревню, и небо снова стало чистым, спокойным, безмятежным.

– Снегурочка, я хочу взять тебя в жёны!

– Твои подданные не примут королеву, которая всюду распространяет мороз.

– Ну и пусть! Я так хочу, и моя воля будет исполнена.

И они шли и шли, глядя друг другу в глаза, счастливые, забывшие,

кажется, обо всём на свете. Но вдруг Снегурочка остановилась, она стала ещё бледнее, ещё прозрачнее…

– Подснежник! Подснежник!.. У меня нет больше снега!

Тщетно скребла она своими пальцами по дну рога изобилия.

– Подснежник – Апрельский цветок…Я умираю!.. Перенеси меня к границе своего царства… Я больше не выдержу!..

Снегурочка еле шла, согнувшись в три погибели. Подснежник попытался поддержать её, взял на руки и побежал к долине.

– Снегурочка! Снегурочка!

Она не ответила. Снегурочка становилась ещё прозрачнее. Лицо её превратилось в бесцветный пузырь, который вот-вот лопнет.

– Снегурочка! Отзовись!

Подснежник – Апрельский цветок прикрыл её от солнца шёлковым плащом, побежал быстрее, наконец, достиг долины, чтобы передать Снегурочку Северному ветру.

Но когда он приподнял плащ, Снегурочки под ним не было. Побледневший, растерянный, весь в ознобе, Подснежник осмотрелся вокруг. Где она? В отчаянии он поднял руки. И вдруг его глаза как будто засияли. Он увидел Снегурочку на другом конце долины. Улыбаясь, она простирала к нему руку в прощальном привете.

Старый наставник Снегурочки – Северный ветер вёл её по снежным тропам к вечным льдам, в неприступное для людей царство короля Января.

Перевод с итальянского Леонида Зимана

АМЕРИКАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В разделе «Американа» представлены переводы произведений американских писателей, чьи имена являются знаковыми в литературе Юго-Запада США.

Писателя Рудольфо Анайя именуют «патриархом» (godfather) мексикано-американской литературы. В юбилейном номере журнала «Переводчик» представлен перевод на русский язык его известного рассказа «Рождественские фаролитос» (1987), который опубликован в 1995 году в нью-йоркском издательстве *Hyperion Books*. Рассказ обращён к 40-м годам XX века, в нём повествуется о рождественской традиции украшения домов и улиц множеством бумажных фонариков – фаролитос, распространённой в Нью-Мексико. Перевод Татьяны и Марии Воронченко осуществлён с экземпляра книги *The Farolitos of Christmas* (1995), который получен автором этих строк в дар от Рудольфо Анайя накануне Рождества 1996 года, в период стажировки в Университете Нью-Мексико.

Мэри Хантер Остин – американская писательница и эссеист, творчество которой тесно связано с Юго-Западом США. Большинство её произведений посвящены судьбе жителей региона. В разделе представлен перевод на русский язык скетча «Маленький городок Виноградных Лоз», завершающего сборник «Земля маленького дождя» (1903). Скетч посвящён описанию уклада жизни населения калифорнийского городка – простых людей, живущих в мире и согласии с окружающей природой. Перевод Екатерины Фёдоровой осуществлён с текста книги Мэри Остин *The Land of Little Rain* (*Houghton Mifflin*, 1903).

Татьяна Воронченко

РУДОЛЬФО АНАЙЯ (род. в 1937 году)

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ФАРОЛИТОС

Лус торопливо шагала по грунтовой дорожке в сторону *пуэбло*, где жила её подруга Рейна.

«Кар, кар», – закричал чёрный ворон с голых веток тополя.

Лус показалось, что он прокаркал: «Бр-р! Бр-р! Бр-р…»

«Да, мистер Ворон, – сказала она большой чёрной птице. – Утро сегодня и вправду холодное! И всего три дня до Рождества».

Лус жила в предместье Сан-Хуана на севере Нью-Мексико. Совсем близко, через дорогу, располагалось пуэбло, где жила Рейна.

На улицах предместья было пустынно, лишь несколько ребят неторопливо шли в школу. Из печных труб в холодное декабрьское небо струился дымок.

«Может, на Рождество будет снег», – подумала Лус, глядя на пики гор Сангре де Кристо. Синие величественные вершины были затянуты тёмными тучами. Лус укутала шарфом подбородок и продолжила свой путь.

Девочка остановилась у местного бакалейного магазинчика и заглянула в окно. Там в самом центре стояла картонная фигура Санта-Клауса. «*Ке бонито!* Как мило! – воскликнула она».

Её дедушка, который говорил только по-испански, называл Санту «Санто Клос».

«А Санто Клос настоящий?» – спросила как-то Лус у деда.

«Конечно же, настоящий, – подмигнул Абуэло. – Он приходит с большим мешком, полным подарков для детей. А пасто́рес – пастухи – собираются, чтобы песнопениями восславить младенца Иисуса».

«Люблю пастухов», – улыбнулась Лус.

«Это старая традиция, – сказал Абуэло. – В канун Рождества несколько жителей Сан-Хуана наряжаются в пастухов и разыгрывают спектакль о пути первых пастухов, идущих поклониться новорождённому Иисусу. Пастухи идут по дороге к церкви и останавливаются, чтобы спеть перед домом, расцвеченным множеством ярких *люминариас* – маленьких светильников из дерева».

«И это наш дом!» – радостно воскликнула Лус.

«*Си*. Да. Из сосновых досок мы делаем небольшие светильники и расставляем их от двери до дороги. В сочельник мы зажигаем огни для пастухов, и они останавливаются у нашего дома и поют. Затем мы приглашаем их отведать *посоле*, *тамалес* и *бискочитос*».

Абуэло зажигал огоньки каждый раз в сочельник, сколько Лус помнит себя. Сейчас он сильно простудился и заболел. Доктор запретил ему что-либо делать на улице. Не будет огоньков в это Рождество, и пастухи не остановятся, чтобы спеть у дома Лус.

Девочка перешла дорогу и оказалась в пуэбло. Рейна ждала у своего глинобитного дома.

«Быстрее! – крикнула Рейна. – Нам нельзя опаздывать! Сегодня мы наряжаем ёлку в школе. Здорово, правда?»

«Да, – кивнула Лус. – А у нас дома ёлки не будет».

«Обычно на Рождество мы едем в пуэбло Таос навестить родственников и потанцевать, – сказала Рейна, – но в этом году отец сказал, что мы можем остаться дома и поставить собственную ёлку. Может, придёшь и поможешь мне её нарядить?»

«О, да, конечно!» – ответила Лус.

«Папа вырежет жестяную звезду для ёлочной верхушки».

Отец Рейны работал жестянщиком в пуэбло, а мать была ткачихой.

«А твой папа вернётся домой?» – спросила Рейна.

Страна воевала на фронтах Второй мировой, отец Лус пошёл добровольцем в армию. Месяц назад пришла телеграмма, в которой сообщалось, что он ранен и находится в госпитале.

«Мы не знаем, будет ли он дома к Рождеству», – сказала Лус и взглянула на подругу полными слёз глазами. Лус развернулась и побежала в школу, Рейна потеряла её из виду.

В конце учебного дня Лус достала потрёпанный календарь. Она завела его, когда отец ушёл на войну, и с тех пор вычёркивала каждый прошедший день. Сегодня она поставила крестик на 22 декабря.

Домой из школы она пошла с Рейной. Мать Рейны дала Лус пучок *оши*, травы для приготовления целебного чая, который мог бы помочь Абуэло выздороветь. Ещё она передала для деда тёплый хлеб, только что из *орно* – саманной печи.

А в доме Лус мама пекла бискочитос, традиционное рождественское сахарное печенье. На кухне вкусно пахло.

Абуэло дремал в большом кресле у плиты. Кот спокойно лежал у него на коленях.

«Рада, что ты уже дома, Лус. Как дела в школе?» – спросила мать.

«Хорошо, – сказала Лус, снимая куртку. – Мы украшали рождественскую ёлку, пели «Тихую ночь»[1]. Потом мы обменялись подарками. Как Абуэло?». Она посмотрела на дедушку.

«Сегодня ему лучше», – ответила мать.

«Мама Рейны отправила немного оши», – сказала Лус.

Мать заварила целебный чай, и когда он был готов, девочка понесла чашку дедушке. Она тронула его за руку.

«Абуэло, я дома».

Дед открыл глаза. «Лус, *михита,* доченька, рад тебя видеть. Я задремал, и мне приснилось, что пастухи пришли к нашему дому. Я видел Бартоло, этого ленивого пастуха, и слышал пение Гилы. Ещё я видел Сан-Мигеля, Святого Михаила-архангела, который вёл пастухов к пещере, к яслям Христовым. А ещё узрел Дьявола, который пытался всё расстроить. Этот Дьявол хотел всех искусить, но Святой Мигель прогнал его».

«Какой прекрасный сон!» – воскликнула Лус и поцеловала деда в щёку. Она протянула ему чашку чая и села поближе. Рядом с ним она уже не грустила.

Абуэло сделал маленький глоток чая. «Ах-ах, это гораздо вкусней лекарства, которое доктор мне прописал, – сказал он. – С этим чаем я точ-

[1] «Тихая ночь» (англ. *Silent Night*) – известный христианский рождественский гимн (1818). (Прим. пер.)

но поправлюсь! Скоро наберусь сил, чтобы вырезать сосновые светильнички. Я обещал младенцу Иисусу зажечь огоньки, чтобы он помог моему сыну вернуться домой целым и невредимым. Я должен сдержать своё слово».

Лус знала, что обещание, данное младенцу Иисусу, обязательно должно быть исполнено тем, кто его дал. Это означало, что дед не принял бы чью-либо помощь в этом деле.

Когда сгустились сумерки, Лус пошла к Рейне. Отец Рейны срубил в горах небольшую сосну. Лус и Рейна украсили её бусами из попкорна и нитями разноцветной пряжи. Мать Рейны укутала ствол внизу белым шерстяным одеялком, чтобы было похоже на снег. Отец Рейны водрузил звезду из жести на верхушку ёлки.

Когда всё было сделано, они отошли в сторону полюбоваться своей работой.

«Наша первая рождественская ёлка!» – радостно воскликнула Рейна.

«Утром в Рождество всё пуэбло выйдет исполнить Танец Оленя», – сказала мать Рейны.

«А в сочельник придут пастухи», – сказала Лус.

«Твой дед всегда зажигает сосновые светильники, – улыбнулась мама Рейны. – Это так красиво в Рождество!»

«Но из-за того, что мой дедушка заболел, доктор запретил ему работать, – с грустью сказала Лус. – Он не сможет вырезать светильники из дерева. Он даже дров, чтобы растопить печь, не может нарубить».

«Что же, значит, фонариков совсем не будет?» – спросила Рейна.

Да, погрузилась в свои мысли Лус, в этом году не будет никаких огоньков…

На следующий день занятий в школе уже не было. Лус помогала маме убираться дома и готовить *маса* – тесто для тамалес. Когда они закончили, Лус села у окна поиграть с куклами.

«Что загрустила, дочка?» – спросил Абуэло.

«Потому что папы дома нет… и не будет огоньков», – ответила Лус.

«Будут! – сказал Абуэло. – Сегодня мне лучше. Я могу порубить сосну на светильники».

Он надел куртку и вышел во двор, к поленнице. Абуэло поднял топор и попытался разрубить брёвнышки, но не смог. Он был слишком слаб и снова зашёлся в кашле.

«Абуэло, возвращайся в дом!» – настаивала мать. Она не могла позволить ему оставаться на холоде.

Днём пришла Рейна, и они с Лус по старой семейной традиции соорудили на подоконнике *насимьенто* – рождественский вертеп: деревянные фигурки младенца Иисуса в колыбели, Иосифа, Марии, трёх волхвов и животных, искусно вырезанные из сосны. После этого Рейна и Лус украсили подоконник на кухне маленькими свечами.

«Мы зажжём их в сочельник, – сказала мама. – Может быть, пастухи остановятся, когда увидят их».

«Думаю, нет, – сказал Абуэло. – Если не будет светильников около дома, они не остановятся. Они будут торопиться в церковь, в тепло».

«Может, поставим свечи снаружи?», – предложила Лус.

«Точно!» – воскликнула Рейна.

«У нас много свечей, мама?»

«О, у нас их полно», – ответила мама.

«Тогда давайте поставим целый ряд свечей! – сказала Лус. – От двери до самой дороги. Свечи и будут нашими светильниками!»

Мать взглянула на Абуэло. Он отрицательно покачал головой.

«Смотрите, – сказал он, указывая на окно. – Видите тучи над горами? Похоже, надвигается буря. Ветер задует свечи. Вот почему надо делать светильники из дерева. Тогда, даже если будет сильный ветер или снег, пастухи смогут подойти и спеть у очага. Люди, которые придут посмотреть на это действо, тоже смогут согреться у огня. А свечи? Ну нет. Ветер их все разнесёт».

Он вновь покачал головой и вернулся к креслу у плиты.

«Может, поставим их в банки? – предложила Лус. – Тогда ветер их не потушит».

«Но тогда мы и огоньков не увидим», – возразила мать и вернулась к своим делам.

Весь день, после ухода Рейны, Лус раздумывала, что предпринять.

Вот если бы только было во что поставить свечи, размышляла она. Тогда бы я могла сделать цепочку из свечей и зажечь их для пастухов. Ведь вчера вечером Абуэло сказал, что она могла бы помочь ему сдержать обещание.

Перед обедом мать позвала Лус: «Пожалуйста, сбегай в магазин за сахаром. Я извела весь на бискочитос».

Лус надела пальто и перчатки и побежала вниз по дороге в бакалею. Когда она вошла в магазин, по радио передавали весьма популярную в 1940-х годах песню «Белое Рождество».

Когда продавец начал насыпать сахар в коричневый бумажный пакет, кристаллы сахара на свету сверкнули, как звёзды.

Значит, огонёк свечи можно поместить в обычный бумажный пакет, сообразила Лус. Пакет защитит свечи от ветра и не будет помехой сиянию!

А дома у неё полно пакетов, которые она складывала всё лето, чтобы сдать потом в магазин!

Сердечко Лус радостно забилось, и она помчалась домой. Дома первым делом она высыпала сахар из пакета в банку.

«Я могу поставить свечку в пакет!» – воскликнула она.

«Но его сдует ветром», – заметила мать.

«А я насыплю в пакет стакан сахара. Это поможет его удержать!» – сказала Лус. Сердце её вновь заколотилось, и она побежала к деду.

«Абуэло, мы можем поставить свечи в бумажные пакеты! Тогда их ветром не унесёт!»

«Точно! – улыбнулся он. Пакет защитит свечу, а свет сквозь бумагу будет видно! Похоже, Лус нашла способ!»

«Мы можем поставить по свече в каждый пакет, и это будут светильники!»

Она протянула деду пакет и побежала за свечой. «Смотри, вот так». Она поставила открытый пакет на стол, всыпала в него стакан сахара и вставила туда маленькую свечу.

«Теперь можно её зажечь», – сказала она с замиранием сердца.

«Но мы же не можем так весь сахар извести», – сказала мама.

«Погодите! Давайте попробуем, – сказал Абуэло. – если это сработает, то можно взять песок вместо сахара».

Он достал спичку из кармана, чиркнул её об ноготь и поднёс к свече в пакете. Свеча затрещала и ярко вспыхнула. Все трое стояли и смотрели на яркое пламя свечи. Казалось, что огонёк танцует внутри пакета.

«Похоже на маленький светильник», – произнёс Абуэло. – Ты сделала замечательный *фаролито*, настоящий фаролито! Только будет ли он гореть на улице?»

Лус бережно взяла пакет с горящей свечой и вышла в темноту. Она поставила пакет у дороги. Свеча в коричневом бумажном пакете светила в ночи и не гасла!

Лус помчалась к маме и Абуэло. Они стояли, прислонившись к косяку двери, и смотрели на фаролито, который сверкал в ночной темноте.

«О, как красиво», – воскликнула мама.

«Представь сотню таких, – сказал Абуэло, – отсюда до дороги, вдоль стены, освещающих путь пастухам».

«У меня полно пакетов», – сказала Лус.

«А у меня много свечей», – добавила мама.

«А я могу принести песка с ручья», – сказал Абуэло.

Они рассмеялись и обнялись.

«Завтра я скажу Рейне, – сказала Лус. – Она поможет нам».

В тот вечер, перед тем, как лечь спать, Лус выглянула в окно. Маленький фаролито, который она сделала, всё ещё ярко светился. Завтра вечером – рождественский сочельник. И сотни фаролитос будут гореть, освещая путь к дому. Лус помолилась, чтобы отец вернулся домой и успел разделить с ними эту радость.

На следующее утро Лус вскочила с постели ещё до рассвета. Она хотела помочь Абуэло растопить очаг.

«Ты прямо светишься от счастья, доченька», – сказал дед.

«Я и вправду счастлива! – ответила Лус. – Не могу дождаться, когда расскажу Рейне про наш секрет! А ты, Абуэло, как себя чувствуешь?»

Он улыбнулся. «Чувствую себя гораздо лучше. Думаю, что это целебный чай из оши помог. Теперь я готов заняться фаролитос».

Лус обняла его.

После завтрака Лус надела пальто и перчатки и побежала к Рейне. Она раскрыла ей секрет фаролитос, и они заспешили домой к Лус, чтобы начать их делать.

Абуэло сходил к ручью и привёз песка в тачке. Лус с Рейной раскрыли все пакеты и насыпали по горсти песка в каждый. В песок они вставили по свечке. Когда всё было готово, они расставили пакеты от двери до дороги в цепочку. Они даже водрузили пакеты на верх глинобитной стены пристройки, в которой жил Абуэло.

Несколько мальчиков из школы Лус остановились на дороге в удивлении.

«Что вы делаете с этими пакетами?» – спросил один из них.

«Собираемся ловить падающие звёзды», – ответила Лус.

«Ха! – засмеялись мальчишки. – Никто не может ловить звёзды!»

«Приходите вечером, – сказал Абуэло с хитрецой в глазах, – и увидите».

Ближе к вечеру, когда они уже установили все фаролитос, Лус, Абуэло и Рейна зашли в дом выпить горячего шоколада. Теперь им оставалось только дождаться темноты, чтобы зажечь свечи.

В сочельник жители предместья обычно навещали старших и относили им гостинцы. А ещё они ходили в гости к своим *бесинос* – соседям – индейцам в пуэбло.

Лус и Рейна стояли в ожидании у окна. Они смотрели, как заходит солнце и падают первые хлопья снега. Вскоре совсем стемнело, и мягкий снег стал похож на белые перья.

«Пора зажигать фаролитос!» – воскликнула Лус.

«Да!..» – поддержала Рейна.

Они взглянули на Абуэло. «Да, пора», – улыбнулся он.

Абуэло достал коробок спичек. Лус и Рейна осторожно двигались от пакета к пакету, зажигая свечи. Вскоре сотни огоньков ярко засветились во тьме.

Пастухи шествовали по дороге. Они остановились посмотреть на фаролитос, светящиеся в темноте.

«Вифлеемская звезда», – воскликнула пастушка Гила. Пастухи поддержали. Эти фаролитос были звёздами, указывающими путь к Вифлеему.

Вокруг поющих пастухов собрались почти все жители предместья. Лус и Рейна стояли рядом, сияя от счастья. В их глазах отражались огоньки. Абуэло стоял неподалёку – счастливый, как ребёнок.

Когда песнопения закончились, все пастухи и соседи были приглашены в дом к праздничному столу. Абуэло подал посоле, приправленный перцем чили. Мама предложила на десерт бискочитос и горячий шоколад.

«Вы всё-таки поймали падающие звёзды! – сказал Абуэло и обнял девочек. – В следующем году в каждом доме будут фаролитос».

Лус улыбалась. Все были счастливы. Дети то и дело выглядывали в окна, чтобы посмотреть на фаролитос.

Лус тоже подошла к окну. Она была рада, что помогла деду сдержать обещание, данное младенцу Иисусу.

Из окна Лус была видна автобусная остановка ниже по дороге, напротив бакалеи. Какой-то мужчина сошёл на остановке, и автобус поехал дальше. Лус всмотрелась в темноту. Мужчина с тростью шёл прихрамывая. Он остановился перед домом, чтобы посмотреть на фаролитос.

И вдруг Лус его узнала.

«Папа! Папа! – закричала она и выбежала к нему. Он откинул трость и сгрёб девочку в охапку.

«Ты дома! – воскликнула она, обнимая его. – Ты в порядке?»

«Небольшая рана, – проговорил он, – но беспокоиться не о чем. Я так рад, что я дома! Что это?» – Он показал на фаролитос.

«Мы сделали их сегодня. Абуэло не смог порезать брёвнышко на светильники, и мы сделали фаролитос».

«Они просто прекрасны!» – сказал отец.

Из дома выбежала мать и радостно обняла отца. «Какое счастье, что ты дома, целый и невредимый!» – воскликнула она.

«*Грасиас аль Санто Ниньо! Слава младенцу Иисусу*!», – произнёс Абуэло и обнял сына.

«Идите в дом, – сказала мать, – а то простудитесь».

Соседи приветствовали отца и бурно радовались его возвращению. Теперь вся семья Абуэло снова была в сборе. Каждый, выходя из дома, желал семье: «Фелис Навидад! Счастливого Рождества!». Вся процессия двинулась в церковь.

Позже, когда Лус и семья вечером возвращались из церкви, фаролитос всё ещё ярко светили. Они освещали тьму, как путеводные звёзды, указывая дорогу к дому.

«Фаролитос де Лус, – сказал Абуэло, – будут светить каждое Рождество, пока в наших сердцах живёт любовь».

ГЛОССАРИЙ

abuelo – абуэло – дедушка
biscochitos – бискочитос – традиционное рождественское сахарное печенье
farolito – фаролито – маленький фонарик
Feliz Navidad – Фелис Навидад – Счастливого Рождества!
gracias – грасиас – спасибо

horno – орно – круглая печь из саманного кирпича
luminarias – люминариас – маленькие светильники из дерева
masa – маса – тесто из кукурузной муки
mi'jita – михита – дочка (сокр. от *mi hijita*)
nacimiento – насимьенто – Рождественский вертеп
osha – оша – трава, которая используется в медицинских целях
pastores – пасторес – пастухи
posole – посоле – густой суп из кукурузы, свинины и чили
pueblo – пуэбло – маленькая деревня
que bonito – ке бонито – как мило
San Miguel – Сан-Мигель – Архангел Михаил
Santo Niño – Санто-Ниньо – младенец Иисус
tamales – тамалес – мясо с перцем чили в кукурузном тесте, завёрнутое в листья кукурузы
vecinos – бесинос – соседи

/ Источник: Rudolfo Anaya. The Farolitos of Christmas. New York: Hyperion Books, 1995. 32 p. /

Перевод с английского Татьяны Воронченко, Марии Воронченко

МЭРИ ХАНТЕР ОСТИН (1868 – 1934)

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК ВИНОГРАДНЫХ ЛОЗ

На Западе всё ещё есть места, где перепёлки кричат «*осторожно*!»; где речь спокойная, манеры благородные; во всех блюдах есть острый перец чили, а 16 сентября[1] значит больше, чем 4 июля[2]. Я имею в виду, в частности, Эль-Пуэбло-де-Лас-Увас. Где он расположен и как туда добраться – я вам, пожалуй, и не скажу; скорее, покажу гнездо цапли в Туларе. За городом виднеется остроконечная вершина, сверкающая над склонами, поросшими соснами, и чередой румяных холмов, устремляющихся к Сьеррам.

Нижняя часть городка Виноградных Лоз, который сокращённо называют Лас-Увас, занята прибрежными пастбищами. Городок окружён густыми, «сумеречными» зарослями винограда, накрыт куполом тополиных крон, навевающих дремоту и тихо шелестящих, как пчёлы в улье. Неподалёку расположены участки возделанной земли, работают водоприёмники, которые качают воду из ручья; выше по течению слышится грохот горняцкого оборудования. Там же, среди ив, начинается дикий виноградник; ви-

[1] День независимости Мексики. (Прим. пер.)
[2] День независимости США. (Прим. пер.)

ноградная лоза обвивает фруктовые деревья и шпалеры и поднимается до самых коньков крыш.

Выше Лас-Увас есть ещё один городок, также заслуживающий некоторого внимания: это место больших и извилистых огородов, где полно коноплянок, чёрных дроздов, плодовых птиц, маленьких полосатых ястребов и пересмешников, поющих ночами. Они исполняют пронзительные, нестерпимо сладкие каватины прямо над благоухающими цветами и фруктами с мускусным запахом. Пение в Лас-Увас – дело ночное, днём здесь предпочитают спать. Когда луна поднимается над стеной гор, омываемых морем, и тени, словно кружева, ложатся на утоптанные полы патио[1], тогда то тут, то там среди виноградных лоз начинают звучать гитары и доносится чьё-то пение.

В Лас-Увас соблюдают все добрые обычаи, привезённые из Старой Мексики или уже родившиеся на этой праздной земле: пить, веселиться и есть от души, иметь по девять или десять детей в семье, устраивать петушиные бои, соблюдать сиесту[2], курить сигареты и ждать прохлады после заката солнца. Здесь всегда танцуют: в сумерках на гладких глиняных полах, днём – под шпалерником, где земля влажная и благоухает фруктами. Помолвка, свадьба, крещение, или просто гитара под руку попалась – этого повода достаточно; а если особого случая нет, всё равно – бери гитару и танцуй!

Всё это требует разъяснения. Антонио Севадра, которого судьба привела сюда из Старой Мексики во время наводнения, охватившего район Таппан с первым сильным разливом, наткнулся на рудник Ла Голондрину. Там была богатая рудная жила, а Тони показал себя молодцом – для её разработки он привёз всех Севадра, даже троюродных; всех Кастро – семью жены, всех Сэйсес, Ромерос и Эсчобар – близких и дальних родственников. Так и было положено начало истории этого почтенного городка. К ним присоединились многие из испанской Калифорнии, вытесненные с Юго-Запада выходцами из восточной части страны. Но потом они обеднели, потому что упали цены на серебро, а добыча руды в Ла Голондрине сошла на нет. Бурные вихри шахтёрской жизни утихли в этом холмистом краю, но оставались те, кто был слишком ленив или беден, чтобы куда-нибудь переехать, и те, кого просто устраивала вот такая непритязательная жизнь в Эль-Пуэбло-де-Лас-Увас.

Сейчас уже никто не приезжает в городок Виноградных Лоз, кроме тех, кто лишь по нужде прибывает сюда, но и этого достаточно. В окнах то и дело мелькают головки детей. Ах! Местные гордятся тем, что рожают каждый или почти каждый год, и грудь у местных женщин всегда полна молока. Благословление на брак получить очень легко. Говорят, что, когда Рэй Гарсия пошёл за разрешением на брак, ему не хватило доллара на оп-

[1] Патио – внутренний дворик. (Прим. пер.)
[2] Сиеста – послеобеденный отдых (Прим. пер.)

лату клерку, и он занял его у шерифа, который ожидал переизбрания и таким образом проявил достойную похвалы щедрость. Закончилась мука или нет мяса? Не беда – одолжи у соседа! Это дело чести. А вот ещё, Хесус Ромеро, отец десяти детей, работал погрузчиком руды в шахтёрском посёлке Марионетт, а потом неожиданно уволился. «Спросите, почему – ради семьи!» – заявил Хесус.

«Действительно так, сеньора, – с важным видом настаивал он. – Я приезжаю в Марионетт, работаю, ем мясо, пироги, фасоль – всякую вкуснятину. Приезжаю в субботу вечером домой побыть с семьёй. Немножко играю в покер с приятелями, немножко выпиваю – и всё, деньгам конец. И мои сидят без денег и без еды. Всё то время, когда я работаю в шахте, сам я питаюсь очень-очень хорошо. И мне стало жаль жену и детей. Нет-нет, сеньора, я больше ни за что не буду работать в Марионетт, я останусь с ними». Что лично меня больше всего изумляет, так это то, что его семья полностью с ним согласна.

Около каждого дома в городке Виноградных Лоз есть свой приусадебный участок, где растут кукуруза, фасоль и много перца, краснеющего на солнце; вдоль оросительных каналов густо посажены мексиканский перечный лист, белокудренник, конская и кошачья мята, нард – великое множество целебных трав, но если нет перца, то всё это ни к чему. На праздничный обед в Лас-Увас вам приготовят суп с фрикадельками и острым перцем чили, цыплёнка с чили, рис с чили, жареную фасоль с ещё большим количеством чили, энчиладу – блинчик из кукурузной муки с чили и томатным соусом, луком, тёртым сыром и оливками, а на закуску – пассерованные маленькие жгучие перчики чили, и всё это не наносит никакого вреда желудку. Вас угостят вином, которое здесь каждый делает сам, оно довольно густое и обладает неподражаемым ароматом, а также конфетами, которые, может, и не такие вкусные, как кажется на первый взгляд.

Вы можете рассчитывать на эти яства по двум причинам: каждый год на 16 сентября и раз в два года, когда приезжает отец Шеннон. Кажется, конечно, абсурдным, что в Эль-Пуэбло-де-Лас-Увас священник – ирландец, но в Блэк-Роке, Минтоне, Джимвилле – во всей округе – так не считают. Отец Шеннон ездит по всем этим городкам, ждёт у Ред-Бьютта на исповедь пастухов, которые проходят здесь со своими стадами, несёт благую весть в маленькие шахтёрские посёлки, выезжает на похороны, свадьбы и крестины. Могилки на *Кампо-Санто*[1] выглядят превосходно, сосновые надгробья украшены, как расцветший Ааронов жезл, бумажными розами и дешёвыми яркими гравюрами с изображением Скорбящей Богоматери. Сеньора Севадра, как ей кажется, выполняет миссию Небес по привлечению к причастию маленьких грешников – Элихьяс, Лолас, Мануэлитас,

[1] Кампо-Санто – кладбище. (Прим. пер.)

Хосес и Фелипес: она истово молится и одновременно исподтишка суёт в их маленькие потные ручонки заранее принесённые конфетки. Я не раз украдкой заглядывала (не сказать, что ненавязчиво) в гостиную дома доньи Ины Севадры и видела маленьких проказников с ангельскими лицами, ползающих на коленках, свечи, зажжённые на каминной полке; всё это создавало благостную атмосферу, а перед изваянием Святого Семейства стоял большой букет полевых цветов.

В воскресенье горожане отправляются к алтарю, который располагается в здании школы, с искусно расшитыми алтарными убранствами, коваными серебряными подсвечниками и восковыми фигурами святых – главной гордостью Лас-Увас, привезёнными на муле из Старой Мексики 40 лет назад. Все в белом, прихожане, охваченные благоговейным трепетом, идут по двое, чтобы причаститься, а Томас, сын священника, тщетно пытается не лопнуть от гордости, выполняя свою миссию. А потом каждого ждёт ужин с бутылкой вина из винограда, созревшего на солнечном склоне Эскондито. Всю неделю отец Шеннон отпускает грехи людям, которые теперь с чистой совестью принимаются за угощения, и святой отец подаёт им в этом пример. Отец Шеннон – образец того, как гармонично может сочетаться свойственная ему привычка смеяться от души и тонкое умение понимать людей. Говорят, что исповедь отцу Шеннону вселяет в прихожан веру и надежду, и я согласна с этим.

Празднование 16 сентября, хотя и происходит каждый год, требует такой же тщательной подготовки, как и Святое причастие. Каждая сеньорита облачается в новое платье, сеньора – накидывает новую шаль. У молодых джентльменов – новые серебряные украшения на сомбреро, невероятные галстуки, шёлковые платки и новые кожаные штаны, длинные, до шпор. Именно в это время, когда перцы наливаются в садах, а маленькие перепёлки кричат *cuidado*, «осторожно!», из укромных уголков садов можно услышать *«плюх! плюх!»* кукурузной дробилки – это почтенные старые дамы, чьё мастерство уже стало искусством, измельчают кукурузу для тамалес.

Школьные учителя из-за рубежа всё пытались установить в Лас-Увас начало учебного года с 1 сентября, но до 16 числа ничего не волновало маленьких Кастро, Гарсиас и Ромерос, кроме праздников и петушиных боёв. Возможно, надо уточнить, что это годовщина Республики, когда была провозглашена свобода в провинциях Старой Мексики. В полночь вас разбудят крики на улицах: *«Да здравствует Свобода!»,* а из домов и зарослей виноградных лоз прозвучит в ответ: *«Да здравствует Мексика!»* На рассвете раздадутся выстрелы в память о трагической гибели несчастного Максимилиана[1], а затем будет исполнен благороднейший из национальных гимнов, и огромный флаг Старой Мексики взовьётся на маленькой цен-

[1] Максимилиан I – последний монарх Мексики, расстрелянный в 1867 году по решению военного суда генерала Хуареса. (Прим. пер.)

тральной площади неказистого Лас-Увас. Восходящее над Сосновой горой солнце озарит орла Монтесумы на полотнище, виноградники и городок; праздник начнётся с ликующих возгласов жителей. Вскоре будут зачитаны Декларация независимости и официальное поздравление, чтение то и дело будут прерывать выкрики *«Viva! Ура!»*. Горожане облачатся в свои лучшие наряды, а искусные наездники покажут трюки на взмыленных лошадях и продемонстрируют окровавленные шпоры; и, конечно же, состоятся петушиные бои.

Вечером будут танцы – а какая музыка! – старый Сантос с флейтой, невысокий и худой молодой Гарсия, честный малый, чья гитара, кажется, имеет душу, и Карраско со скрипкой. Они сидят на высоком помосте в окружении свечей, за их спинами – красно-бело-зелёный флаг Старой Мексики, и пламенно исполняют такую музыку, которую вы нигде больше не услышите.

В полночь флаг должен быть опущен. Считайте, что вам не повезло, если вы не были тому свидетелем. Только представьте: вдалеке возвышается величественная Сосновая гора, на холмах поближе мелькают пастушьи огни. На площади в полночной темноте уже не различить флагшток и толпу нарядных горожан – и тут взрывается ослепительный фейерверк. Огненно-красные всполохи взвиваются к флагу с изображением орла и затухают в вышине; музыка начинает звучать тихо, фоном. Музыканты играют лирические мелодии, исполненные грусти по прошлому и тоски изгнанников родины. Флаг медленно опускается в темноте, раздуваясь в полночном воздухе. Люди со слезами на глазах поют мексиканский гимн. Флаг опущен; Тони Севадра берёт его в руки. Затем звучит варварская помпезная мелодия, и медленное восхождение начинает другой флаг – через пару мгновений звёздно-полосатый флаг и мелодия «Знамя, усыпанное звёздами»[1] одновременно с выпущенным залпом возвращают всех в реальность «американской» Калифорнии. Любой юноша, в котором течёт кровь патриотов, старается подержаться за мексиканский флаг Тони Севадры, и счастлив, если ему достаётся уголок флага. Раздаётся музыка, люди встают по парам и поют. Они поют всё: «Америку», Марсельезу – для французских пастухов, живущих здесь, гимн Кубы, а также гимн Чили для двух местных семей. Флаг, подсвечники и алтарные убранства уносит донья Ина, и весь Лас-Увас ест тамалес и танцует до восхода солнца над Сосновой горой.

Не думайте, что в городке Виноградных Лоз не празднуют 4 июля, Президентский день или День благодарения. Это прекрасные поводы для того, чтобы отставить работу и потанцевать, но 16 сентября – это святое, праздник сердца. В День поминовения на местах упокоения появляются венки и новые изображения святых, прикреплённые к надгробиям. Великая

[1] Государственный гимн США. (Прим. пер.)

добродетель заключается в том, чтобы произносить «Аве!» в Обители Святых. Мне нравится название, которое испаноязычные люди дали кладбищу – *Кампо-Санто*, как будто бы может существовать некое чудотворное ложе, с которого слепые души и грешники восстают исцелёнными, восхваляя Бога. Иногда речь простых людей наводит на истину, которая недоступна рациональному пониманию. Я убеждена, что только возвышенная душа может постичь добродетель истинной веры. Род человеческий – поэты и символисты. Мы плодим среди асфальта людей, чьи убеждения, главным образом, направлены на осуждение образа жизни себе подобных, а под одной крышей располагаются и кухни, и отхожие места, и здесь же происходит почитание Бога. Они идут в церковь, чтобы получить наставление, но в Лас-Увас люди идут туда для подлинного поклонения Господу. Закономерным считается, что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный, нисходящий от Бога – это щедрость и великодушие. Это совсем не то, чтобы молиться перед приёмом пищи, пожалев денег на свечу за упокой души погибшего ребёнка соседа, полагая, что ребёнку это никак не поможет.

В Лас-Увас каждый дом как маленькая часть большой земли – толстые побеленные стены из саманного кирпича поддерживают комфортную температуру; каждый мужчина – опытный всадник и, следовательно, кривоногий; в каждой семье есть собаки, искусанные блохами дворняги, развалившиеся на земляных полах. Люди говорят на более чистом испанском кастильском наречии по сравнению с деревнями Мексики, но человеческие отношения и там, и там более или менее похожи. Здесь почти нет преступности. Зачем воровать или убивать, когда у всех одинаково мало денег и брать нечего! Если они любят, то так сильно, что, как говорится, «вкушают пищу до молитвы» и заткнут за пояс любого. А что! Разве человек обязан быть святым до смерти? Кроме того, Святая церковь так или иначе отнимет у вас всё, прежде чем наступит конец. Приезжайте-ка вы, пыжащиеся понапрасну, ничего не получающие в жизни задаром, а только потом и кровью, отправляйтесь скорее по бурым долинам и волнистым холмам в размеренную жизнь, доброту, простоту и лёгкость Эль-Пуэбло-де-Лас-Увас!

/ Из книги Mary Austin. The Land of Little Rain. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1903. pp. 265-281. /

Перевод с английского Екатерины Фёдоровой

ЕРМАКОВА ЮЛИЯ

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Художественный перевод является одним из самых важных видов письменного перевода, так как он позволяет людям из разных стран ознакомиться с зарубежными литературными произведениями, с культурой других стран.

Согласно жанрово-стилистической классификации переводов выделяется два основных типа перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (специальный) перевод. Художественный перевод – это перевод литературного произведения с языка-источника, при котором создается новое речевое произведение на языке перевода, оказывающее художественно-эстетическое воздействие на читателя. Стоит отметить, что при таком виде перевода не всегда может соблюдаться смысловая точность, в силу того, что итоговый текст должен сохранять литературный, художественный стиль [5, с. 97].

Художественный перевод основывается на оригинальном тексте, но, несмотря на это, в переводе будет присутствовать переводческая оригинальность [7, с. 63]. Степень эквивалентности текста оригинала и текста перевода зависят от многих факторов, но переводчик должен сохранить содержательную, культурную, эмоционально-эстетическую и эстетическую ценность исходного текста [3, с. 176].

Соответственно, каждый переводчик должен руководствоваться нормативными требованиями к переводу, к которым относится жанрово-стилистическая норма перевода, норма текста перевода – соблюдение правил и норм языка с учётом особенностей текста оригинала; прагматическая норма – передача основного смысла и норма эквивалентности – общность содержания оригинала и перевода, которая не всегда является неизменной [5, с. 122].

Перевод художественного текста – поэтического или прозаического – один из видов письменного перевода, который включает в себя несколько этапов: восприятие, воспроизведение и контроль готового текста.

Существуют алгоритмы предпереводческого анализа, разработанные отечественными и зарубежными учёными. И. С. Алексеева предлагает следующий алгоритм предпереводческого анализа художественного текста:

1. Сбор внешних данных о тексте: автор текста, время его создания, из какого глобального источника взят текст.

2. Определение источника и реципиента, т.е. переводчик должен понимать, кем и для кого был создан текст.

3. Состав информации и её плотность. Переводчику необходимо определить тип информации, заложенный в тексте, это поможет ему понять, какое языковое оформление требует текст перевода. Выделяется: когнитивная информация (сообщение фактов или данных о внешнем мире), оперативная информация (форма глаголов и т.п.), эмоциональная информация (сообщение о чувствах повествующего), эстетическая информация (ощущение прекрасного после прочтения текста).

4. Коммуникативное задание – определить коммуникативную задачу текста.

5. Определение речевого жанра текста оригинала [1, с. 148].

М. П. Брандес и В. И. Провоторов рассматривают текст не только как источник информации, который предстоит перевести, но и как текст с точки зрения функционального содержания, то есть переводчик должен сосредоточиться на речевом жанре и стиле текста оригинала. В соответствии с данной концепцией учёные выделяют следующий алгоритм анализа текста:

1. Цель текста.
2. Намерение автора.
3. Художественные качества текста.
4. Характер читателя. [2, с. 17]

К. Норд выдвигает собственный алгоритм предпереводческого анализа, где она разделяет его на две категории:

1) экстралингвистические факторы – автор текста, интенция автора текста, реципиент текста, способ передачи сообщения, место создания текста, время создания текста, повод создания текста, коммуникативная цель текста.

2) внутритекстовые факторы – тема текста, содержание текста, структура текста, невербальные элементы текста и их отношение с вербальными, синтаксические особенности текста – лексический состав текста, тональность текста, прагматическое воздействие текста. [8, с. 17]

На основании вышеизложенного мы можем вывести собственный алгоритм, который будет сосредоточен на предпереводческом анализе поэтического текста.

1. Библиографическая и историческая справка должна включать в себя сведения об авторе и тексте (из какого сборника, книги он взят), время создания произведения, изучение исторических событий или история создания стихотворного произведения, выбор стиля речи. Определение источника и реципиента, т.е. кем и для кого создан текст.

2. Состав информации. Поэтический текст является художественным, следовательно, он является коммуникативной единицей, которая обладает смоделированной коммуникативной ситуацией, а также эстетическим феноменом [6, с. 40].

3. Коммуникативная задача и её определение важно, потому что от этого будет зависеть посыл произведения, созданного переводчиком, иначе произведение может быть переведено неправильно.

4. Выбор средств художественной выразительности – переводчик должен проанализировать лексику и реалии, используемые в тексте оригинала.

Таким образом, предпереводческий анализ поэтического текста включает в себя анализ экстралингвистических и лингвистических факторов.

Итак, проанализируем стихотворение китайского поэта Лю Дабая « 是谁把心里相思，**种成**红豆？».

Лю Дабай (刘大白, 1880-1932 гг.) – китайский поэт, родился в деревне Таоюань (провинция Чжэцзян) [9]. Участвовал в «движении 4 мая» (общественно-политическое движение радикальной молодежи, которые осуществляли литературную революцию. Темы стихотворений Лю Дабая менялись: изначально это были переживания за нищую деревню, позже сменились прославлением революции. Стихотворение «是谁把心里相思，**种成**红豆？» было создано в период с 1921 по 1922 гг. В это время Лю Дабай написал множество стихотворений в «новом стиле» («新诗» – новая поэзия, поэзия движения 4 мая), которые и сделали его популярным.

Текст оригинала написан на разговорном китайском языке, круг его читателей стал намного шире.

Данный текст является лирическим произведением, соответственно, несёт в себе эстетическую и эмоциональную информацию. В стихотворении встречаются реалии, например: «красная фасоль», в Китае – символ верной любви, преодолевающей расстояния. Поэтому при переводе данного стихотворения переводчик оставляет данную реалию с целью сохранения изначального смысла. В тексте оригинала автор сравнивает луну с крючком, соответственно, переводчик сохраняет данный эпитет в тексте перевода.

«是谁把心里相思，**种成**红豆？»

是谁把心里相思，
种成红豆？
待我来碾豆成尘，

看还有相思没有？
是谁把空中明月，
　　捻得如钩？
待我来抟钩作镜，
看永久团圆能否？

Лю Дабай （1880 – 1932）

Чьё сердце скучает в разлуке?

Разлука заставляет сердце обратиться
　　В черствеющую красную фасоль?
И тучей ожидание клубится,
Чтобы насыпать мне на раны тоски соль?
Крючок луны за мною наблюдает,
　Чей лик застыл во взоре том?
Моя тоска меня в нём отражает
И вопрошает: «Где же счастье? Что потом?»

Перевод Юлии Ермаковой

Итак, перевод поэтических произведений – один из самых сложных типов перевода, так как к переводчику предъявляются очень высокие требования для достижения адекватности текста перевода. На основе выведенного алгоритма был осуществлен анализ стихотворения китайского поэта Лю Дабая «是谁把心里相思，种成红豆？». В работе было доказано, что данный алгоритм может быть использован для предпереводческого анализа поэтического текста.

Литература:

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001. – 224 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. М.: Изд-во ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006 – [т. 3.] Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др., 2008. – 855 с.

5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Нургалиева А. Ф. Восприятие поэтического текста поэтом (М. И. Цветаевой) / А. Ф. Нургалиева // Текст. Книга. Книгоиздание: научно-практический журнал. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. – № 2 (9). – 39-43 с.
7. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Гиви Гачечиладзе – 2-е изд. – М.: Сов. писатель, 1980. – 255 с.
8. Nord C. Text Analysis in Translation: theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / C. Nord. – Amsterdam: Rodopy, 2005 – 274 p.
9.百度百科 [Электронный ресурс] – URL: https://baike.baidu.com/item/%E5%88%98%E5%A4%A7%E7%99%BD/1421806?fr=aladdin

ВАДИМ КОКОРИН

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ КНР

Во всех языках неологизмы являются отражением определённого этапа развития общества. Их появление связано с потребностью социума в языковом обозначении новых предметов, явлений и концепций. Стремительные изменения в обществе приводит к появлению новых языковых единиц, а это делает систему того или иного языка намного богаче и разнообразнее. Новое всегда возникает в результате углубленного осмысления (переосмысления) действительности, открытия неизвестных ранее свойств и признаков познаваемых объектов. Поэтому особую значимость приобретает проблема выявления нового знания, свойственного неологизмам, специфики объективируемой в них информации [1, с. 401].

Сфера функционирования средств массовой информации оказывается наиболее подходящей основой для употребления неологизмов. В транслируемые современными СМИ тексты включаются все присутствующие в сознании продуцента и реципиента компоненты (факторы), способные повлиять на порождение и восприятие речи. В двуязычной коммуникации с переводом в общественно-политической сфере к ним прибавляются, как объективные факторы, связанные с преодолением языкового и этнического разделения, так и субъективные факторы, связанные с личностными характеристиками переводчика.

Если в одноязычной коммуникации важными оказываются личностные и социальные характеристики слушающего и говорящего, то при двуязычной коммуникации с переводом мы имеем на одного слушающего и

говорящего (читающего и пишущего) больше, то есть количество факторов, способных влиять на порождение и восприятие речи кратно возрастает. Успешность переводческого процесса в этом случае во многом зависит от компетентности переводчика, от его способности ориентироваться в политических процессах, происходящих в стране носителя языка, и еще в большей степени в его переводческом умении понимать и расшифровывать смыслы, порождаемые контекстом общественно-политической ситуации и отражающие национальную специфику семантики неологизмов.

Решению переводческих трудностей способствует понимание тех особенностей, которые оказываются значимыми при оценке эффективности употребления данных речевых единиц, являющихся непременным атрибутом текстов китайских СМИ. Современный китайский язык изобилует единицами такого порядка, на известность и актуальность которых не влияет даже их окказиональный характер.

Изначально китайские политические неологизмы возникают в определенной, характерной для той или иной сферы общественно-политической жизни, ситуации, как некий способ подчёркивания смысла конкретным автором, или специфическая номинация той или иной реалии, общественного явления, объективируемая для данного контекста. Однако их выразительность и лаконизм оказываются настолько яркими, что закреплённое в семантике данных единиц значение становится актуальным и в других сферах общественно-политической среды. Например, выражение 放水养鱼 fàngshuǐ yǎngyú (досл.: «пустить воду и выращивать рыбу») первоначально имело следующий смысл: «создание благоприятных условий для дальнейшего получения выгоды» и относилось к налоговой политике, точнее говоря, к методам совершенствования налоговой системы государства – реализации мер по снижению налоговой нагрузки на предприятия и созданию более комфортной среды для их развития. Однако с течением времени данный неологизм стал применяться и в отношении мероприятий, реализуемых и в других сферах общественно-политической жизни [2, с. 403].

Как известно, любая лексическая единица, за исключением специальной терминологии, наделена определённой семантикой и может использоваться как в прямом, так и в переносном значении, Неологизм, употребляемый в общественно-политической сфере, чаще всего имеет именно переносное значение, следовательно, актуальными становятся его добавочные стилистические аспекты, и в большинстве случаев стилистическая коннотация несёт большую нагрузку, чем основное значение неологизма. Например, выражение 大水漫灌 dàshuǐ mànguàn (досл.: «полные воды, орошение наводнением») использовалось в описание метода контроля и помощи со стороны китайского правительства, который заключался в том, чтобы осуществлять контроль, поддержку точечно и целенаправленно, преимущественно в тех областях, где это на самом деле необходимо, а не

повсеместно [2, с. 403]. В данном случае, при переводе правильно обращаться к репрезентации коннотативного значения (добавочного стилистического оттенка).

Зачастую семантическое поле неологизма имеет множество значений, тот или иной неологизм, использованный политиком в отношении конкретного явления, в общеупотребительном смысле может иметь совершенно другое значение. Неверное определение значения неологизма может привести к переводческой ошибке. Например, понятное в своем общеупотребительном значении выражение 双随机，一公开 shuāng suíjī, yī gōngkāi (досл. «две случайности, одна публичность») имеет непосредственное отношение к процессу надзорных проверок, при котором случайным образом выбираются, во-первых, объекты надзора и, во-вторых, инспекторы для проведения проверок (две случайности), а результаты проведённых инспекций должны одномоментно быть предоставлены для широкой общественности (одна публичность) [2, с. 403]. Функционирование данного неологизма применимо во всех контекстах, где будут выполняться два этих условия – случайный выбор двух объектов/субъектов и единичный факт презентации результата.

Как известно, для Китая характерно наличие множества специфических реалий, общественных явлений, понимание которых требует владения обширными и глубокими фоновыми знаниями. Самобытность и уникальность функционирующих в политическом дискурсе специфических лексических единиц, номинирующих такие реалии, безусловно, требует более тщательного переводческого анализа. Так, бесспорной национальной спецификой обладает следующее, активно функционирующее в политической сфере, выражение: 打虎拍蝇 dǎhǔ pāiyíng (досл. «убить тигра, прихлопнуть муху»), которое в политическом контексте означает борьбу с коррупцией на всех уровнях власти, вне зависимости от ранга чиновников будь то высокопоставленный чиновник (образ тигра), либо рядовой служащий (образ мухи). Это выражение отражает принципиальную позицию и политические меры партии, предпринимаемые в отношении наказания коррупционеров. Образный компонент этого выражения продемонстрирован с помощью противопоставления обладающего культурной значимостью образа тигра и образа мухи, не имеющего каких-либо специфических коннотаций.

Очень часто в текстах СМИ можно увидеть лексические единицы, в основе коннотативного значения которых лежит метафора, например, выражение: 硬着陆 yìng zhuólù – жёсткая посадка. Данный неологизм, употребляемый в текстах СМИ экономической тематики, связанный не с «твёрдым приземлением», а с вынужденным принятием мер при возникновении чрезвычайных экономических ситуаций. Семантика неологизма основана на метафорическом соотнесении траектории полёта совершающего вынужденную посадку летательного аппарата и кривой экономического

роста, изображающей резкий спад, в том числе и до чрезвычайно низких отметок [2, с. 403]. Такой метафорический перенос аккумулирует наиболее эффективное употребление неологизма.

Рассмотренные примеры позволяют говорить о следующих особенностях, возникающих и закрепляющих частотность функционирования в текстах китайских СМИ неологизмах, составляющих определённые трудности для перевода: окказиональный характер и зависимость от конкретной ситуации (контекста, сферы деятельности); коннотативное значение, включающее определённые экспрессивно-оценочные компоненты значения, основанные на использовании в неологизмах образов и метафор, в том числе и обладающих яркой национальной спецификой; а также многозначность, определяемая как универсальностью функционирования, так и актуализацией принадлежности к какой-либо специальной отрасли политической сферы или отдельного направления политических мероприятий.

Литература:

1. Касьянова Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: диссертация доктора филологических наук / Л. Ю. Касьянова. – Астрахань, 2009. – 401 с.

2. 热词新语翻译谭。六/陈德彰编著。-北京：中译出版社，2018。-403 页。

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

ПЁТР ЧЕКАЛОВ

ПЕРЕВОДЫ РАННЕЙ ЛИРИКИ КЕРИМА МХЦЕ: ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

За свой недолгий век абазинская литература (письменность обретена в 1932 г.) выдвинула несколько значительных авторов, среди которых можно назвать имена Бемурзы Тхайцухова, Кали Джегутанова, Микаэля Чикатуева. И всё же наиболее сильно и ярко литературный талант воплотился в творческой личности Керима Мхце, который в современной национальной критике осмысливается как человек, вознёсший абазинскую поэтическую культуру на мировые вершины [5: 218].

Он учился на втором курсе Литературного института, когда с помощью руководителя семинара А.А. Михайлова московское издательство «Современник» предложило ему издать сборник переводных стихотворений. Не приходится говорить о том, что молодой поэт воспринял такое известие с большой радостью. Но, когда уже готовую книгу передали автору для утверждения в печать, он своих стихотворений не узнал и отказался выпускать их под своим именем. Дело осложнялось тем, что по договору издательство успело выплатить переводчику аванс, но Керим остался непреклонен: он уже тогда понимал, что в поэзии не может быть никаких компромиссов. В этом эпизоде явственно проявился характер поэта, его принципиальное отношение к творчеству. Но – ирония судьбы! – за всю последующую жизнь ему так ни разу и не удалось вывести в свет книгу на русском языке.

Идея необходимости перевода творческого наследия К. Мхце возникла давно, но всегда натыкалась на непреодолимые проблемы финансового порядка. После создания международного объединения «Алашара», содействующего сохранению абазино-абхазского этноса, развитию его национальной культуры, эта мысль снова была озвучена на форуме абазинской интеллигенции в октябре 2012 года, нашла понимание и поддержку. Уже к весне 2013 г. были готовы подстрочники более 200 стихотворений. Затем в течение года шли поиски и переговоры с переводчиками, завершившиеся договоренностью с Андреем Галамагой, двукратным лауреатом международного фестиваля «Пушкин в Британии». На протяжении двух лет он кропотливо работал над переложением произведений абазинского автора и

летом 2016 г. завершил работу над переводным сборником К. Мхце с символическим названием «Возвращаюсь», вышедшим из печати в самом конце 2018 года [2].

Руководителем проекта стал П. К. Чекалов, доктор филологических наук, профессор, исследователь абазинской литературы. Им были отобраны произведения для перевода, подготовлены подстрочники, проведены переговоры с переводчиками. Он же выступил в качестве эксперта и редактора переводных произведений, а затем уже – составителя сборника и автора вступительной статьи к нему.

С самого начала с переводчиком были обговорены и утверждены объём переводного материала, сроки выполнения, оплата труда, подготовлен и подписан договор, где нашли отражение все существенные моменты взаимодействия. Так как изначально проекту придавалось общенациональное значение, в разделе «Права заказчика» были введены два принципиальных пункта:

«4.1.1. Требовать качественного перевода произведения без изменения его смыслового содержания в установленные договором сроки.

4.1.2. Требовать устранения выявленных недостатков, ошибок или необходимости внесения изменений или дополнений в создаваемое Произведение» [1].

К чести переводчика нужно отметить, что он принял эти условия безоговорочно, как само собой разумеющиеся. Также он установил за правило сбережение не только содержания произведения, но и его формы. По этому поводу в письме от 20 марта 2014 г. Галамага высказался так: «Сохранить ритмику оригинала везде, где возможно (не в ущерб смыслу, авторской интонации и пр.), – это своего рода вызов. И ценящий себя переводчик, конечно, должен принимать такой вызов, что я всегда и делал» [3]. Единственное условие, выставленное со стороны переводчика, было сформулировано таким образом: «Я бы хотел оставить за собой право не следовать слепо предлагаемым исправлениям, а самому продумать и исправить стихи, которые <…> нуждаются в доработке» [3]. И оно тоже было принято нами как естественное право творческого лица.

Работа обрела такую форму взаимодействия: по мере готовности переводные произведения небольшими блоками пересылались эксперту, он изучал, соотносил их с оригиналом, давал оценку, делал замечания, указывал на недостатки, высказывал пожелания. Как все это происходило на самом деле? Нам представляется, что подобный материал имеет определенное научное и практическое значение, вследствие чего остановимся на вопросе подробнее, избрав в качестве предмета исследования переложения ранней лирики абазинского поэта.

Некоторые произведения удались переводчику сразу. Так, отлично выполненными были сочтены стихотворения «Годы снегом заносят...», «Как Шабат ездил в Карачаевск», «Когда проснутся белые акации», «Мла-

денец спит», «Когда мир под солнцем раскалялся»… В подтверждение приведем подстрочник и переводной текст одного из названных стихотворений:

Подстрочник	**Перевод**
В деревянной люльке спит ребенок. Не кричите, не разговаривайте, пусть он спит. Как песня матери, пусть будет сладок сон его до утра. Спит старик, роняя слезы градом. Успокойтесь, не пугайте, прошу вас, нежную песню матери, витающую над его изголовьем до утра.	Младенец спит. Пусть спит спокойно он; Пусть до рассвета сладок будет сон, Как песня матери над колыбелью. Старик уснувший плачет в тишине И слышит песню матери во сне, Витающую над его постелью. [Мхце 2018: 37].

5-стопный ямб с наращением в 3-й и 6-й строках:
◡–◡–◡–◡–◡–
◡–◡–◡–◡–◡–
◡–◡–◡–◡–◡–◡
Рифмуются 1-я и 2-я, 3-я и 6-я, 4-я и 5-я строки.

Уровень переводного текста представляется довольно высоким, смысл стихотворения не претерпел какого-либо принципиального искажения, переложение выполнено в том же размере 5-стопного ямба, что и оригинал (сохранено даже наращение слога в 3-й и 6-й строках), учтены также 3-стишная строфика и способ рифмовки: ААБ ВВБ. Такие переводы, естественно, вызывают радостное восхищение, преклонение перед талантом переводчика.

Другая часть стихотворений тоже была признана хорошо сработанной, но к ним предъявлялись незначительные, легко устранимые замечания. К ним относятся, например: «Судьбе», «Я мысленно просил тебя», «В каком краю не знаю…», «Лучи», «Однажды ночью», «Сердце грустью наполняя мне», «Синьорина» и другие. В качестве иллюстрации снова представим подстрочник и первый вариант перевода стихотворения «Песня», созданного Керимом ещё в школьные годы:

Подстрочник	**Перевод**
Отчаянно торопится облако, плывет к другому облаку. Где-то вдали девушки поют свои нежные песни. Также, как вольные облака, с сердцем, не умещающимся в груди, вечером торопливо иду к тебе.	Облако за облаком в вышине плывёт. Где-то песню нежную девушка поёт. Небеса закатные тонут в серебре; вслед за вольным облаком я спешу к тебе.

Время уносится неудержимо,
не зная остановок.
Где-то вдали девушки
поют свои нежные песни.
Даже если пройдут столетия,
все также будут плыть облака.
Точно так же, как шел я к тебе,
будет юноша идти к любимой.
Я ему не завидую, пусть себе идет. –
Ты ожидаешь меня сегодня!
Где-то вдали девушки
поют свои нежные песни.

Не жалей о времени,
пусть хоть век пройдёт.
Где-то песню нежную
девушка поёт.
Будет рваться к облаку
сердце из груди;
будет робкий юноша
к суженой идти.
И меня желанная
тоже нынче ждёт!
Где-то песню нежную
девушка поёт.

[Мхце 2018: 25].

3-стопный хорей, усечённый в чётных строках:
–◡–◡–◡
–◡–◡–
Рифмуются только 2-я и 4-я строки в строфах, 1-я и 3-я – холостые.

Переводное стихотворение льётся естественно, как бы самотёком переливаясь из одной строфы в другую. И никакой беды в том, что множественное «девушки поют» превратилось в единственное: «девушка поёт». Это представляется не принципиальным, так стиху даже придаётся некая адресность: героиня исполняет песню как бы специально для юноши, призывая его. Но есть здесь один сюжетно-психологический нюанс, на который стоило обратить внимание.

Первые две строчки («Облако за облаком в вышине плывёт») – законченная пейзажная зарисовка: ничего не добавить, не убавить. Это если смотреть с позиции самостоятельного лирического произведения. В оригинале облако не просто плывёт, оно *отчаянно торопится к другому облаку*. Почему это важно? Потому, с одной стороны, что облака не просто пейзажный фон, но ещё и психологический: это живые, любящие существа; а с другой, – уже во второй строфе они дополняют и углубляют образ лирического героя, спешащего к любимой. Относительно него не используется эпитет «отчаянно», но на него уже накладывается образ первого облака, чему способствует сравнение: «*Так же, как вольные облака,* с сердцем, не умещающимся в груди, вечером торопливо иду к тебе». Таким образом, в первой строфе оригинала облакам передается эмоциональное состояние самого лирического героя. Небезынтересный приём для национального школьника! И образ раздувшегося от счастья сердца подчёркивает, с какой радостью он несётся к любимой.

Эти соображения были высказаны переводчику, и он откорректировал начальные строки: «Облако отчаянно к облаку плывёт…»

Большинство переводных стихотворений потребовало, конечно же,

более серьёзной доработки. Обратимся к стихотворению «Материнский порог»:

Подстрочник	**Перевод**
Жёлтые листья прикрыли порог, Матери моей порог, изжаждавшийся по моему возвращению. Не удалось не задеть моего сердца Падающей печальной звезде. Золотые листья звёздами усыпали Опечалившийся порог моей матери. Задрожала где-то, где-то далеко, Родной моей матери слеза, осветившей ночь. Звезды падают желтыми листьями Матери моей на порог, погрузившийся в мысли… Моей юности, юности след – поэзия. Скажи, сколько ещё земель, на которых я не оставил следа? Падают снежинки бесшумно матери моей на порог, Изжаждавшийся по моему возвращению… Ты ожидаешь, ожидаешь, ожидаешь меня, порог. Откуда знать тебе, что случилось со мной в пути?	Жёлтою листвою застелило Дома материнского порог. Сердце беспокойное заныло, Вглядываясь в темноту дорог. Звёздной пеленой порог укрыло Так, что различить его нельзя. Но внезапно небо озарила Матери прозрачная слеза. А родной порог неслышно дышит, Погружённый в мысли, как живой. Кто мои следы по свету сыщет? Сколько их оставлю за собой? Спит порог, укрытый снегом чистым И сквозь мглу к себе меня зовёт, Не гадая, что со мной случится, Что в пути со мной произойдёт. [Мхце 2018: 20].

5-стопный хорей с усечённой чётной строкой:
–◡–◡–◡–◡–◡
–◡–◡–◡–◡–
Рифмовка – перекрёстная.

В целом перевод выполнен неплохо: основная мысль стихотворения схвачена и выражена тем же 5-стопным хореем с перекрёстной рифмовкой.

Обратим внимание: во второй части первой строфы появились две строчки, отсутствующие в оригинале: «Сердце беспокойное заныло, Вглядываясь в темноту дорог». Но они написаны в духе Керима и вписываются в контекст стиха. Возможно, это получилось случайно, возможно, переводчик по подстрочнику уловил общий психологический портрет и строй чувств лирического героя, но так или иначе строки эти не выпирают, не вызывают принципиального возражения. Другое дело, что из перевода исчезли некоторые значимые для подлинника образы: *порога, изжаждавшегося возвращения лирического героя,* и *грустной звезды, задевшей сердце героя при падении*. Эти элементы представляются самоценными, вследствие чего и требовали своего сохранения. Но здесь выступает и другая не-

маловажная причина: стихотворение написано автором ещё в школьные годы, и подобные строки свидетельствуют о том, что изначально он мыслил органическими поэтическими образами. Можно согласиться, что образ падающей и задевающей при этом сердце героя звезды, – большая находка, достойная пера опытного поэта. Переводчику было рекомендовано переработать первую строфу, если же выпавшие образы невозможно уместить в ней, ввести дополнительную строфу. Он остановился на последнем предложении, и в окончательный вариант вошла добавочная строфа:

Листья с неба сыплются несмело,
Как осенний звездопад в ночи;
И печальная звезда задела
Сердце, что в груди моей стучит.

К сожалению, образ звезды, касающейся сердца героя оказался не столь выразительным, как в подлиннике, а мотив изжаждавшегося порога, дважды повторяющийся в оригинале, так и остался не воплощённым. Не были приняты во внимание и другие замечания. Так, например, переводчику указывалось на то, что строка «Звездной пеленой порог укрыло» не совсем отчетлива, мало представима, но она не претерпела изменений. Вторая строфа оригинала открывается строкой: «Золотые листья звёздами усыпали опечалившийся порог…», и она своеобразно перекликается с началом третьей строфы: «Звёзды падают жёлтыми листьями матери моей на порог…» В первом случае листья соотносятся со звёздами, а во втором уже звёзды – с листьями. Сохранение этой композиционной переклички, усиливающей лирическое звучание, тоже было желательно, но и оно не реализовалось. Приходилось мириться с тем, что при переводе с одного языка на другой не всё и не всегда можно передать абсолютно адекватно.

Отдельного внимания заслуживает стихотворение «Зухра», название которого имеет авторское пояснение: «На Востоке так называют Венеру»:

Подстрочник	**Перевод**
Я спросил у светлой Зухры Ещё задолго до рассвета: – Отчего ты избрала небесный простор? Ведь говорят, ты была прекрасной девушкой? Сверкая серебряными волосами, Встаёт она над моей тропой, Говорит, что любимый обманул её, И она вознеслась в синеву. Утром я наблюдал издали, Как медленно угасала Зухра. Не оглядываясь, шёл я в одну сторону, А ты ждала меня в другой.	– Зухра, скажи мне, отчего ты Простор небесный избрала? Ты в незапамятные годы Прекрасной девушкой была. Зухра мне отвечала с неба, Сверкая серебром волос: – Давно меня любимый предал, И ветер ввысь меня унёс. Светало. Я глядел, как гасла В зените светлая Зухра. Теперь не жди меня напрасно, Мне снова в дальний путь пора.

И сердце наполнялось тайной грустью, – Всё казалось, что благодаря мне вечерней порой Загорится высоко над нами, Ещё сегодня являющаяся девушкой звезда.	И пусть мне сердце наполняет Печаль, но я иду за той, Что вечно надо мной сияет Своей нетленной красотой. [Мхце 2018: 35].

4-стопный ямб с 1-м наращённым слогом в нечётных строках:
◡–◡–◡–◡–◡
◡–◡–◡–◡–
Рифмовка – перекрёстная.

Если судить о переводном тексте как самостоятельном стихотворении, оно представляется вполне самодостаточным, в финале которого Зухра становится путеводной звездой лирического героя, следованию которой он и посвящает свою дальнейшую жизнь. Достойная концовка для лирического произведения. Если же иметь в виду, что оно переводное, то вызывает сожаление отход от фабулы оригинала. Воспроизводя в первой части стихотворения одновременно прекрасную и печальную легенду, автор во второй половине переводит действие в настоящее время, где уже современная земная женщина вследствие измены вынуждена перевоплотиться в звезду. Роковая вина осознается героем («сердце наполнялось тайной грустью»), но изменить наметившийся горестный сюжет он не может. Таким образом, завязывается двойной трагический узел, а в переводе разыгрывающаяся на глазах читателя драма подменена шествием героя за своей звездой.

Мхце – большой поэт, у него свой поэтический мир, стиль, поэтика, но в данном переводе он предстает не совсем адекватным самому себе. Возвращение произведению его сюжетного русла, авторского финала представлялось принципиальным и по той причине, что здесь нашла образное отражение жизненная ситуация, в которой оказался сам поэт. Все эти нюансы были объяснены переводчику, но он не сумел переработать отлившиеся уже в определённую форму строки.

Нечто подобное произошло и со стихотворением «На встрече».

Подстрочник	**Перевод**
Они ждали меня. И вот теперь слушают тихо, Доверяя каждому слову моему. И мне кажется, будто я дошёл до того места, К которому шёл всю жизнь, будто я нашёл то, что искал… А за окном лил добрый, сладкий летний ливень, Он проливался, не жалея мощи,	Я был желанный гость. И вот теперь Внимали мне в доверчивом молчанье. Казалось, будто я вошёл в ту дверь, Которую найти уже не чаял… А за окном невероятный дождь Лил водопадом, не жалея мощи,

Но сразу перестал. Смотрите, как закончился он быстро, Не успев утолить жажду земли. И я тороплюсь жить вот так же. Когда ливнем пронесётся моя жизнь, Проводите меня и простите мою раннюю усталость. Простите… я очень вас любил.	Но быстро перестал, унёсся прочь, Весь без следа в земной истаял толщи. И я спешу на всю катушку жить, Как летний ливень, длящийся мгновенье. Молю, меня усталого простить. Я вас любил… Я заслужил прощенья. [Мхце 2018: 40].

5-стопный ямб с наращённым 1-м слогом в нечётных строках:
◡–◡–◡–◡–◡–◡
◡–◡–◡–◡–◡–
Рифмовка – перекрёстная.

Первые две строфы выполнены безукоризненно. И в последней, третьей, смысл сохранён верно, но выражен он в иной форме. Что имеется в виду? «И я спешу *на всю катушку* жить». Керим не выразился бы так, эти слова не характерны для его поэтики, они выглядят инородно. Очень хорошо выполнено соотнесение жизни поэта с ливнем: «Как летний ливень, длящийся мгновенье», и признание «Я вас любил», но опять же Керим никогда не сказал бы о себе: «Я заслужил прощенья». Эта фраза не только лишняя, она привносит в психологический портрет лирического героя несвойственные ему черты. И в силу этого переводчику предлагалось исключить её: «Давай обойдёмся без этого. «Когда ливнем пронесется моя жизнь, проводите меня и простите мне мою раннюю усталость. Простите… я очень вас любил». Пожалуйста, по возможности сохрани вот эту интонацию вины за преждевременную усталость. Ещё очень важно оставить вот это «проводите меня». Здесь речь идёт не о том, чтобы слушатели проводили его до калитки после встречи: в контексте стиха это выражение прочитывается как проводы в мир иной. Т.е. буквальный смысл такой: когда я умру, и вы будете провожать меня в последний путь, простите мою раннюю усталость, я очень вас любил. Мне кажется это очень важным потому, что приоткрывает ещё одну особенность его мировоззрения. Ему было всего 23 – 24 года, когда он заговорил о смерти. Впоследствии это примет постоянный характер» [4].

В результате первая строка последней строфы была скорректирована: «И я спешу без остановки жить». Остальной текст не претерпел изменений.

Удачным представляется перевод стихотворения «Прощай», тематически перекликающийся с «Зухрой»:

Подстрочник	**Перевод**
Прощай… Ухожу навсегда…	Прощай… Пора мне уходить…
Открываю дверь, молча смотря на тебя,	Последний взгляд в твою бросаю сторону,
Словно взглядом одним хочу возвратить	Словно желаю молча возвратить
Всю нежность, что ты мне подарила.	Всю нежность, что тобою мне дарована.
Прощай… Сколько дорог	Прощай… Меж нами сто путей
Завтра ляжет между нами?	Проляжет пропастью неодолимою.
Тебе не удалось войти в мою судьбу легко,	Ты не сумела стать судьбой моей,
И я медленно выхожу из твоей.	И я твоей так и не стал, любимая.
Прощай. Пусть завтра утром рано,	Прощай. Пусть завтра на заре
Лёгкими шагами пройдя по весенней траве,	По вешним травам поступью стремительной
Придёт к тебе счастье,	Земное счастье явится тебе,
Которым хотел, но не сумел я тебя одарить.	Которым не сумел я одарить тебя.
Прощай! Тоскующим сердцем обернусь, наверно,	Прощай! День навсегда остыл,
Когда день мой начнёт темнеть,	А сердце разрывается от памяти
Чтобы сказать тебе, что я всю жизнь любил землю,	О том, как бесконечно я любил
По которой ступала ты…	Ту землю, на которую ступала ты…
	[Мхце 2018: 54 – 55].

Разностопный хорей: 1-я строка во всех строфах – 4-стопная, все остальные – 5-стопные:
–◡–◡–◡–◡
–◡–◡–◡–◡–
Рифмовка – перекрёстная.

И сюжет, и содержание, и форма стихотворения переданы без искажения. Угадана и воспроизведена композиционно-смысловая роль знаков препинания: «Прощай…», «Прощай.», «Прощай!», передающие нарастание решимости намерений лирического героя. Особенно сильно звучат 3-я и 4-я строфы. Замечательны образы навсегда остывшего дня и разрывающегося от памяти сердца. Очень хорошо выражена любовь к земле, по которой ступала любимая: «бесконечно я любил». Переводчик уловил смысл финального признания любви к земле. Уходящий от женщины мужчина не может сказать ей, что он продолжает её любить, так как это прозвучало бы противоестественно: любящий не разрушает отношения. Но тут именно тот случай, когда и любит, и уходит одновременно, а неуместность признания в любви к женщине прикрывается тем, что оно (признание) осуществляется не прямо (женщине), а косвенно – по отношению к земле. Но очевидно, что землю он любит только потому, что по ней ступала нога любимой женщины. Единственный недостаток был отмечен по отношению к заключительной строке, разжиженной многословием: «Ту землю, *по какой хоть раз* ступала ты». В окончательном варианте она была переправлена: «Ту землю, на которую ступала ты…»

Лирический герой Мхце сохраняет духовные связи с возлюбленной и после состоявшегося разрыва, свидетельством чему является стихотворение «В комнате»:

Подстрочник	**Перевод**
В комнате	**В комнате**
Мы в комнате с тобой одни Играли в прятки, словно к нам вернулось детство. Был мой черёд – я закрыл глаза, С торопящейся душой досчитал до двадцати. На двадцать первом… я проснулся. Рассветало. Мне казалось, будто ты всё ещё находишься в моей комнате.	Мы были в комнате с тобой одни. Играли в прятки, как в былые дни. Ты будто бы сказала: «Не хитри!» Я быстро досчитал до двадцати. И вдруг… проснулся. В комнате светло. И все вокруг хранит твоё тепло.

5-стопный ямб:
◡–◡–◡–◡–◡–
◡–◡–◡–◡–◡–
Рифмовка – парная.

Чтобы расхождение между подлинником и переводом стало очевидней, приведём выдержку из книги, где даётся анализ оригинального произведения:

«Стихотворение построено на столкновении сна и яви. Сны не подвластны человеческому разуму, в них не срабатывают принципы и установки, по тем или иным причинам принятые в качестве программы действия в реальной жизни. В этом смысле человек во сне является в своей естественной ипостаси, свободным от регламентации и рационализма, и именно поэтому свободная от диктата разума душа лирического героя во сне стремится объединиться с любимой. И вот они одни в комнате, как дети, играют в прятки… И особое значение здесь обретает то, с каким волнением считает лирический герой до двадцати. Словосочетание «спсы гвжважвауа» (с торопящейся душой) придает тексту некую сакральность, ощущение того, что вот-вот случится нечто чудесное, судьбоносное. Стиху придается эмоциональное напряжение, и на этом фоне неожиданность того, что следует за многоточием, обладает гораздо большим эстетическим воздействием. Контраст между тем, что герой мгновение назад во сне был в шаге от любимой, а в реальности оказывается в одиночестве, осуществлён эффектно. Последняя строка подразумевает куда больше того, что она, на первый взгляд, означает. Здесь передано не просто состояние человека, не до конца отошедшего от сна и механически воспринимающего реальность как продолжение сна; здесь выражено желание вопреки всему, что про-

изошло ранее, чтобы любимая не только во сне, но и наяву была рядом. И вот эта мысль, обнаруживающая себя подспудно, вторым планом, придаёт стиху особое настроение трагизма оставленного любимой человека, и тщетность его желаний, и жалость, и сопереживание его безрадостному одиночеству» [5: 118 – 119].

Теперь о переводе. Первые две строчки верны, но третья «Ты будто бы сказала: «Не хитри!» выбивается из общего контекста. Мотив хитрости не только лишний, но и не характерный для лирических субъектов. Потом: «Я *быстро* досчитал до двадцати»… «Быстро» и «с торопящейся душой» не одно и то же, здесь требуется эпитет, выражающий душевное волнение. Следующая строчка хороша: «И вдруг… проснулся. В комнате светло…», но последняя «И все вокруг хранит твоё тепло» невольно подменяет весь ход событий: получается, что любимая не только во сне, но и в реальности была рядом с героем. В оригинале она была с ним только во сне, в действительности же – он один и страдает от своего одиночества. Перевод оказался лишён вот этой противоречивой драмы и пронзительности повествования, присущих подлиннику.

В результате проведённой работы стихотворение приняло такую форму:

Мы были в комнате с тобой одни.
Играли в прятки, как в былые дни.
Закрыв глаза, когда был мой черёд,
С тревогою в душе я начал счёт.
И вдруг… проснулся. Утро за стеной.
Мне всё казалось – ты ещё со мной.
[Мхце 2018: 35].

Любопытной представляется переводческая судьба двух миниатюр: «Не пьяница я...» и «Богиня». В книге «Сюда пришёл я, чтобы здесь остаться» им давалась такая общая оценка: «Очевидно, что эти шутливые зарисовки отмечены авторскими находками, в них присутствует поэтическая мысль, но стихотворец еще не умеет отточить её как следует и воплотить в строгие и совершенные формы» [5: 62].

Представим их подстрочники и первые варианты переводов:

Подстрочник	**Перевод**
Не пьяница я, нет, Как некоторые, не полоскаю водкой сердце ежедневно. Но с тех пор, как встретился с тобой, Никто меня не видел, чтоб я не был пьян.	Нет, не пьяница я; откровенно скажу, На вино даже в праздники я не гляжу. Но с тех пор, как впервые тебя я увидел, Не скрываясь, счастливый и пьяный хожу.

Богиня	**Богиня**
Ни одного дня не провёл я с аллахом в сердце,	От рождения в сердце аллаха не знал,
Ни разу не протянул ему своей жизни,	Никогда свою жизнь ему не посвящал.
Но если б ты оказалась богиней,	Но, клянусь, если б ты оказалась богиней,
Я стал бы твоим священнослужителем.	Я бы тут же священнослужителем стал.

При всём том, что и оригинальные четверостишия имели свои погрешности, но переводы получились ещё более неудачными, вялыми, невыразительными. После повторного обращения и переработки они приняли следующую форму:

Не в пример другим, не пью запоем,
На вино и водку не гляжу.
Но с тех пор, как встретился с тобою,
Каждый день, как пьяный, я хожу.
[Мхце 2018: 24].

***

Аллаха моё сердце не искало,
Душою от рожденья не был с ним.
Но, если б ты богинею предстала,
Я б сразу стал священником твоим.
[Мхце 2018: 24].

Миниатюры зазвучали совершенно по-другому: они стали динамичными, пластичными, мысль обрела ясность и отчётливость рисунка. Нужно признать, что в таком виде они стали даже лучше, чем подлинники.

Всего из ранней лирики К. Мхце А. Галамагой было переведено 45 стихотворений, из них состоявшимися были признаны 37, 8 – неудовлетворительными, вследствие чего они не вошли в переводной сборник.

Говорят, политика – это искусство возможного. То же самое, наверно, можно сказать и о переводах: они тоже – искусство возможного, потому что нельзя на другом языке передать мысль подлинника в той же самой форме без ущерба, почти всегда приходится чем-то жертвовать. При этом необходимо помнить: подстрочные переводы, которыми пользовался русский поэт, не передавали отточенность выражаемой мысли, дух стиха, интонацию, мелодику, тонкие нюансы настроения, намеки, двуплановость, многозначность отдельных образов… И удивляться нужно не тому, что переводчику не удалось адекватно воспроизвести чего-то, а тому, что многое оказалось ему по плечу! В вошедших в сборник переводах А. Галамаги соответствие содержанию, размеру, способу рифмовки оригинала почти

стопроцентное. Таким образом, усердная и трудоёмкая работа переводчика позволяет сегодня русскоязычному читателю обрести определённое представление о творческом облике абазинского поэта, разомкнуть узконациональный круг известности и вывести его поэзию на общероссийскую литературную орбиту.

Литература:

1. Договор авторского заказа на перевод произведений Керима Леонидовича Мхце от 28 марта 2014 г.
2. Мхце К. Л. Возвращаюсь / Сост. П. К. Чекалов. – Невинномысск, 2018. – 176 с.
3. Письмо А. А. Галамаги П. К. Чекалову от 20 марта 2014 г. Архив П. К. Чекалова.
4. Письмо П. К. Чекалова А. А. Галамаге от 14 июля 2014 г. Архив П. К. Чекалова.
5. Чекалов П. К. «Сюда пришёл я, чтобы здесь остаться…». Страницы творческой биографии К. Л. Мхце. – Москва: У Никитских ворот, 2016. – 376 с.

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

МЫ ЖИВЁМ СЛОВАМИ

Для переводчика вся жизнь – это встречи и расставания со словами, активная работа с лексикой.

Часто мы выучиваем слова изучаемого/рабочего языка для определённого момента жизни и позже, начав работать профессионально, для какого-либо мероприятия. Закончилось мероприятие и специально выученные для него слова, термины улетучиваются из памяти, как дым. Но многие слова, особенно выученные в студенческие годы, остаются с тобой на всю жизнь.

Например, мне до поступления в университет довелось поработать месяц до армии слесарем в тепловозном депо и два года после армии помощником машиниста тепловоза на угольном разрезе «Харанорский». И вот на втором курсе университета у нас появился преподаватель – носитель языка из Китая. Я, чтобы начать с ним общение, решил, что обязательно должен рассказать побольше о себе, что я работал на угольном разрезе слесарем и помощником машиниста тепловоза. И эти слова так и кочуют со мной до сих пор.

Особенно мне нравится на китайском словосочетание 露天煤矿 ‘*угольный разрез*’ (露天 lùtiān ‘под открытым небом, на свежем воздухе; открытый (напр. о горных разработках) ’ + 煤矿 méikuàng ‘1) угольные копи; угольная шахта 2) залежи угля’). В нём проявляются многие особенности китайского языка. Основная особенность в том, что почти все термины выстраиваются из исконных морфем, и суть понятий более доступна для понимания. Некоторые термины сформированы весьма образно, например, 臭氧 ‘озон; озоновый’ (臭 chòu ‘вонючий; пахучий’ + 氧 yǎng ‘кислород; кислородный; окси-’), 脚手架 ‘(строительные) леса; подмостки’ (脚 jiǎo ‘нога, ступня’ +手 shǒu ‘рука, кисть руки’ + 架 jià ‘полка; этажерка; подставка’), 熟料 ‘клинкер’ (в цементном производстве) (熟 shú ‘обработанный на огне; готовый’ + 料 liào ‘материал, сырьё’), 全息 ‘голографический, голограмма’ (全 quán ‘полный, весь, целый’ + ［信］息 [xìn]xī ‘информация, сведения’), 肉芽 ‘грануляции’ (в медицине молодая соединительная ткань, образующаяся при процессах заживления дефектов в различных тканях и органах) (肉 ròu ‘мясо; мышцы, плоть’ + 芽 yá ‘почки (растения); ростки; побеги’).

На первом курсе, осознав, что, читая только тексты и диалоги из учебника, китайский не выучить, я пошёл в отдел иностранной литературы библиотеки им. А. С. Пушкина города Читы. Но там тогда (1993 год) были только старые китайские книги, набранные традиционными неупрощёнными иероглифами. Я взял тоненькую книжку про крестьянские кооперативы 1950-х годов выпуска. Как раз тогда же в букинистическом магазине мне посчастливилось купить Большой китайско-русский словарь в 4-х томах под редакцией И.М. Ошанина, потратив на него все свои сбережения. Осилив с большим трудом около страницы и разобравшись с проблемами китайских кооперативов, которые заключались в нехватке сельхозинвентаря, я эту книжку сдал. Основной результат был в том, что я научился пользоваться этим прекрасным словарём и быстро искать нужные иероглифы.

Начиная с 1994 года фонды областной Пушкинской библиотеки в Чите стали быстро пополняться новыми книгами, привезёнными из Китая. И вот моей первой книгой современного китайского автора стал сборник рассказов пекинской писательницы Гэн Тяньли (耿天丽). Благодаря тщательному разбору (о чтении тогда было рано говорить) её рассказов про любовь (《红线线》(«Красные нити»), 《负心汉》(«Обманщик») и других), также в памяти на всю жизнь отложились вечным прочным слоем многие полезные слова и выражения, например, 取而代之 ‘сменить кого-либо/что-либо; занять чьё-либо место’, 典雅 ‘классическая изысканность (утончённость); изысканный, изящный, утончённый; элегантный’, 玛瑙 ‘агат’, 诊断 ‘ставить диагноз, диагностировать; диагноз’, 奇迹 ‘чудо; диво’, 注射器 ‘шприц’, 安慰 ‘утешать; успокаивать; утешение’, 秀色可餐 ‘на-

столько красивый, что можно съесть; так бы и съел; ослепительная красота’, 地狱 ‘ад; преисподняя’, 编辑 ‘1) редактировать; редакция 2) редактор’, 蚯蚓 ‘земляной (дождевой) червь’, 寡妇 ‘вдова’, 隔壁 ‘1) по соседству (через стену); соседний 2) сосед’, 归宿 ‘пристанище; приют’, которые и сейчас часто всплывают из недр памяти и выручают в нужный момент.

Работая с интересными текстами этих коротких рассказов, я для себя придумал тогда особую технологию освоения новых слов. Я делал ксерокопии страниц книги и вклеивал их в тетрадь. Процесс был небыстрый и трудоёмкий: чтобы прочитать одну страницу текста иногда приходилось приклеивать в тетрадь напротив продуцируемой странички китайского текста до 8-10 дополнительных тетрадных листов, чтобы выписать все незнакомые слова с переводом.

После окончания вуза и работы на родной кафедре китайского языка факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета карьерный путь завёл меня в сибирские леса Томской области и коридоры Томского политехнического университета.

Устроившись работать в 2000 году в китайскую фирму в Томске, я обрёл в лице руководства компании прекрасных собеседников – носителей стандартного китайского языка. Проводимые ими многочисленные совещания и обучающие планёрки для русскоязычных сотрудников компании стали хорошей практикой устного последовательного перевода.

Здесь была освоена лексика многих сфер деятельности предприятия, связанных с таможенным оформлением экспорта, бухгалтерским учётом, налогами, ведением деловых коммерческих переговоров, железнодорожными перевозками, подвижным составом, взаимодействием с разными государственными органами (миграционная служба, управление внутренних дел, арбитражный суд, уголовный суд, административные разбирательства), лесозаготовками.

Здесь я навсегда выучил названия многих пород деревьев, например, 落叶松 ‘лиственница’ (落 luò ‘опадать; осыпаться’ + 叶 yè ‘лист (дерева); листва’ + 松 sōng ‘сосна’), 臭松 ‘пихта’ (臭 chòu пахучий, душистый; ароматный + 松 sōng ‘сосна’), 红松 ‘кедр’ (红 hóng ‘красный’ + 松 sōng ‘сосна’).

А работа преподавателем в Институте языковой коммуникации ТПУ помогла закрепить интерес к научной исследовательской деятельности в области китайского языка.

В 2002 году ЗАО «Компания Сиам» (контроль и диагностика нефтедобывающих скважин) в Томске пригласила меня на переговоры в город Шэньян (КНР), поручив предварительно письменно перевести большой объём технической документации по нефтяным скважинам. Здесь я уже бегло смог переводить последовательно технические презентации, была освоена лексика нефтедобычи.

В 2005 году поступив в аспирантуру в Москве, я параллельно учёбе принимал участие в проектах по ввозу в Россию бетоносмесительных узлов, по строительству цементных и кирпичных заводов. Выполнял и письменный и устный последовательный перевод. На этом этапе прочно в памяти отложилось много лексики технической сферы: клинкер, интенсификатор помола, датчики, [трансформаторная] подстанция и т. п.

Интересно, что слова, которые были выучены на первых занятиях по китайскому языку, помогают тебе и сейчас через 26 лет на важных встречах. Приведу для примера слово 爬 pá ‘лазить’. Всем китаистам известны такие фразы из нашего классического учебника Т. П. Задоенко и Хуан Шуин «Основы китайского языка» как dìdi pá shù, mèimei yě pá shù ‘младший брат лазит по деревьям, младшая сестра тоже лазит по деревьям’. Больше, после вуза, насколько я помню, слово *лазить* не возникало в потоках речи, которые мне приходилось переводить или порождать самому. И вот буквально в прошлом году один важный гость из Китая беседовал с российским детсадовцем, ребёнком лет 5-6. Малыш радостно сообщил, что его любимый герой ниндзя, и он лазит по стенам. Со словом *ниндзя* у меня вышла заминка, но смог передать иносказательно-описательно, и китайский гость понял, выдав мне правильный вариант – 忍者 rěnzhě. А следует заметить, что японские слова и имена очень сложно переводить с русского на китайский язык и с китайского языка на русский, и даже есть такая сфера, где перевод просто невозможен без справочника (имена собственные, имена и фамилии японцев). Дело в том, что хотя японцы и используют китайские иероглифы, но звучат они у них по-японски, например, 安倍晋三 ānbèi jìnsān Синдзо Абэ (премьер-министр Японии). По-китайски его имя звучит как Аньбэй Цзиньсань, хотя записывается теми же иероглифами. Если не знать имени японца по-японски (если это не известный медийный персонаж), то только по иероглифам в китайском тексте без контекста, без дополнительной информации перевести это имя правильно на русский язык без справочника не получится. Другой пример, название автомобильного брэнда Тойота (丰田), по-китайски он звучит как Фэнтхьен (丰田 fēngtián).

Но зато «лазить по стенам» я выдал тогда на автомате – 爬墙 pá qiáng, и потом долго ещё смаковал про себя это сочетание, удивляясь, как же так быстро и естественно мой мозг выдал такое простое, но сочное, фонетически звучное (особенно на китайском) словосочетание. Я никогда до этого не додумывался сам породить его. И вот простая детская речь подарила такое сокровище!

Здесь как раз ярко проявилась польза гибкого использования однослогов (爬 и 墙 – два отдельных слова, которые состоят из одной слогоморфемы; основная же масса слов в современном китайском языке дву-

сложные), знания правил ритмической сочетаемости морфем китайского языка в потоке речи.

И совсем недавно в одной из бесед речь зашла о восхождении неких людей на гору Афон в Греции, и здесь также на автомате сработало наше любимое с первого курса 爬山 pá shān ‘взбираться на гору; лазить по горам; восходить на горы’.

Игра регистрами двуслог/однослог в потоке китайской речи очень важна. Например, слово 俘虏 ‘1) взять в плен, пленить 2) пленный’ состоит из морфем 俘 fú ‘брать в плен; пленный’ и 虏 lǔ ‘захватить; взять в плен’. Но вот в слове 战俘 ‘военнопленный’ от слова 俘虏 fúlǔ остаётся одна первая морфема, а перед ней добавляется морфема 战 zhàn ‘война; бой, сражение, битва, схватка; военный, боевой’, вымещая морфему 虏 lǔ. Пришлось вспомнить это слово, когда китайским гостям в Нижнем Новгороде рассказывали о домах, построенных немецкими военнопленными.

Последнее время приходится часто переводить в сфере инновационных проектов и инвестиций в технологические стартапы. Здесь также множество ключевых терминов, например, 风险投资 ‘венчурные инвестиции, капиталовложение, связанное с риском’; 风险投资基金 ‘венчурный инвестиционный фонд’; 天使投资者 ‘бизнес-ангел (частный венчурный инвестор, вкладывающий собственные средства в стартапы)’; 独角兽企业 ‘предприятие-единорог (обычно венчурная компания, существующая не более 10 лет, обладающая стоимостью более 1 миллиарда долларов США и не проводившая первичное размещение акций)’.

Но даже самые серьёзные инвесторы и бизнесмены любят произносить волнительные речи от души, цитировать великих, и, например, в своих спонтанных выступлениях могут использовать такие обороты: «в нашем сумасшедшем мире……»; «наши ценности заключаются в ……»; «живи так, как будто ты умрёшь завтра, учись так, как будто ты будешь жить вечно» и т.п. С последним высказыванием, например, у меня вышло так, что пришлось в китайский вариант добавить два раза слово 精神 jīngshen ‘энергия; дух; (душевные) силы’, то есть получилось «живи с таким настроем (духом), как будто…, учись с таким настроем (энергией), как будто…» (生活应该好像马上要死的精神，学习应该好像永远不会死亡的精神), иначе для китайской аудитории это прозвучало бы не так ритмично, не так призывно и ясно. Такие решения приходят неожиданно, и именно это, видимо, и называется чувством языка. В результате – бурные аплодисменты китайских гостей.

С 2006 года у меня появились возможности выполнения синхронного перевода.

Порою слова, непонятно когда и как укрепившиеся в памяти, очень удачно выстреливают при выполнении синхронного перевода. Например,

слово китайского языка 踌躇 chóuchú ‘топтаться на месте’ (в китайском языке это именно слово, в наших языках понятия «слово» и «словосочетание» часто не совпадают), которое я выучил как раз на втором курсе (1994 год), читая рассказы Гэн Тяньли, совсем недавно пригодилось во время синхронного перевода для китайской делегации в Государственной думе РФ и было с восторгом принято слушателями, потому что оно относится к сфере высокого стиля литературного языка, и именно оно точно соответствовало русскому выражению, которое употребил российский спикер. На этом же мероприятии удачно пригодилось слово 下海 ‘1) выйти в море 2) бросить своё основное занятие и полностью отдаться коммерческой деятельности’, которое было актуально и являлось неологизмом в период начала экономических реформ Китая в 80-90 годы прошлого века. Выучил я его тоже, скорее всего, на первых курсах вуза. И эмоциональный заряд, который подразумевал российский спикер в своём выступлении, смогло передать как раз данное слово, а не простой оборот типа «начал заниматься торговлей/бизнесом» (开始做生意), который можно сделать уже дополнительным. Дело в том, что, бывший в начале 90-х преподавателем и начавший заниматься бизнесом сразу после распада СССР, он теперь выступал в качестве депутата Думы от одной из партий. И это слово также было воспринято китайской аудиторией очень эмоционально, так как большинство слушателей были предпринимателями, его ровесниками, начавшими свою бизнес-карьеру аналогичным способом, и это слово было для них родным, описывающим их успешный старт в те уже далёкие теперь годы.

Очень часто пригождаются эмоционально окрашенные слова и обороты типа 馊主意 sōu zhǔyì ‘нелепая идея; дурацкая затея’, 莫名其妙 mò míng qí miào ‘1) необъяснимый; не быть в состоянии объяснить 2) странный, удивительный, непостижимый; неописуемый (описывает состояние сильного удивления, прострации, шока); странным образом’ и т. п.

Как я уже писал в предыдущих статьях, очень важно накапливать и знать правильные наименования стран, регионов, городов мира и прочих собственных имён на китайском языке, например, 阿尔及利亚 a'ěrjílìyà Алжир, 摩洛哥 móluògē Марокко, 直布罗陀 zhíbùluótuó Гибралтар, 基里巴斯 jīlǐbāsī Кирибати, 马尔代夫 mǎ’ěrdàifū Мальдивы и т. п.

Для успешной работы устным переводчиком необходимо отметить также фактор кругозора. В своё время, ещё до армии, мне довелось обучаться в музыкальной школе и затем в музыкальном училище. И вот, видимо, помня эти свои музыкальные опыты, на китайском сразу выучил такие слова как «ноты», «орган», «баян», «скрипка» и названия прочих музыкальных инструментов. Это тоже пригодилось лет через 15, когда пришлось переводить для китайской делегации во время посещения иркутского костёла и, конечно же, во многих других случаях. Но тогда в Иркутске, например, ксендз сказал такое предложение: «В 13-м веке были изобрете-

ны ноты». По-китайски на автомате я смог выдать безупречное 人类十三世纪发明了乐谱。 Как видно, здесь в китайском варианте я добавил обязательное для китайского языка обозначение деятеля (人类 ‘человек, человечество’). Двусложное ритмически стабильное слово 乐谱 ‘ноты’ также очень пригодилось.

Знание китайского и русского менталитета также очень важно. Иногда одним неправильным словом можно многое испортить. Как известно, китайцы очень трепетно относятся к разного рода благопожелательным символам, конкретными репрезентантами которых могут быть предметы, подарки, слова. У китайцев есть табу на подарки, на какие-либо созвучные чему-то плохому слова (в силу существования в китайском языке большого числа омофонов), символы. Например, один раз пожилая преподаватель китаянка отказалась принимать от меня в качестве подарка футляр для очков, так как он напоминал по форме гроб и это выглядело нехорошим предзнаменованием. Благо, после этого она прожила ещё достаточно долго. Об этом я писал в статье, которая доступна по этой ссылке: https://www.vokitai.ru/chto-darit-i-chego-ne-darit-kitajskim-druzyam/. Здесь же приведу историю, рассказанную коллегой, носителем китайского языка и культуры.

Как-то раз она сопровождала группу китайцев. Они проходили мимо магазина ритуальных услуг в одном российском городе. Китайцев он очень заинтересовал. Они спросили, что там продаётся. Коллега, ни секунды не колеблясь, ответила, что это 升官发财店 ‘магазин карьерного роста и богатства’. Китайцы сразу всё поняли и спокойно продолжили путь. Таким иносказательным и приятным образом она, не произнося напрямую табуированных несчастливых слов типа «здесь продают гробы и прочие похоронные принадлежности», согласно правилам китайской манеры коммуницировать, всё-таки дала им ясный намёк на слово «гроб» (棺材 guāncai), выдав его опять же в соответствии с китайской традицией игры омофонами в виде созвучных компонентам этого слова морфем 官 guān ‘чиновник; чин’ и 财 cái ‘богатства; ценности; деньги’ в составе благопожелательных словосочетаний 升官 shēng guān ‘получить повышение в чине; уходить на повышение’ и 发财 fācái ‘разбогатеть’.

Естественно, что я, не являясь носителем китайского языка и культуры, например, не смог бы так блестяще выйти из этой ситуации, а мог бы так прямо и сказать, что там продают принадлежности для похорон (например, 丧葬用品). И наверняка, заслужил бы нелестную оценку, которую китайцы бы, конечно, не высказали, но я своей прямотой испортил бы китайским гостям настроение, обозначив этими словами несчастливые для них предзнаменования.

Особый раздел в работе устного переводчика занимают анекдоты. Переводя анекдот, надо в очень сжатый период времени, гибко орудуя

словами, привлечь слушателей и вызвать у них эмоциональную реакцию в виде смеха. Здесь также очень важен богатый словарный запас.

Некоторые явления китайского языка вызывают яркие эмоции даже на третьем десятке его использования. Например, классификаторы (счётные слова). Недавний пример. Китаец в своём высказывании использовал счётное слово 支 zhī (7-е значение этой морфемы – счётное слово а) для подразделений, отрядов, б) для предметов в виде стержня) для венчурного фонда. Он сказал: 我们设立了第一支俄中风险投资基金。 ‘Мы учредили первый российско-китайский фонд венчурных инвестиций’. Счётные слова придают китайской речи особый шарм. К сожалению, многие китаисты не так активно, как следовало бы, используют соответствующие случаю счётные слова, а жаль. Правильные счётные слова делают речь более привлекательной.

Как известно, мозг человека не изучен, а напротив, чем больше его изучают, тем больше появляется вопросов. Но что касается меня лично, то часто после интенсивных переговоров или насыщенных выступлений, где были использованы интересные обороты речи, мозг начинает прокручивать какие-то моменты переговоров и выступлений, отдельные слова, начинаешь их вспоминать и анализировать, сравнивать с синонимами, сокрушаться, когда понимаешь, что в таком-то месте разговора лучше было бы использовать другое слово с другим оттеночным значением, заглядывать в словари и уточнять значения слов.

Вот так поштучно на протяжении всей своей жизни мы, переводчики, накапливаем эти золотые крупицы языка – слова, подобно старателям на золотом прииске, вымываем, находим самые нужные, употребительные и редкие специальные, но все такие любимые и нужные слова и конструкции – золотые песчинки и самородки, которые никогда не уходят из памяти. И лет через 20 практики с таким золотым запасом уже ничто не страшно. С такой лексической базой можно успешно работать на любом сложном проекте, на самых сложных переговорах.

Но всегда желательно, чтобы заказчик предоставил хотя бы минимум информации для подготовки к мероприятию. Ведь всегда могут встретиться и такие включения золотых жил языков и нашей жизни, которые ни разу не встречались переводчику на его жизненном пути. Ведь пути наши и слов неисповедимы, и многие слова и понятия становятся нам знакомы лишь волею судьбы. Таким образом, становится ясно, почему переводчики со стажем вполне обоснованно заслуживают свои высокие гонорары: они способны подбирать синонимы или наиболее точные эквиваленты из своего богатого, складывавшегося десятилетиями словарного арсенала и обеспечивать быстрый и наиточнейший перевод. Они живут словами.

Мы, переводчики, обеспечивая коммуникацию между людьми и странами, постоянно анализируем слова, уточняем их значения, мы очень внимательны к словам. Мы живём словами.

АННА БУЛДЫГЕРОВА

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В СПЕЦИАЛЬНОЙ ОТРАСЛИ: ТУРИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На современном этапе развития лингвистической науки особенно популярны исследования, позволяющие описывать закономерности развития современных языков. Поскольку результатом изменений, происходящих в обществе, становится обновление лексического состава, изучение характерных особенностей словообразования профессиональных языковых подсистем приобретает исследовательскую ценность не только в лингвистике, но и в переводоведении и особенно в аспекте специального перевода, требующем чёткого понимания специфики той или иной терминосистемы.

Современный этап развития общества отмечен появлением новых форм и видов туризма, формированием новых условий и возможностей в туристической деятельности, инновациями в туристической отрасли, а также высокой интенсивностью развития туристической сферы как элемента международного сотрудничества. Возникновение и развитие туристической деятельности, обусловлено социальными факторами, ведь люди путешествовали всегда – в глубокой древности, осваивая новые земли, открывая континенты и страны, затем, с развитием общества, туристические поездки стали одной из наиболее интересных форм отдыха. На этапе подъема экономического развития в обществе росли потребности в путешествиях, появились лица и учреждения, задача которых состояла в организации туристических поездок и обеспечении туристических потребностей, что в конечном итоге привело к формированию товара особого типа – туристских услуг. С течением времени туризм стал отдельной отраслью народного хозяйства, что требовало не только создания соответствующей инфраструктуры, законодательной основы, квалифицированных кадров, но и обусловило необходимость функционирования самостоятельной терминологической системы, выступающей лексическим базисом для осуществления перевода в данной сфере.

Туристическая терминосистема включает несколько тематически обусловленных разделов, объединяющих соответствующие лексические единицы. Например: участники и организаторы туризма: 旅游者 lǚyóuzhě – турист, 游人 yóurén – экскурсант, 接待方 jiēdàifāng – принимающая сторона; 旅游公司 lǚyóu gōngsī – туристическая компания, 旅行社 lǚxíngshè – туристическое бюро, турфирма и др.; организационные процессы: 旅行路线 lǚxínglùxiàn – туристский маршрут; 接送服务 jiēsòngfúwù – трансфер (встреча и проводы); 取消旅程 qǔxiāoǔchéng – аннуляция тура и др.; туристская документация: 旅行支票 lǚxíng zhīpiào – тревел-чек (дорожный чек);

旅行信用证 lǚxíng xìnyòngzhèng – дорожный аккредитив, ваучер, 旅行卷 lǚxíngquàn – туристический (заграничный паспорт) и др.; туристические аксессуары и предметы пользования: 旅游车 lǚyóuchē – туристический автобус, 旅行指南 lǚxíngzhǐnán – путеводитель и др.; реализация, реклама и продвижение туристского продукта: 旅游目录 lǚyóumùlù –туристский каталог; 旅游交易会 lǚyóuiāoyìhuì – туристская ярмарка; 旅游手册 lǚyóu shǒucè – туристская брошюра и др.; названия туристических организаций, учреждений и мероприятий: 世界生态旅游首脑会议 shìjiè shēngtài lǚyóu shǒunǎohuìyì – Всемирный саммит по экотуризму, 旅游年 lǚyóunián – год туризма, 世界旅游组织 shìjiè lǚyóu zǔzhī – Всемирная туристическая организация и т.д.

К перечисленным разделам также можно отнести раздел, включающий многочисленные новые единицы, номинирующие разные формы и виды туризма и являющиеся в контексте взаимодействия языков и переводческой практики регулярными переводческими соответствиями, например, 牙科旅游 yákē lǚyóu – стоматологический туризм, 生殖旅游 shēngzhí lǚyóu – репродуктивный туризм или ЭКО-туризм или 网上旅游 wǎngshàng lǚyóu – онлайн-путешествия и т.д. Для понимания характера семантизации значений, актуальных в контексте решения переводческих задач, представляется важным обратиться к способам их образования в современном китайском языке.

Особенности создания новых слов туристической тематики в современном китайском языке являются отражением устоявшихся законов словопроизводства, а также зарождением некоторых новых тенденций. Для прошлого столетия закономерностью развития китайского языка являлось двусложное слово, а сегодняшний этап развития китайского языка отмечен более сложной структурой слов. Как отмечает А. А. Хаматова, «новая лексика китайского языка многосложна»[1]. В современных условиях двусложные слова не всегда справляются со своим предназначением эффективного средства общения, поэтому появляются единицы более сложной структуры, позволяющие актуализировать новые смыслы. Так, большинство языковых единиц, функционирующих в современной туристической отрасли, также являются многосложными. Для терминов туристической отрасли, номинирующих новые виды туризма, актуальным остаются образование сложных терминов путем словосложения, сокращения, аффиксации и заимствования.

Сложение является самым распространенным способом словообразования на протяжении всей истории развития китайского языка. «Корневые морфемы повторяются в составе всех родственных слов, образующих

[1] Хаматова, А. А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 4. С.10.

терминологическое гнездо»[1], в терминологической системе сферы туризма четко прослеживается употребление зависимых по своему характеру корневых морфем с синонимичным значением “путешествовать” – 旅 lǚ и游 yóu. Данные морфемы повторяются в большинстве слов корпуса туристических терминов, например, в составе двусложных единиц: 旅游- lǚyóu путешествовать, 游人 yóurén – турист, 旅途 lǚtú – маршрут и т.д. Сочетаясь друг с другом, данные морфемы образуют двусложное слово, демонстрирующее продуктивность в образовании лексических единиц более сложной структуры, например, 旅游局 lǚyóujú – туристическое бюро, 旅游交通 lǚyóujiāotōng – туристическое движение, 旅游景点 lǚyóu jǐngdiǎn – туристические объекты, 生产型旅游 shēngchǎnxìnglǚyóu – производственный туризм, и т.д.

Многосложные лексические образования в сфере туризма демонстрируют разные грамматические модели словосложения. Однако вполне очевидно, что наиболее характерным типом связи между элементами лексических комплексов, относящихся к туристическим терминам, является атрибутивный тип. Большинство лексических единиц, номинирующих многочисленные виды туризма, образованы по атрибутивному типу словосложения, например, 商务旅游 shāngwù lǚyóu – деловой туризм, 环球旅行 huánqiú lǚxíng – кругосветное путешествие, 会议旅游 huìyì lǚyóu – конференц-туризм и т.д. Приведенные примеры представляют собой четырехсложные сочетания, в которых первый двуслог выступает в качестве атрибутивного компонента лексического комплекса, по отношению к определяемому им второму (со значением «тур», «путешествие»).

Аффиксальное словообразование китайского языка предполагает образование многосложного слова путем прибавления к корню словообразовательного элемента (аффикса или полуаффикса). Например, регулярным является употребление следующих имеющих глубокие корни суффиксов, указывающих на предметное значение слова: суффикс 子 zi, в слове 游子 yóuzi – турист; суффикс 者 в словах 旅游者 lǚyóuzhě, 观光者 guānguāngzhě – экскурсант, посетитель; суффикс 客 kè в словах 游客 yóukè – туристы, посетители, 过客 guòkè – проезжий, путешественник и др.

Наряду с этим некоторые из китайских морфем, вследствие их продуктивности в образовании терминов той или иной тематики, могут считаться «новыми аффиксами»[2].Выступающие в качестве аффиксальных структурные элементы, обслуживающие сферу туристической терминологии китайского языка, обладают семантическими и структурно-образовательными характеристиками, которые сводятся к отсутствию уз-

[1] Хаматова, А. А. Словообразование современного китайского языка. М., 2003. С.21.
[2] Хаматова, А. А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 4. С.11.

кого значения и специализации в рамках туристической терминосистемы и регулярности употребления аффикса с одним и тем же значением в терминологическом ряду. Так, среди отобранных в ходе словообразовательного анализа терминов терминологический ряд с полусуффиксом 游 yóu демонстрирует наиболее высокую частотность употребления. Морфема 游 yóu, в словарной статье электронного «Большого китайско-русского словаря» отмечено её употребление только в составе сложных слов, следовательно, в составе трёхсложных терминов данная морфема реализует аффиксальное значение и может быть причислена к «новым аффиксам», например, 出境游 chūjìngyóu – выездной тур (с пересечением границы);自驾游 zìjiàyóu – путешествие на собственном авто, 周末游 zhōumòyóu – путешествие выходного дня, 购物游 gòuwùyóu – шоп-тур, 团队游 tuánduìyóu – путешествие в составе группы и т.д. Большинство терминов, образованных с участием данного полуаффикса являются трёхсложными единицами, ставшими результатом сокращения двусложного элемента термина со значением «туризм» и употребления вместо двуслога одной из синонимичных морфем.

Несмотря на тенденцию к многосложности, актуальность такого специфического и весьма продуктивного для китайского языка словообразовательного способа, как морфемная контракция, объясняется стремлением к лингвистической экономии, ограничению пределами скорости артикуляции и пропускной способностью восприятия органами слуха и зрения двусложных сложносокращённых слов. Сокращению подвергаются, как правило, четырёхсложные единицы, причем в языке существуют обе формы слова – полная (четырёхсложная) и сокращённая (двусложная). Например, возникшее на рубеже веков новое направление туризма в России и Китае, подразумевающее посещение памятных мест, связанных с историей коммунистической партии, жизнью коммунистических лидеров и революционным прошлым, в силу символических особенностей получило название 红色旅游 hóngsè lǚyóu – досл. «туризм красного цвета», в результате морфемной контракции в туристической сфере активно функционирует двусложная единица 红游 hóngyóu – красный туризм. Отдых в экологически безопасной сельской местности, особенно привлекательный для жителей больших городов и мегаполисов, называется «зелёный туризм» – 绿游 lǜyóu (от 绿色旅游 lǜsè lǚyóu), а разновидность туризма, связанная с посещением мест и достопримечательностей, исторически связанных со смертью и трагическими инцидентами, называется «чёрный туризм» – 黑游 hēiyóu (от 黑色旅游 hēisè lǚyóu) от англ. black tourism.

Наряду с развитием аффиксации и морфемной контракции, ещё одним источником формирования туристической терминосистемы являются заимствования, представленные в туристической терминологии китайского

языка, как правило, семантическими кальками слов английского языка, например, – 日游 yīrìyóu – one-day tour – однодневное путешествие, 房车度假 fángchēdùjià – караванинг – от англ. caravaning, синоним: эрвинг, RVing – производный глагол от англ. recriational vehicle) – автомобильный туризм, путешествие с проживанием в автодомах или автоприцепах. На сегодняшний день *караванинг* является одним из самых популярных видов автомобильного туризма не только для жителей Европы и США, но и для путешественников из Китая.

Фонетическое калькирование как возможный способ заимствования в рассматриваемой терминосистеме практически не употребляется, исключение составляют случаи заимствования отдельных значений, изначально не имевших отношения к туризму, например, в слове 瑜伽旅游 yújiā lǚyóu – йога-тур, фонетическим заимствованием является первый элемент 瑜伽 – йога, который появился в китайском языке независимо от туристической актуальности. Можно предположить, что невостребованность фонетических заимствований в данной терминологической системе китайского языка объясняется тем, что создавать новый фонетический комплекс нерационально, хотя бы исходя из отсутствия внутренней мотивированности значения вновь созданных фонетических калек, ведь «китайский язык обращается к звуковым заимствованиям обычно в тех случаях, когда семантическое заимствование (калькирование) невозможно или нецелесообразно»[1].

Наряду с заимствованиями в сфере туризма активно функционируют такие лексические единицы, которые могут включать специфические для носителей китайского языка факты, затрудняющие процесс перевода в связи с тем, что объём информации, включённый в такие единицы, явно превосходит сумму значений морфем, входящих в их состав, и для передачи значения таких единиц требуется дополнительный комментарий. Например, 共享旅游 gòngxiǎng lǚyóu (досл. взаимовыгодный туризм) – такая форма туризма предполагает взаимную выгоду для обеих сторон туристического процесса: для туриста предоставляется неограниченный объём информации (в цифровой, облачной, ресурсной форме), которая поможет быстро найти подходящие маршруты, туристическое обеспечение (жильё, точки питания) на территории, выбранной для путешествия, а для принимающей стороны принесёт максимальную экономическую выгоду. Само понятие 共享 gòngxiǎng является популярной идеологемой современного медиапространства Китая, её происхождение связано с экономическим развитием Китая и его влиянием на мировую экономику.

Открытость Китая для мира стала благоприятной основой для развития туристической отрасли. Китай интересен миру, а мир интересен Китаю. Китай активно использует наиболее привлекательные и востребован-

[1]Кленин, И. Д. Лексикология и фразеология китайского языка. М., 1978. С.184.

ные в мировом туризме формы, и в то же время готов демонстрировать самобытные виды туризма. Китайское понимание окружающей действительности, особенности историко-культурного характера находят отражение в процессе номинации разных видов внутреннего туризма, которые с течением времени становятся интересными и всему миру. Так, появление терминов 神州旅游 shénzhōu lǚyóu – путешествие по Китаю (Шэньчжоу – название Китая в период V-III в. до н.э.), 港澳旅游 Gǎng Ào lǚyóu – туристические поездки в Сянган и Аомынь или 海派旅游 hǎipài lǚyóu – туризм по большим городам шанхайского стиля или, связанный с особенностями исторического развития, вызывающими туристический интерес большинства китайцев, как в целом к территориальным особенностям Древнего Китая, так и к некоторым его отдельным территориям (к Гонкогу, Аомыню и Шанхаю).

Термины сферы туризма представляют собой динамичную систему, ведь пополнение лексического состава языка происходит непрерывно, отражая развитие различных сторон общества, и влечёт за собой рождение новых понятий, требующих своевременного и полноценного выражения в системе данного языка для возможности осуществления полноценной коммуникации. Рост интенсивности туристических контактов и обмена опытом в данной сфере определяет успешность международного туристического взаимодействия, которое, в общем и целом, зависит от работы переводчика, соединяющего туристические маршруты и обеспечивающего проведение международных туристических мероприятий, бесперебойную работу туристических операторов. Специфика перевода, осуществляемого в конкретной области, не может не зависеть от понимания словообразовательных механизмов, действующих в соответствующей терминологической системе, следовательно, знание основных тенденций и закономерностей формирования терминологической базы может стать не только критерием переводческой компетентности, но и важным фактором интенсификации переводческого процесса, осуществляемого в специальной отрасли знаний и жизнедеятельности человека.

Литература:

1. Кленин, И. Д. Лексикология и фразеология китайского языка. / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. – М.: Издательство Военного института, 1978. – 101 с.
2. Хаматова, А. А. Словообразование современного китайского языка. / А.А. Хаматова. – М.: Муравей, 2003. – 224 с.
3. Хаматова, А. А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века. / А. А. Хаматова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 4. СС.9–13.

ЭДМОН КОТТО (1833 – 1896)

Котто, Эдмон. (Edmond Cotteau) (1833 – 1896). Профессиональный французский кругосветный путешественник. Известен рядом книг о своих путешествиях (6 книг), в том числе «Шесть тысяч миль за 60 дней» о Северной Америке (1877) и «Путешествие на Дальний Восток» (1884). В 1881 году он по поручению французского правительства был послан в научную командировку в Сибирь и Японию. Оставил описание Сибири (Бурятия, Забайкалье, Даурия), посетил ряд сибирских городов, где общался с местной научной общественностью. Читателям предлагается перевод двух отрывков из его книги «Из Парижа в Японию через Сибирь» (De Paris au Japon à travers la Sibérie. Paris, 1883). Книга была переиздана два раза, получила премию Французской академии.

Глава XII

От Верхнеудинска до Читы

(1 – 5 июля)

Я собирался выехать на следующее утро, но в Забайкалье человек предполагает, а почтмейстер располагает. Не только у верхнеудинского[1] почтмейстера не было для нас лошадей, но к тому же, несмотря на двухрублёвик, незаметно вложенный в его длань, он не мог или, скорее, не хотел сказать нам, когда же у него они появятся. На все наши требования он защищался возможным прибытием почты. По опыту зная стоимость такого предлога, я решился в сопровождении двух врачей обратиться к исправнику (ispravnik) или начальнику полиции. Этот украшенный по всем швам галунами чиновник удовольствовался беглым просмотром министерского документа и с крепким рукопожатием выразил свое сожаление и невозможность что-либо сделать для меня. Снизу доверху все чиновники поддерживают друг друга. Потребовать что-либо – дело невозможное; здесь так далеко от Петербурга, что все столичные рекомендации не стоят покровительства местного еврея.

Вот уже целых шесть дней, как я выехал из Иркутска, а добрался только до 320 километра, а мне ещё нужно проехать в тарантасе 856 до

[1] Верхнеудинск – нынешний Улан-Удэ. (Прим. пер.).

Сретенска. Амурские пароходы ходят два раза в месяц. Сегодня 2 июля, и следующее отправление будет 13-го. На дорогах от Томска до Иркутска, где лошадей достаточно, я ехал не беспокоясь. Но здесь положение не таково, я опасаюсь новых задержек, особенные сомнения вызывает тарантас, он сейчас в руках тележного мастера, занятого починкой его потрёпанного остова. Теряю драгоценное время. Опасаюсь, что десяти дней будет недостаточно, тем более что на пути два города – Чита и Нерчинск, а я хорошо знаю, что постоянно при выезде из городов больше проблем с почтой.

С другой стороны, пребывание в гостиницах абсолютно не искушает. Вкратце я выскажу свою оценку этому причудливому заведению, осмеливающемуся называться Hôtel de Paris: в нем всего не хватает, и всё по безумным ценам. Двойные окна, законопаченные снаружи и изнутри, не открываются, и, как следствие, невозможно проветрить комнату. Поскольку теперь очень жарко, в ней задыхаешься. Днём терзают чёрные рои мух, похозяйски устроившиеся на нашем жирном столе. Ночью донимают другие насекомые. Наш номер, предназначенный только для проезжающих путешественников, выходит в большой зал с бильярдом, давно расставшимся со своим родным сукном, что не мешало шумно отдыхать вокруг него городским любителям.

Две старые еврейки извлекают – надо это отметить – выгоды из этого здания, которому я не сделаю бóльшей рекламы. Сегодня суббота. В самых лучших своих платьях, вооружившись огромными очками, они читают толстую книгу, напечатанную еврейскими буквами.

Я иду с несколькими письмами на почту. Служащий, с кем я имею дело, привык расшифровывать китайские надписи, но он ничего не понимает в моих. С любопытством смотрит на мои письма и сверяется с инструкциями. Стараюсь ему объяснить, что поскольку Франция на западе, то письма, которые я ему вручаю, должны пройти по России, в чём он, кажется, не совсем уверен. Оплата за пересылку для всех стран, входящих в почтовый союз, равна 7 копейкам. Существуют конверты с марками этой же цены, такое было бы здорово установить у нас во Франции, а здесь это давно существует. Почтовая карточка стоит три копейки, таким образом, по нынешнему обменному курсу, я мог за 7 с половиной сантимов общаться с моей семьей: переписываться из глубины Сибири с Европой или Америкой мне стоило бы дешевле, чем между парижскими улицами. Должен сказать, что все мои письма или открытки, отправленные мною, исправно доходили до адресатов, хотя я и не предпринимал предосторожности отправлять их заказными, что можно сделать за двойную плату, что делают почти всегда сибиряки, чем, кажется, и показывают малое доверие к собственной администрации.

Другие путешественники, кажется, имеют причины жаловаться на русскую почту, а я счастлив отдать ей должное. Пересылка корреспонденции очень хорошо организована в Сибири, и в столь отдалённой стороне

лучше и желать нельзя. Позднее, когда я приехал в Китай, я обнаружил в почтовом отделении Шанхая письма, напрасно догонявшие меня по Сибири; они были аккуратнейшим образом перенаправлены по моим указаниям и проследовали за мною до Тяньзина (Tien-Tsin). Русский консул этого города, кому я писал по прибытии в Японию, заботливо переслал мою корреспонденцию по указанному адресу; всё прошло наилучшим образом. Я даже получил, таким образом, несколько пакетов журналов за последние 4-5 месяцев. Я не стал бы гарантировать, что все из отправленных мне журналов в них находились, так как известно, что полиция тщательно проверяет печатные отправления и пропускает через границу те, которые кажутся ей безобидными. Но это следует по внутреннему регламенту, и за что не следует обвинять администрацию почты. Я не заметил, чтобы такие предосторожности были приняты по отношению к моим письмам.

Однако, чтобы показать, с какой мелочностью проходит политический надзор по отношению к газетам, привожу следующий факт. Много номеров газеты «Тан» (Temps «Время») дошли до меня с широкими чёрными полосами, делая нечитаемыми некоторые отрывки: используя смоченный жирными чернилами тампон, замазывают так неприятные статьи, всё-таки сохраняя в остальных текстах газеты части, не вызывающие опасения.

Ещё одна примечательная деталь, незначительная, если хотите, но, может быть, имеющая в основе чувство недоверия: у русских есть привычка клеить марки на противоположной адресу стороне, создавая, таким образом, вторую печать, еще раз скрепляющую письмо.

Наконец 3-го июля в воскресенье неприступный почтмейстер решает капитулировать. С милостивым видом подходит к нам с сообщением, что наши лошади готовы, несомненно, с желанием исторгнуть за добрую весть ещё двухрублёвую бумажку, чего я остерёгся ему предложить. Погода прекрасна, удовольствие расстаться с ничегонеделанием заставляет быстро забыть неприятности предыдущих дней.

Теперь мы покидаем большую дорогу между Европой и Китаем, чтобы выйти на дорогу к Амуру, которая тянется в восточном направлении, поднимаясь немного к северу. Пейзаж существенно меняется от того, что я уже видел в Сибири. Дорога поднимается по долине реки Уды, она идёт близко к правому берегу. Толстый слой песка сильно затрудняет лошадей. Тем не менее, расстояния между почтовыми станциями (прогоны) длинны: первый прогон 35 верст, второй – 33 версты. Мы переезжаем реку Курбу. Местность довольно населена; среди обычно серой равнины зеленеют за изгородью обработанные участки. Древний лес исчез. Ни на полях, ни на берегах рек – ни деревца. Направо и налево вырисовывается двойной ряд холмов, покрытых только соснами, никакого кустарника в их тени. По обеим сторонам дороги тянется пустое пространство, огорожённое к полям.

Деревни малы и жалкого вида. Однако буряты, составляющие бóльшую часть населения, – люди состоятельные, у них много лошадей и коров. Их никогда почти не увидишь пешком: мужчины и женщины ездят на лошадях или в маленьких тележках. Те и другие одинаково в сапогах, остроконечной шапке и синем халате. Есть немного евреев. Среди русских некоторое число раскольников (raskolniks)[1]. Эти последние, переселенцы прошлого столетия примечательны суровостью нравов. Они сохранили русский тип во всей его чистоте. Их узнают по одежде красного цвета. Женщины высокого роста и хорошо сложены; их грациозный костюм еще более увеличивает их естественную красоту. Раскольники – сепаратисты, на манер английских квакеров. Они исповедуют почти те же догматы как Русская православная церковь. Различия сводятся к внешним малозначащим деталям, в более строгой дисциплине и суеверным обычаям. Они иначе крестятся и запрещают курение табака. Им пришлось в прошлом выдержать немало преследований, в результате которых множество их было сослано. Нынче им только запрещено занятие общественных должностей. Полное число раскольников, рассеянных по Российской империи, оценивается в 400 тыс. человек.

Наши возницы все буряты, в большинстве молодые парни, почти дети. Как и русские, они невероятно ловко управляются с лошадьми без помощи кнута. Их кнут представляет очень короткую палочку с верёвочкой, которая не распускается на конце. Они почти им не пользуются, ограничиваясь их размахиванием в воздухе, побуждая лошадей голосом и жестами. Впрочем, их лошадки, с вздыбленной гривой наподобие хохла между ушами, очень горячи в беге. Чтобы их остановить, достаточно произвести нечто вроде бормотания, что достигается продолжительным дрожанием губ[2]

Едем быстро и хорошо, без всяких задержек. Ночь проводим в дороге, довольно свежо. На следующий день с восьми утра жгучее солнце вынудило нас поднять откидную крышку. Дорога всё поднимается. Наш барометр-анероид показывает возрастание высот от 700, 800 и 900 метров. Встречается меньше жилья, полностью безлесная местность. Видны только бескрайние сероватые степи, где пасутся бесчисленные стада лошадей, коров и овец. Здесь нет ни одного верблюда, но, кажется, они есть немного южнее. Это животное ценится своей шерстью, которая достигает здесь, на холодных просторах, значительной длины.

До восьмой станции всё идет прекрасно, мы проехали 200 верст за сутки: это очень удовлетворительный результат. Девятый прогон оказался злополучным: сначала ужасная буря с молниями, громом и дождём как из ведра. Более того, в деревне Погроминской, куда прибываем к пяти часам, промокшими до костей, с болью удостоверяемся, что загорелась ступица в

[1] Раскольнизм (*raskonisme*) – религиозная секта греческой церкви. (Прим. пер.)

[2] Можно передать этот звук на письме: *бррру, бррру*. Чтобы ускорить лошадей, кучер кричит: *хо, хо, хоо*. (Прим. пер.).

колесе от трения оси. Кузнец требует час и два рубля на временную починку. Это происшествие не слишком нас задержало, но досадно, что это заставило в пути снимать несколько раз это пострадавшее колесо, чтобы смазывать его жиром. Вот ещё сорок рублей дополнительных расходов на мой тарантас, и это ещё не всё. Если так будет продолжаться до Сретенска, меня это устроит как нельзя лучше. Но когда я вижу жалкий вид моего тарантаса и подумаю об ужасных дорогах, где он должен проезжать, меня это нисколько не ободряет.

Во всех этих деревнях ничего нельзя поесть. Путешественник, который не взял бы с собой провизию, должен ограничить себя, питаясь только молоком. К счастью, мы взяли белого хлеба в Верхнеудинске, и у меня остался ещё приличный кусок сыра – грюера, изготовленного в Москве, но купленного в Иркутске за 8 франков килограмм. В этой скотоводческой стороне, где я поминутно встречал бесчисленные стада коров, нельзя даже достать масла. Буряты не умеют его приготовлять, как и сыр, к которому они, как большинство азиатов, не имеют вкуса. У них огромные стада, но они употребляют совсем немного молока, да и то в свежем виде. Нельзя ли здесь на этом заняться коммерческими расчётами по производству?

Эта вторая ночь решительно холодна. Дорога становится всё отвратительнее. Она идёт на высоте 1 километра.

На следующий день дорога стала прямо отвратительной. Нужны такие лошади, как у нас, и такие извозчики, как буряты, чтобы выбраться из подобных мест на перегонах в среднем от 32 до 36 километров.

Пейзаж сменился ещё раз. Лиственничные леса, черноземье, пастбища, цветы на них, напоминают мне пейзажи по иркутской дороге.

Эта область примечательна с гидрографической точки зрения. Перед нами вырисовывается цепь гор Станового хребта, восточный склон которого принадлежит к бассейну Амура. Ручьи, которые текут справа от нас, направляются в Енисей, ручьи слева текут в Лену. Линия водораздела между двумя реками разграничена нечетко; она часто неясна среди болот и прудов, образованных водами, стекающими с западного склона Станового хребта. Так мы только что проехали у истока Уды, устье которой я видел в Верхнеудинске; ручей, который пересекает дорогу немного далее, течёт к северо-востоку, это река Конда, которая впадает в Витим, приток Лены. Часом позднее, всё ещё на том же плато, рядом со станцией Беклемишевская, вырисовывается большое озеро, из которого вытекает река Хилок, приток Селенги. Мы то въезжаем, то выезжаем из одного бассейна в другой, не подозревая об этом.

В этой последней деревне, превосходно расположенной посреди великолепных прерий, где скот наполовину скрывается пышной растительностью злаковых растений, мы не можем добыть кружки молока, что до кваса, то уже давно мы и не спрашиваем. На широких водных просторах по соседству не видно ни одной рыбацкой лодки.

Зимой на высокогорье выпадает так мало снега, что буряты оставляют там пастись свой скот и гонят его в долины, где сохранилась трава.

Если я страдал от холода этой ночью, то после обеда жара была действительно тропическая. Новое мученье присоединилось к комарам: огромные слепни, почти размером с наших майских жуков, но подлиннее, набрасываются на наш тарантас и гонятся за нами. Никогда я не видел подобного количества. Несмотря на устроенное им ужасное побоище, число их непрестанно увеличивается. Эти насекомые появляются только на солнце, чем оно более обжигает, тем упорнее они нападают.

Пейзаж становится очень живописен. Дорога уже некоторое время углубляется в лес, поднимаясь всё выше и выше; она достигает перевала Станового хребта на высоте, которая, по моему барометру, должна быть 1200 метров, затем она быстро спускается на противоположный склон. У моего тарантаса в качестве тормоза конец верёвки, которым препятствуют вращению колёс. Весь огромный вес его давит на среднюю лошадь, ту, которая между оглобель. Много раз я видел, как отважное животное в подобных обстоятельствах упирается задом для удержания повозки в неодолимом скольжении вниз, и самого скользящего вниз, упираясь всеми четырьмя ногами на самых трудных местах. Когда ямщик замечает, что бедное животное уже без сил, он направляет повозку зигзагом по дороге, или ищет, рядом с дорогой, место, более подходящее для опасных движений.

С этих высот раскрывается вид на весь горизонт степей, усыпанный округлыми озерками. Это огромная панорама, бесконечная, как океан, прекрасный зелёный цвет которого освещён солнцем, что не ожидаешь встретить в Сибири под восхитительно чистым небом.

На семнадцатой и последней станции нам было затруднительно получить лошадей. Мы потеряли там пару часов, после чего, было решено дать себе отдых.

Вечер восхитителен. Мы несёмся во всю прыть и без толчков на ровной поверхности, покрытой мягким травяным ковром. Весёлый перезвон колокольчиков один нарушает тишину природы. Полосатые столбы – указатели верст, быстро исчезают за нами. Мы приближаемся к Чите. Всё, кажется, идёт к лучшему. Увы! Мы терпим неудачу в самом конце пути.

В тот самый момент, когда мы поздравляли себя со счастливым преодолением за двое с половиной суток 476 километров, отделяющих Верхнеудинск от Читы, крестьянин, которого мы повстречали на дороге, сообщил нам плохую новость. Нам придётся пересечь вброд Читу, эту реку, приток Ингоды, вдоль обрывистых берегов её мы ехали некоторое время. Она сильно разлилась после последних дождей. Сомнительно, что мы можем её переехать.

Ночь темна. Я волнуюсь и ещё надеюсь. Вот первый мост, который мы переехали беспрепятственно. Затем большой остров. Тарантас останав-

ливается на противоположном берегу; мы слышим грозный шум волн, которые несутся со скоростью потока и разбиваются с шумом о препятствие, которое в темноте мы не можем разглядеть. Тем временем ямщик распрягает лошадь, садится на неё и отправляется измерить глубину реки. Через несколько минут он возвращается, заявляя, что переезд совершенно невозможен.

Остров, куда нас забросила судьба, находится перед Читой: полдюжины домов создают на нём некое предместье города. Ямщик нам указывает на один, более приятного вида, чем другие, как место, где мы можем найти кров на ночь. Это не гостиница, это собственность простого жителя, но в Сибири, путешественник, просящий гостеприимства, всегда уверен, что будет хорошо принят.

Мы стучимся в дверь, соседские собаки поднимают ужасный лай. Старушка открывает нам дверь и ведет к хозяину дома, он совсем не проявляет нам свой плохой нрав за причиненное ему беспокойство в неподобающий час, немедленно встаёт и предоставляет в наше распоряжение большую, очень чистую комнату, но лишённую всякого подобия ложа. Для нас разжигается самовар. Мы заносим наш багаж и, выпив предложенное нам молоко с чаем, устраиваемся на полу для сна. <...>

От Сретенска до Благовещенска

12-17 июля

Сретенск ни много ни мало большая деревня, лучше построенная, чем другие. Но для меня она чрезвычайной важности; уже задолго я мечтал о ней. Она должна была положить конец моему путешествию в тарантасе. С этого момента непрерывный водный путь связывал меня с Европой. Мне оставалось только мирно отдаться течению Шилки и Амура до Николаевска при желании достигнуть берегов Тихого океана. Меня тешила эта мысль, и я бы был полностью счастлив от такой перемены, если бы не досадная позавчерашняя неприятность[1].Тяжёлый перегон накануне растравил мою рану, и я был приговорён почти к полной неподвижности, усугубляемой по временам приступами боли.

Единственное место, предназначенное для путешественников, ожидающих отплытие, напыщенно называлось *Вокзал* (Vauxhall). Нет необходимости упомянуть, что он ничем не походил на учреждения с подобным названием, какие встречаются в некоторых наших больших городах. *Вокзал* Сретенска состоял из низенького помещения, в котором была бильярдная с несколькими столами и маленькими комнатками вокруг. Та, которая была предоставлена нам, имела пару табуреток и едва места для двух узеньких кроватей. Хозяин, как всегда, ссыльный поляк, царил за

[1]Автор имеет в виду, что на одной из станций он был покусан собакой. (Прим. пер.).

стойкой буфета, отпуская нам по драконовской цене рюмки ликёра и фальсифицированного вина и неизбежные закуски (*zakouska*). Можно было заказать и более существенную еду. Однако меню без малейшего разнообразия: котлеты и ростбифы представлены в нём, но известно, что в Сибири так называются в чрезвычайно расширительном смысле катышки мелко порубленного или молотого мяса и кусочки вареной говядины, плавающие в густом супе.

Здесь Шилка, образованная слиянием Онона и Ингоды в 150 верстах вверх по течению, достигает ширины 600 м. Это главный приток Амура, она начинает так называться пятьюстами верст выше, получив воды Аргуни в Усть-Стрелке[1]. Нынешний Сретенск стал главной отправной точкой навигации по Амуру. Здесь зимует большинство русских пароходов, и находятся торговые склады, строительство и ремонтные мастерские морского флота. В многоводные годы лёгкие, специально построенные пароходы могут подниматься до Нерчинска, и даже, как это бывало, до Читы; ныне же правильное речное сообщение останавливается в Сретенске. Два раза в месяц пароходы компании, пользующиеся финансовой поддержкой государства – «Амур» и «Уссури» – перевозят почту, пассажиров и товары до Хабаровки, что находится в 2017 верстах вниз по течению. Их график плавания состыкован с пароходами, обслуживающими нижнее течение Амура и подымающимися по Уссури. Девять дней суда идут по течению, а пятнадцать – вверх по течению. Навигация останавливается ледоставом на шесть месяцев и возможна с конца апреля до первых дней октября.

Перевод с французского Николая Епишкина

[1] Усть-Стрелка – забытый казачий острог, место слияния крупнейших забайкальских рек Шилки и Аргуни, место, где начинается река Амур. (Прим. пер.).

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ИРЭН ФРЭН (род. в 1950 г.)

Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ В СИБИРЬ

Сегодня в нашей рубрике «Эпистолярное наследие декабристов» мы начинаем публиковать страницы нового романа известной французской писательницы Ирэн Фрэн (Irène Frain) «Я последую за тобой в Сибирь» («Je te suivrai en Sibérie»). Книга вышла в свет 19 сентября 2019 года во Франции в издательстве Paulsen (Польсэн). Произведение посвящено истории одной француженки, Полины Гебль, ставшей русской по воле судьбы, по зову любящего сердца, принявшей в православии русское имя – Прасковья Егоровна Анненкова, чтобы стать женой и разделить судьбу ссыльнокаторжного декабриста Ивана Александровича Анненкова, приговорённого к 15 годам каторжных работ за участие в восстании 14 декабря 1825 года.

Об их романтической истории, всепобеждающей любви и нелёгкой судьбе мы рассказывали уже в одном из предыдущих номеров журнала «Переводчик»[1].

Название нового романа «Я последую за тобой в Сибирь» можно считать символическим. Когда незадолго до восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге Иван Анненков признался Полине, что грядут события, за участие в которых его ждёт Сибирь, она произнесла, что последует за ним повсюду. А позднее, узнав, что любимый находится в заточении в Петропавловской крепости и вскоре будет отправлен на каторгу в Сибирь, она заплатила унтер-офицеру 200 рублей, чтобы передать через него своему возлюбленному медальон с запиской: «Я поеду с тобой в Сибирь».

Когда Ирэн Фрэн приняла решение написать роман о Полине Гебль, она начала искать любые сведения о героине своего будущего произведения. Находясь в Лотарингии, на родине Полины, в церкви, где Полина принимала первое причастие, преклонив колени, Ирэн громко произнесла под сводами храма: «Полина, я последую твоим путём. Я последую в Россию, в Сибирь». Как Полина, так и Ирэн выполнили свои обещания – побывали в Сибири, в Чите.

[1] Журнал «Переводчик» № 8, 2008. СС. 150-161. (Прим. пер.).

Ирэн Фрэн – доктор классической филологии, известная французская писательница, журналист, автор более 25 романов и исторических сочинений, многочисленных статей и эссе. Произведения Ирэн Фрэн удостоены различных литературных премий, среди которых Палатинская премия, Премии Бретани, Премия морской академии. Также она является кавалером ордена Национального достоинства Франции (2016 г.). Произведения Ирен Френ переведены на многие языки мира. 4 романа переведены на русский язык. Среди них роман «Набоб» (1982 г.), тираж которого только во Франции составил почти 2 миллиона экземпляров и принёс ей поистине всемирную славу. Роман «Клеопатра», который в оригинале носит название «Неподражаемая», также переведён на русский язык и издан в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), где, как известно, печатают только наиболее выдающиеся произведения.

Одна из важнейших тем произведений Ирэн Фрэн – это женская тема. Она посвятила свои романы таким величайшим женщинам, известным во всём мире, как Клеопатра, Мария Кюри, Симона де Бовуар и др. Теперь она открыла миру Полину Гебль-Анненкову.

Но сначала нужно было открыть, понять Полину для себя. Когда была собрана французская часть материала, в Лотарингии, где родилась и провела своё детство и отрочество Полина, стало понятно, что нужно ехать в Россию, по следам Полины. Тем более что чем далее автор углублялась в изучение материала, тем больше возникало вопросов: «Какой была эта дерзкая женщина со столь сильным характером, что осмелилась бросить вызов царю Николаю I?». «Что чувствовала она как мать, вынужденная оставить своего первого ребёнка в Москве, чтобы отправиться за своим любимым на каторгу?». «Какая неведомая сила влекла её в Сибирь, в изгнание, в неизвестность?».

Сама Ирэн тоже оказалась женщиной с сильным и стойким характером, и после посещения Москвы и Санкт-Петербурга она твёрдо решает, что её путь, также как и Полины, лежит в Сибирь, и прежде всего в Читу. И вот 25 июня 2018 года вместе со своим верным спутником, супругом Франсуа, преодолев расстояние в 8000 км, по маршруту Париж–Москва–Чита она прилетела в столицу Забайкалья. Все три дня их пребывания здесь были наполнены встречами, дискуссиями с краеведами, совместными размышлениями, посещением памятных мест. Для гостей из Франции было приятным открытием, что в Чите, а потом и в Петровском Заводе, так хорошо сохранена память о декабристах и их жёнах, что память о них жива и преумножена усилиями местных краеведов, исследователей, гидов. Посещение государственного архива Забайкальского края, Церкви декабристов, краеведческого музея, фонда редкой книги Пушкинской библиотеки произвело неизгладимое впечатление на писательницу. Она не ожидала почерпнуть здесь столько нужного и порой неожиданного материала, как например, подлинные архивные документы почти 200-летней давности,

хранящие дух ушедшей эпохи, аромат истории и факты из жизни дам былых времен.

Далее путь писательницы лежал в Петровский Завод, Иркутск, Урик и завершился в Нижнем Новгороде, где Ирэн Фрэн поклонилась праху своей отважной соотечественницы, возложив цветы на фамильное захоронение Анненковых. Таким образом, весь путь был пройден, материал собран, и в кратчайшие сроки, а именно через один год и два месяца, имя Полины, а вместе с ней и все места её пребывания, включая Читу, увековечены в достойном произведении известной во всём мире писательницы.

Роман издан на 478 страницах, состоит из девяти глав, библиографии и благодарностей тем людям, с которыми она встречалась, и кто своим «захватывающим освещением» (И. Ф.) помогал ей собрать необходимые сведения и детали для её романа. Из этих девяти глав две – VII («La Bande de Tchita» в переводе – «Читинское сообщество») и VIII («L'Enfer» в переводе – «Ад») посвящены пребыванию Полины и её мужа, равно как других декабристов и их жён, в Чите и Забайкалье. В общем соотношении эти две главы составляют почти 30 % всего произведения.

Мы начинаем именно с этих глав. Тем более что от Ирэн Фрэн нами получено разрешение на перевод и публикацию перевода в нашем издании.

Людмила Эмирзиади

Глава VII

Читинское сообщество

ПОЛИНЕ ГОВОРИЛИ: Чита ни на что не похожа и там ничего нет. Нет даже тени какого-нибудь магазинчика. Просто россыпь деревянных домов, полностью окружённых частоколом. И единственная улица – та, которая ведёт к каторжной тюрьме. Широкая, прямая, тупиковая.

В пятистах метрах от её начала бревенчатая церковь. В глубине, за тюремными постройками, крепость, которая сотни лет упорно ждёт вымершие армии.

Время от времени среди домов неожиданно появляется кочевник на лошади. Он трясёт овечьими шкурами, чайными шариками. Двери открываются. Он продаёт туда несколько штук и уезжает, как и приехал, полным ходом. В Китай, в Монголию? Это никого не интересует. Все границы неопределённы, также как и перерывы во времени.

С момента прибытия Полины Иван попросил Лепарского[1] установить дату их свадьбы. Тот ответил ему, что это не может произойти ранее,

[1]**Лепарский Станислав Романович** (1754-1837) – генерал, одно из доверенных лиц Николая I. С 1827 года комендант Нерчинских рудников, а затем Читинского и Петровского острогов. К декабристам и их жёнам относился гуманно, что отмечено почти во всех декабристских мемуарах. Благожелательное от-

чем через месяц. Великий пост, ни один священник не захочет их соединить.

Полина больше не знает, ни где она находится, ни кто она. На документах, которые её заставляет подписать комендант, её называют Полина Гёбль вместо Полины Жёбль. И если она намерена выйти замуж за Ивана, она должна принять русское имя. Кто-то, несомненно, поп, решил, что она будет Прасковья. Она ненавидит это имя. После её бракосочетания к нему присоединят имя её отца, Георгия, русифицированное и феминизированное. Прасковья Егоровна, так будут её называть, когда захотят выразить уважение.

Пока всё не так. Её новые спутницы, поскольку она не замужем, называют её «мадмуазель Поль», как во времена, когда она была продавщицей.

Солдаты и жители деревни, те поступают проще всего. Они называют её *чужестранка*. Это одно из тех русских слов, которое она знает лучше всего.

*

Полина держит дистанцию с женщинами. Она отмерила это расстояние так же, как она пользуется ножницами, очень точно. Достаточно близко для проявления вежливости, достаточно далеко, чтобы не задавали вопросов.

Она предпочитает слушать, наблюдать, быть себе на уме. Это легко, женщины всегда выражаются по-французски. Часовые и охранники ничего не понимают, ни единого слова. Говорить по-французски здесь – значит сопротивляться.

Их семь. Жизнь не бывает плагиатом только романов. Рассказов то же. Все княгини и графини. И всем менее тридцати

И всем менее тридцати, кроме Сандры[2], тридцать восемь. Самые молодые Наталья[3] и Мария[4.], двадцать три, и Александрина[5], двадцать четыре.

ношение Лепарского к декабристам может быть объяснено следующими причинами: влияние знатной родни декабристов и понимание самим Лепарским, что его роль как тюремщика декабристов должна получить оценку со стороны современников и потомков. (Прим. пер.).

[2] **Сандра – Ентальцева Александра Васильевна** (1783-1858), жена декабриста, члена Южного общества подполковника артиллерии А. В. Ентальцева. На самом деле на момент её приезда в Читу, ей было уже 44 года. (Прим. пер.).

[3] **Наталья – Фонвизина Наталья Дмитриевна** (1803-1869) – жена декабриста генерал-майора М. А. Фонвизина, члена Северного общества, осуждённого по IV разряду; последовала за мужем в Сибирь, после его смерти (в 1854 г.) вторично вышла замуж за декабриста И. И. Пущина. С юных лет и до конца жизни в Фонвизиной были сильны мистические настроения. (Прим. пер.).

[4] **Мария – Мария Николаевна Волконская** (1805-1863). (Прим. пер.).

[5] **Анни – Муравьёва Александра Григорьевна** (1804-1832) – жена декабриста Н. М. Муравьёва. Через неё А. С. Пушкин передал декабристам своё «Послание в Сибирь». (Прим. пер.).

Трое других примерно её возраста: Каташа[1], двадцать восемь лет, Александра[2], двадцать семь, Елизавета[3], двадцать шесть.

Из этих семи четверо оставили маленьких детей в европейской России. У Каташи нет детей, у Сандры и Елизаветы тоже. Они мечтают, тем не менее, стать матерями. Их дети родятся крепостными, им будет запрещено носить имя их отца, они будут зависеть от доброй воли царя, но они всё подписали, закрыв глаза.

Первая женщина, которая высадилась в этой затерянной дыре, была Сандра. Она прибыла в мае месяце прошлого года. Затем, в конце лета, повозка Александрины появилась на улице, ведущей к каторжной тюрьме, а вскоре, в разгар красивой осенней поры, за ней проследовала двуколка Каташи и Марии, которые прибыли не из Москвы, а из Нерчинского Завода, где в течение десяти месяцев они были рядом со своими мужьями, чахнущими в шахтах. Царь опасался, чтобы преждевременная смерть не сделала из них мучеников. Как только он узнал, что заключённые слабеют здоровьем, он попросил переместить их под более милостивые небеса. Советники предложили ему Читу. Отличный климат, подсказывали они, и шахты в изобилии. Николай счёл такое сочетание идеальным. Там ссыльные истощатся, но медленно, и когда они наконец умрут, то будут совершенно забыты.

Кроме холода – зимой ниже сорока – долина Читы на самом деле очень здоровая. Мало снега, много солнца. С другой стороны, советники царя ошиблись. Ни в окрестных горах, ни в степях, простирающихся до монгольской границы, ни одной шахты. Они располагали замечательной сетью доносчиков, но их осведомители по части геологии были ничтожны.

*

Мария и Каташа очень близки между собой. В Нерчинском Заводе они делили один и тот же дом и один ад. Окна их избы были защищены только пергаментом из рыбьей кожи. Всю зиму их волосы покрывались инеем. Летом их мучили тучи клопов. Они никогда в жизни не занимались стиркой, а тут вынуждены были научиться.

---

[1] **Каташа – княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая** (1800-1854), урождённая графиня Лаваль, жена декабриста С. П. Трубецкого. Её отец, Жан Франсуа Лаваль (Иван Степанович) – французский дворянин, эмигрировал в Россию во время французской буржуазной революции, принят на службу при царском дворе. (Прим. пер.).

[2] **Александра – Давыдова Александра Ивановна** (1802-1895) – жена декабриста В. Л Давыдова, полковника в отставке, члена Южного общества. (Прим. пер.).

[3] **Елизавета – Нарышкина Елизавета Петровна** (1802-1867) – урождённая графиня Коновницына, дочь известного участника Отечественной войны 1812 года – генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, жена декабриста, члена Северного общества, полковника М.М. Нарышкина. Последовала за мужем на каторгу в Сибирь. (Прим. пер.).

К концу их пребывания из-за нехватки денег они питались только гречневой кашей и квасом – разновидностью пива на основе хлебной закваски. Они не привезли с собой иглы; для того чтобы чинить рубашки и штаны своих мужей, они вынуждены были шить, как местные крестьянки, при помощи рыбных костей.

Они справлялись. Их присутствие внушало надежду мужьям и десятку мятежников, которых царь приговорил к работам в Нерчинских рудниках; другие были направлены в Читу. С другой стороны, их самих никто не поддерживал. Они часто пребывали в отчаянии. Когда они проходили мимо кладбища, то говорили себе, что закончат свои дни здесь.

Мария, чтобы отогнать чёрные мысли, пересказывала Евангелие мальчишкам и поддерживала простых заключённых, нуждающихся. Когда она уже не выдерживала, то играла вальсы на клавикордах, которые её сестре удалось впихнуть в одну из её повозок накануне отъезда из Москвы. Китайская граница была всего в нескольких километрах. Иногда, чтобы забыться, она скакала туда на лошади, которую купила себе. Она немного нарушала и одной ногой пересекала границу, повод сказать себе: «Я побывала в Китае». Ребячество. Это помогало ей держаться.

*

У полупрозрачной и импульсивной Александрины тоже было много смелости. Перед её отъездом из Москвы Пушкин доверил ей передать стихотворение «секретным» – это название, которое отныне присвоено повстанцам 14 декабря. Она осознавала риски. Если бы её схватили, поэт был бы брошен в крепость, считайте повешен. А она в любом случае оказалась бы под домашним арестом, кто знает, в каком одиночестве, где бы она умирала, никогда не увидев более ни мужа своего, ни детей.

Александрина приняла вызов. Привезти на край света послание Пушкина её воодушевляло. Она спрятала стихотворение под накладными косами, которые были уложены на её голове в виде короны. В Чите, как только она смогла, она незаметно передала его своему мужу.

Это был момент, когда маленькое тюремное сообщество начало распадаться. Благодаря стихотворению Пушкина люди успокоились.

Они знают теперь это стихотворение наизусть. Если теряют мужество, то пересказывают его в унисон.

*

«Во глубине сибирских руд, храните гордое терпенье […]. Надежда в мрачном подземелье разбудит бодрость и веселье […]. Свобода вас примет радостно у входа…».

Я представляю, что это стихотворение днём и ночью сопровождало женщин, устроившихся перед дверями тюрьмы. Я не нашла этому подтверждений, но мне хочется думать, что они рассказывали его наизусть, когда собирались вместе. Например, в доме Александрины, после посещения своих мужей, когда они успокаивались от тепла неисчерпаемого самовара.

Хотелось бы ещё думать, что женщины переводили его Полине в течение длинных недель, предшествующих свадьбе. Но я сомневаюсь в этом. На тот момент они не чувствовали себя из одного мира.

Полина тоже. Это не было только по причине их «мадемуазель Поль». Со средних веков генеалогические деревья её новых спутниц переплетались не менее, чем по четыре или пять раз. Они обучались в одних и тех же пансионах, танцевали на одних и тех же балах, под руку с кавалерами, которые становились мужьями других. Хотя бы Каташа: сколько вечеров она вальсировала с Анненковым в его дворце в Санкт-Петербурге? Она уже не помнила. Междусобойчик, затерявшийся на этом краю света, оставался нерушимым.

В тюрьме, помимо своих мужей, почти все семь женщин имели на своём счету кузена, деверя, дядю по браку, бывшего ухажёра.

Мария за три месяца до этого как-то воскликнула: «Мы, женщины, мы представляем нечто похожее на одну семью, и мы открываем объятия друг другу. Это невероятно, что общее несчастье может сближать людей!». Только можно ли было включить в число этих «своих людей» девушку, которая менее трёх лет назад продавала им платья и шляпки? И прежде всего, в поисках чего приехала сюда эта француженка? Доброй репутации? Денег? Чего-то другого? Чего тогда? И что именно она пережила с Анненковым? Что-то ускользало от них.

*

На их «мадемуазель Поль», Полина отвечает на французский манер, очень любезно «мадам Волконская», «мадам Трубецкая», «мадам Нарышкина», «мадам Фонвизина», «мадам Давыдова», «мадам Муравьёва», «мадам Ентальцева». Но она не сдаётся. Она убеждена: эти дамы знают сплетни, которые преследуют её с той поры, когда она встречалась с царём. Если последние из прибывших, Наталья и Александра, ничего об этом не сказали, то их служанки, несомненно, говорили, и молва дошла до их ушей.

Так что пока следует остерегаться. Вежливо принимать чашки чая, которые они предлагают, такие же прелестные и изысканные под низкими потолками их бревенчатых домов, как в их просторных салонах Санкт-Петербурга и Москвы. И им позволять приходить. Другим подавать руку. В противном случае обходиться без этого.

Как только Лепарский назначает дату свадьбы – это произойдёт 4 апреля, объявляет он – мистическая Наталья начинает действовать. Полина только что узнала, что перед церемонией, которая будет проходить в соответствии с православным ритуалом, она должна найти «посажёную мать». Та будет встречать её на пороге церкви и преподнесёт ей, в качестве добрых пожеланий счастья, икону, которую новобрачные сохранят до самой смерти. Наталия без промедления предлагает себя. Тронутая этим, Полина уступает.

Затем Елизавета, такая высокомерная в день, когда они встретились у Александрины, предлагает ей свечи, которые согласно ритуалу, всегда должны освещать церковь во время церемонии. В Чите было трудно со свечами, Полина оценила значимость подарка. Вторая ниточка завязывается.

Это сговор? Другие женщины дают понять Полине, что утром великого дня все они будут присутствовать. Они привезли в Сибирь только очень простые платья, но они нарядятся в самые красивые из них.

Лепарский тоже хлопочет. Его возможности для маневров ограничены. Он боится обнаружить шпионов среди своих офицеров. Они донесут на него имперской полиции при первом же неверном шаге. Тем не менее, он предлагает Полине свою личную карету – она, несомненно, единственная в Чите. Полина поедет в ней вместе со своей посажёной матерью. А он будет ждать её возле церкви. Он возьмёт её под руку, чтобы сопроводить внутрь святилища. И даже если Полина поклялась ненавидеть его до последнего вздоха, она уступает.

Затем комендант сообщает Полине, что купил икону, которая понравилась ему как католику и которую он преподнесёт ей в момент, когда она будет выходить из кареты. Этим жестом он официально выступит посажёным отцом.

К его великому изумлению, Полину это взорвало. Карета, да, его рука, чтобы войти в церковь, она этого хочет. Но публичное благословение тюремщика её будущего мужа, это уже другой вопрос.

Лепарский мог вспылить, взять свои слова обратно, раз так, никакой кареты и выпутывайтесь сами, как знаете, чтобы раздобыть человека, который повёл бы вас к алтарю. Он предпочёл проглотить обиду. Он пошлёт ей свою карету, он возьмёт её под руку.

Двое заключённых, которых Иван выбрал в качестве свидетелей, его лучший друг Пётр Свистунов и Александр Муравьёв, деверь Александрины, захотели хорошо выглядеть. Чтобы отвлечь внимание от их изношенных до ниток брюк и закрученных спиралью редингот[1] – они носили их

[1] Рединготт – разновидность костюма для верховой езды, нечто среднее между пальто и длинным сюртуком с прямыми полами и шалевым воротником, двубортный, с прилегающим силуэтом и разрезом сзади, иногда дополнялся пелериной. (Прим. пер.)

практически каждый день в течение 18 месяцев, – и пожелали, чтобы Полина изготовила для них белые галстуки.

Она удостоила себя чести принять вызов. Она привезла в своём багаже комплект носовых платков из батиста. Несколько искусных швов, немного крахмала, чтобы накрахмалить галстуки, и трюк был исполнен.

С другой стороны, ничего неизвестно о наряде Ивана. Ни о наряде Полины. Ольга, видимо, спросила об этом. В её рукописи есть приписка, которая могла быть ответом на вопрос. «На мне было платье из перкаля[1]». Более ни единого слова. Невозможно сказать своей дочери, что она выходила замуж не в белом.

*

Это платье в Забайкалье не перестаёт быть пищей для народного воображения. На *магните,* который я купила в церкви Читы и который теперь красуется на дверце моего холодильника, Полина одета в красное платье, украшенное высоким воротничком из белого кружева. Она подобрала его к бежевому капору, и украсила для этого случая короткой прозрачной вуалью и элегантным белым бантом. Грациозная и сдержанная одновременно, она приближается к Лепарскому, одетому в церемониальный костюм с тяжелой чёрной накидкой и треуголку с пером. Он лишь участник массовки, и представлен со спины.

Иван в центре внимания. Он стоит рядом с Полиной, держится прямо, в своём скромном пелиссе[2], отороченном овечьим мехом, на голове странная шапка из того же материала; возможно, это шапка кочевника. Со своими маленькими круглыми очками в золотистой оправе он отдаленно напоминает Джона Леннона.

Когда я обнаружила этот магнит и другие современные изображения свадьбы Полины – они изобилуют и часто являются произведениями молодых студентов, впечатлённых историей двух влюблённых – один пунктик меня поразил: Иван и Полина постоянно изображены рядом друг с другом и перед церковью. В действительности Ивану было разрешено входить в церковь только в тот момент, когда солдаты, которые его сопровождали, были уверены, что Полина уже вошла туда. Пока у них не было такой уверенности, они держали Ивана и его шаферов на приличном расстоянии. Ни за что нельзя было допустить, чтобы жители деревни видели их вместе. Их история тревожила.

---

[1] Перкаль – коленкор, тонкий хлопок. (Прим. пер.).

[2] Пелисс – верхняя одежда, с рукавами или без них, изготавливалась из разных материалов и носилась поверх платья. (Прим. пер.)

Времена изменились. В Чите это больше никого не волнует. Здесь все видят в их союзе необыкновенное завершение безмерной страсти, в которой заключены стойкость и сила. Отсюда изображение новобрачных вместе и перед церковью. Так рождаются мифы, которые не столько сохраняют в памяти события, а скорее упорядочивают их. Этот день, 4 апреля 1828 года, для Ивана и Полины был на самом деле одним из самых душераздирающих и унизительных дней в их жизни.

УТРОМ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ всё выглядит хорошо. Лепарский держит слово, он отправляет карету за Полиной. Наталья у неё. Они садятся в экипаж.

Пятьсот метров, и обе женщины в церкви. Толпа собралась возле крыльца. Все жители Читы здесь. Лепарский ждёт её.

Он спешит, чтобы помочь ей выйти и проявляет знаки почтения. Однако отсылает свой экипаж. Полина понимает, что должна будет возвращаться пешком.

Наталья исчезла. Выйдя из кареты, она тотчас проскользнула в церковь. Лепарский завладевает рукой Полины и увлекает её внутрь здания. Передняя пуста. У них обоих едва ли была возможность бывать в православном храме. Они также не знали, что в Сибири одна церковь может входить в состав другой. На этаже летняя часовня, а внизу – зимняя.

После минутного колебания Лепарский замечает, слева трухлявую лестницу. Думая, что она ведёт в зал, где будет проходить церемония, он идёт по ней. Полина следует за ним. Комендант толстый, страдающий одышкой; лестница узкая. Он изо всех сил пытается подняться по ней, и только уже наверху он понимает: свадьба будет проходить внизу.

Они спускаются. Лепарский прикладывает ещё больше усилий, чем когда поднимался. Полине и ему потребовалось время, чтобы снова оказаться внизу. Они входят наконец в зимнюю церковь, маленький побелённый зал. Комендант так взволнован, а Полина так смущена, что все взрываются хохотом. Затем, пока нет Ивана, разгораются шутки.

У неё есть чувство юмора, она воспринимает это хорошо. Она также радуется внутреннему убранству церкви. Елизавета пришла заранее, чтобы расставить свечи вокруг икон. Освещение превосходное, можно было подумать, что она занималась этим всю свою жизнь. Другие женщины тоже здесь, кроме Александрины, которая накануне узнала о кончине своей матери. Её присутствие могло принести несчастье новобрачным.

Полина всё это рассматривает, когда слышится грохот металлических предметов, доносящийся из передней. Православная религия запрещает доступ в свои храмы людям, закованным в цепи. Прежде чем жених и его шаферы переступили порог святого места, с них сняли кандалы.

О церемонии известно немного. Присутствующим претило рассказывать об этом, и Полине тоже – она так никогда и не призналась дочери, что этот день был одним из самых тягостных, которые она прожила. Поп не посчитал нужным пригласить певчих, – сочла она сообщить. Он ограничился чтением молитв.

Иван и она, как принято, обменялись ли они бокалом вина? Лепарский и Наталья, держали ли они ритуальную корону над их головами? Всё заставляет думать, что нет: Мария в своих мемуарах упоминает церемонию «под мрачными предзнаменованиями». Новобрачные наверняка не обменялись кольцами: тюремные правила запрещали заключённым носить малейшее обручальное кольцо или перстень. Церемония была очень короткой. Как только поп промолвил последнее благословение, новобрачные вышли в переднюю, солдаты поспешили к Анненкову, заковали его в цепи и препроводили без задержки в тюрьму.

Лепарский исчез. Если бы женщины не окружили Полину, она бы возвращалась одна.

*

Этот путь от церкви к её дому мне кажется существенным. Будучи вместе с ней, не говоря ни слова, женщины дали понять Полине, что она одна из них, навсегда.

Они продумали заранее этот жест, и, как на манифестации, хотели продемонстрировать, что они объединились в тесно сплочённую группу. Александрина, несмотря на свой траур, захотела к ним присоединиться.

Полина в этом не ошибается. Она сохранит об этом такое же живое воспоминание, как и о брачной церемонии. И она не упустит возможности упомянуть: это было в первый раз, когда будущее читинское сообщество оказалось в полном сборе.

Этот союз закрепляется окончательно, когда маленькая группа приходит к ней домой. Полина приглашает своих спутниц выпить чаю. Комната, которая заменяет салон, очень скудная. В ней всего два или три стула. Её гости в тесноте. Каждая пристраивается, как может. Некоторые присаживаются на сундуке.

Теснота, это хорошо, она избавляет женщин от корсета внешних приличий. Они ошеломляют Полину вопросами. Для неё это как бальзам на сердце.

Она заставляет себя, тем не менее, держать дистанцию, и таким образом хочет доказать другим, что она не авантюристка, что она не кривляется. Семь женщин понимают её, но это их раздражает. Когда они уходят, они ругают себя за то, что сказали ей: надо быть проще. В Чите жизнь трудная. Если она будет тратить свою энергию на жеманство, она не выдержит.

*

Лепарский винит себя. С одной стороны, приказы из Санкт-Петербурга, а с другой, его совесть, которая подсказывает ему: эти двое новобрачных, нужно, чтобы у них было время побыть наедине. В конце концов, эта маленькая француженка без семьи проделала такой путь, чтобы выйти замуж за человека, которого она любит.

Он наконец решает разрешить. Сегодня после полудня, он разрешит им увидеться. Заключённого приведут к его жене, и он останется у неё на полчаса. Что такое полчаса? Будет интересно посмотреть, как ему погрозят пальцем за такую безделицу.

Он велит сообщить им эту хорошую новость. Солдаты отводят Ивана к Полине, снимают с него цепи, стоят на страже перед домом, как будто туда завели свирепого зверя, и тридцать минут спустя стучат в дверь, затем снова сажают в тюрьму в кандалах.

С наступлением вечера новая буря в голове коменданта: несчастные, у них не было брачной ночи. О чём думали они, каждый в своей кровати?

Решение принято: завтра, в порядке исключения, молодожёнам будет предоставлено два часа, чтобы побыть наедине. Это будет происходить у Мадам.

И тем хуже для царя, есть же какие-то пределы. Он позволил им пожениться, этим молодым, не станет же он всё-таки мешать им целоваться.

/Из книги Irène Frain «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

УГОЛОК ПОЭТОВ. *«Пролегло междуречье между речью и речью…»*

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

В этом выпуске журнала «Переводчик» мы знакомим наших читателей с поэтическим творчеством одного из наших постоянных авторов – Ирины Фещенко-Скворцовой (Португалия).

Ирина – член Союза российских писателей с 2004 г. и Международной ассоциации писателей и публицистов с 2013 г.; литературный критик, автор многих журнальных статей и эссе об искусстве, а также научных статей о португальских поэтах, португальской поэзии; переводчик с португальского языка, в том числе – первый переводчик «Книги непокоя» Фернандо Пессоа (2016 г.) и его «Рубайята» (2020 г.), книги од его гетеронима Рикарду Рейша (2020 г.), книги стихов Антониу Нобре (2015 г.), антологии португальских поэтов «Лузитанская душа» (2017 г.) и др. Кандидат педагогических наук, Ирина до отъезда в Португалию (в 2003 г.) была доцентом одного их киевских вузов, имеет много публикаций по педагогике, психологии, методике преподавания. Собственное поэтическое творчество Ирины представлено четырьмя книгами стихов и эссе об искусстве: «Медитация», (1997), «Чаша» (1999), «Размышления в пещерах Китаевской пустыни» (2000); сборника стихотворений и эссе об искусстве «Острей кристалла» (2001), книги стихов «Блажен идущий» (2014).

Об интеллектуальной лирике автора размышляют вологодская писательница и журналистка, критик, лауреат многих литературных конкурсов Наталья Мелёхина и доктор философских наук, бывший главный научный сотрудник Института философии НАНУ, автор более 200 публикаций в области философии культуры, этики, истории философии, эмигрировавший в 2014 г. в Израиль Виктор Малахов.

Ирина Фещенко-Скворцова оказалась в эмиграции вынужденно в 2003 году. Но она не утратила связи с Родиной: до сих пор переводчица и поэтесса – член Вологодского отделения Союза российских писателей. Теперь благодаря ей российские читатели могут познакомиться с творчеством португальских классиков. Подтвердив учёную степень в университете Лиссабона, Ирина неоднократно участвовала с докладами в научных конференциях в области филологии, педагогики и психологии. «Но в связи с кризисом во всех высших учебных заведениях, куда я обращалась в поисках работы, мне отказывали. Когда я поняла, что не найду другого занятия, кроме тяжёлой физически и морально работы на фабрике, я решила посвятить своё свободное время переводу португальской поэзии», – поясняет Ирина Николаевна. <…> Спасение красотой.

Именно красота – поэзии, природы, самого языка – помогла Ирине не сломаться в сложной жизненной ситуации. «Первыми переведёнными мной с португальского языка стихами были сонеты Флорбелы Эшпанки, португальской Музы Плача. Затем я заинтересовалась Антониу Нобре – классиком конца XIX века, перевела всю его книгу стихов и поэм, пронизанную неповторимым ароматом Португалии», – рассказывает Ирина.

Книга Нобре была опубликована издательством «Водолей» в 2013 году под названием «Мельник ностальгии». За Нобре последовал предвестник реализма в португальской поэзии Сезариу Верде. К слову, перевод единственной книги его стихов завершен и ждёт своего издателя в России. «А когда я открыла для себя Фернандо Пессоа – португальского классика XX века, – меня сразу втянуло в сферу его влияния. Я уже не могла не переводить его стихи и стихи его гетеронимов (литературных масок)»[1].

Стихи Ирины Фещенко-Скворцовой – поэзия подлинная, сопрягающая непреложность с неопределённостью, как тому и следует быть. Поэзия интеллектуальная: постольку, поскольку названное качество не стесняет стих, а дарит ему новые страны для обозрения и простор для возвращения к себе. В сборнике есть стихи – и важные в программном отношении, словно бы скользящие по контуру некоей предзаданной философемы, происхождения которой вовсе не скрывает автор. Но рядом с этим – строки загадочные, влекущие вглубь, создающие смыслообраз, сам по себе философичный в неповторимом, недоступном пересказу своём существе. Характерное свойство поэзии автора – рефлексивность: запечатлённое в ней усилие души собрать себя, сосредоточиться и утвердиться в главном, неуловимом, забыть о котором – всё равно, что продать своё первородство. Выраженная в стихах Ирины воля к сопротивлению «постсовременной» фрагментации и нивелировке смысла лежит в основе её творчества[2].

ПЕРЕВОДЧИК ТВОРИТ, ОТДАВАЯ...

Переводчик творит, отдавая.
От себя не своё отрывая,
И своё не своим называя,
Кружева выплетает хитро.

Если в текст не ложится ремарка,
Если станет над томиком жарко,
Прилетает на помощь Петрарка
И роняет на томик перо.

[1] Наталья Мелёхина «Всё сначала», Премьер, 10 958 от 15 марта 2016 г.
[2] Виктор Малахов. Сопрягая непреложность с неопределённостью. Вступление к кн. И. Фещенко-Скворцовой «Острей кристалла». – Киев, 2001.

На колени по-рабьи не рухни,
По-славянски дубинушкой ухни,
Постигая премудрости кухни,
Выжигая на тексте тавро.

Гений – просто товарищ по цеху,
С колоссальною волей к успеху,
Приглядись к оговорке, огреху,
Переплавленным на серебро.

Если помнить, о чём не сказал он,
Перевод прозвучит несказанно,
А для автора это – Осанна,
Вот и даст он на подвиг добро.

ПОДМОЕТ КОРНИ ВКРАДЧИВАЯ РЕЧЬ…

Подмоет корни вкрадчивая речь
Так, словно ты – глагол или наречие.
И потеряешь право человечье
От этой некончающейся речи
Себя, хоть на мгновение, отсечь.

РЕМЕСЛО (отрывки)

Для рыбы – сеть,
Для птиц – силки,
Для мысли – слово.

Зверь приручен –
И клетка не нужна.

Но откровений
Хитрая полова
Не открывает
Полного зерна.
……

Близорукими глазами
Контур улови.
От сплошного бормотанья
Строчки оторви.
Так и будет: вечер, тайна,

Не черты, а очертанья,
Контуры любви.
…….

Пролегло междуречье
Между речью и речью.
Время клёва и лова
Серебристого слова.

Только мелкие рыбки,
Забавляясь, как дети,
Проплывают сквозь сети,
В фосфорическом свете
Возникают и гаснут.

А глубинные рыбы,
Появляясь из сети,
Изменяются в сути,
Изменяются в цвете,
Умирают напрасно.

ГОЛОС

Читай меня… Читай меня, читай…
Согретый звук на языке катай,
на языке, связующем гортани.
Произнести –
не разумом постичь,
и свяжется, немыслимо почти,
Вселенная уместится в горстИ,
И ей – твоим дыханием расти,
гортанной и всеведущей печали…
Прости мой голос.
Всё ему прости
за то, что смертный он,
за то, что он отчаян…

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Пространство и время
смеются над нашей любовью,
над нашей земной,
несвободной и неповторимой.

Мы временем слиты,
но розно пространство торим,
а нас окликают
дороги, ведущие в Рим,
и это по ним
мы с тобой уходили из Рима…

Незрима
любовь, даже в бликах пространства незрима,
мерещится снова – и снова проносится мимо.
И в прошлом, и в будущем что-то лепечет, чужая,
и только во сне обнимает нас, веки смежая.
Почудится в ком-то далёком нам жест позабытый
и сразу растает, гонимый земною заботой.

Пространство и время... А наша любовь – неделима,
И то, что мы видим – лишь беглые облики дыма,
пространство и время дорог, уводящих из Рима,
а Рим, как и прежде,
незрим.

СТАРОСТЬ (фрагменты цикла)

* * *

Пели метели,
Голос глуша.
В гаснущем теле
Ярче душа.

Мудрость и первенство –
Карты не в масть.
Сестры-соперницы:
Старость и страсть.

* * *

Вечер символами полон,
Только имя улови…
Ночь стирает всю палитру,
Купиной неопалимой
Проступает контур сути,
Отступает суета…
Если так
Стирает старость

Буйство красок
Сладострастья, –
Может, там,
За гранью пола,
Тайна истинной любви?..

ВСЕ МЫ УМИРАЕМ

С Адом, да Раем –
такая ерунда!
Все мы умираем
Всерьёз и навсегда.

Есть мысль, и с нею
Легко идти во тьму.
Чем старше, тем яснее:
Жить ни к чему.

Ещё одна поэма?
Ещё одна статья?
Пусть помянут немо
Близкие друзья.

Пусть дохнёт ветер,
Пусть плеснёт волна.
Кому на этом свете
Ты ещё нужна?

А МЫСЛЬ МОЛОДАЯ ...

«Но ты мне приснилась, как юности – парус…»
В. Луговской

У юности – парус, у зрелости – пристань.
Постой. Помолчи. На друзей обопрись ты.
А мысль молодая гудит проводами,
Жонглирует всласть городами, годами.

У юности – порох, у зрелости – постриг.
Уже ничего не оставить на «после».
И мысль молодая, не видя предела,
Опять на лету за живое задела.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXV МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2020 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2020 года подведены итоги XXV юбилейного межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России на базе историко-филологического факультета ЗабГУ. В конкурсе приняли участие переводчики с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Участниками конкурса стали молодые люди из Читы, Москвы, Иркутска. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов читинских вузов – ЗабГУ и ЧГМА. Кроме того, в конкурсе приняли участие студенты и магистранты БГУ (Иркутск); МПГУ, НИУ ВШЭ (Москва), а также старшеклассники средних школ и гимназий г. Читы и Забайкальского края. Среди них учащиеся многопрофильного лицея ЗабГУ, многопрофильной языковой гимназии № 4; Забайкальской краевой гимназии-интерната, городских средних школ: №№ 9, 27, 30, 48; учащихся средней школы № 15, с. Бада Хилокского района и др.

Лучшие переводы представили:

I. С английского языка

1. **Хренникова Татьяна** — студентка магистратуры Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий Байкальского государственного университета (Иркутск), неоднократный призёр конкурсов молодых поэтов-переводчиков разных лет.

2. **Мусорина Юлия** — учитель английского языка МБОУ СОШ № 27 г. Читы, многократный призёр и дипломант конкурсов молодых поэтов-переводчиков.

3. **Кибирева Елена** — учитель английского языка городского центра образования г. Читы, аспирантка Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

II. С немецкого языка

1.	**Краус (Пляскина) Лилия**	многократный призёр конкурсов молодых поэтов-переводчиков с немецкого и русского языков.
2.	**Кибирева Елена**	учитель английского языка городского центра образования г. Читы, аспирантка Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

Ш. С китайского языка

1.	**Каретникова Юлия**	студентка 4 курса ИИЯ МГПУ (профиль подготовки «Востоковедение и африканистика»).
2.	**Сараева Екатерина**	студентка 3 курса ИФФ ЗабГУ (профиль подготовки «Лингвистика»).

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет победителей и всех участников межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2020 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода.

Председатель ЗабРО СПР Ольга Стельмак

С английского языка

СЭМЮЭЛ ЭЛЛСВОРТ КАЙЗЕР (1862 – 1942)

БОЕЦ

Я в каждый день иду, как в бой,
Врага я натиск не спускаю;
Сцепляюсь в схватке я с хандрой,
Чем схватка кончится – не знаю!

Я должен бдеть по сторонам,
Отслеживая тень сомнений;
Идти навстречу всем ветрам;
И не терять своих стремлений.

Отчаянье пророчит смерть,
И души мрачные взвывают;
Но опираюсь я на твердь,
К чему иду, я точно знаю;

Победы все сродни одной,
Не важно, сколько я стараюсь,
Я каждый день вступаю в бой,
В сраженьях силы набираюсь.

Перевод Татьяны Хренниковой

БОРЕЦ

Сражаюсь снова, каждый день
Борюсь с унынием и страхом
Дорогу закрывает тень
Боюсь, что вновь – надежды прахом!

Всегда должна быть начеку,
Когда крадутся вновь сомненья
И силу духа берегу,
Иду вперед, без промедленья!

Я слышу карканье судьбы
И мрачный шепот фаталистов,
Мне продержаться только бы
Неважно, что в итоге чистом.

Пусть скромен лист моих трудов
Неважно, много ли стараюсь.
Но каждый день борюсь я вновь
Живу. Надеюсь. Начинаюсь.

Перевод Елены Кибиревой

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

СКАЖИ ЕМУ ОБ ЭТОМ

Услышав доброе посланье
От близкой, родственной души,
Ты не таи слова в кармане,
А ей ответить поспеши.

Будь благодарен за поддержку,
Какой бы ни была она.

Не мешкая и без задержки
Ответь добром за всё сполна!

Будь благосклонен к падшим душам,
Дай шанс ступить на путь иной.
И ты поможешь сим заблудшим
Душевный обрести покой.

Друзья мои, в минуты счастья
Воздайте небесам хвалу
Что отвели от вас несчастья,
Прогнав печали и хандру.

Перевод Татьяны Хренниковой

ТОЛЬКО ДОБРОЕ СЛОВО СКАЖИ

Коль услышишь ты доброе слово
От близкой тебе души.
То она сразу светом наполнится,
Только доброе слово скажи!

Коль свершения, пусть невеликие,
Помогают вперед идти,
Тем, кто в жизни однажды помог тебе,
Только доброе слово скажи!

Коли чувствуешь ты сострадание
К тем, кто грешен и сбился с пути,
То их жизнь изменится к лучшему,
Только доброе слово скажи!

О, сёстры мои, о, братья,
Как бы ни было трудно идти,
Коль живем мы милостью Божьей,
Людям нужно добро нести!

Перевод Юлии Мусориной

ВИЛЬЯМ АЛЛИНГАМ (1824 – 1889)

О, ЛЕТА ЧУДНАЯ ДУША!

О, лета чудная душа!
Верни цветки нежнейшей розы;
И ласточек у шалаша,
И пчёл, уснувших от морозов.

Верни от солнышка лучи;
И вечеров закат багряный,
Когда утих гул ребятни,
А молодые ждут свиданий.

Верни мне пенье чудных птиц
И аромат лугов росистых;
Или меня вдаль унеси,
Где хоровод лучей игристых.

Перевод Татьяны Хренниковой

ХИЛЭР БЕЛЛОК (1870 – 1953)

***

Луна – сестра, рассвет – мой брат:
Я ими с двух сторон объят.
Когда прощаюсь я с луной –
Рассвет встречается со мной.

Перевод Татьяны Хренниковой

С немецкого языка

АДАЛЬБЕРТ ФОН ШАМИССО (1781 – 1838)

С ТЕХ ПОР, КАК Я УВИДЕЛА ЕГО

Взгляд его сияющий
Будто волшебство,
Я туманным взором
Вижу лишь его.
Может, я ослепла?

Ночь с небес идёт
Образ его светлый
В сумраке плывёт.

Как бесцветно, вяло
Всё вокруг меня.
Равнодушна стала
Я к цветенью дня.
В уголке смиренно
Плачу я тайком…
Может, я ослепла?
Грёзы все о нём.

Перевод Елены Кибиревой

ЙОЗЕФ ФОН АЙХЕНДОРФ (1788 – 1857)

НА ЧУЖБИНЕ

В лесу ручьёв бурленье
Я слышал то там, то тут.
В лесу был в упоенье,
Не знал, куда иду.

В этом уединении
Песнь соловьев слышна,
Хотят сказать про давние
Прекрасные времена.

В блеске лунного света
Будто бы видел я
Замок в долине где-то,
Так далеко от меня.

Будто в саду, где цветенье
Роз белых и красных полно,
Ждёт милая в уединенье…
Однако мертва давно.

Перевод Лилии Краус

ЛЮДВИГ УЛАНД (1787 – 1862)

УТОНУВШИЙ ВЕНЕЦ

Там на холме, наверху,
Маленький дом стоит.
Видно с порога – внизу
Край прекрасный лежит.
На лавке в вечернее время
Вольный крестьянин сидит,
Правит косу и песней
Небо благодарит.

Пруд, что внизу, в долине,
Светится с давних лет,
На дне венец доныне,
Богаче и краше нет.
Карбункулам и сапфирам
Велит он в ночи играть…

Но никто в целом мире
Не будет его искать.

Перевод Лилии Краус

С китайского языка

ФАН ВЭЙДЭ (1908 – 1935)

ГОЛОС МОРЯ

Она и я – у равнины морской,
Замок и ключ легли в ладонь легко.
Сказала: «В душу дверь открой,
Ларцом стань сердца моего,
Храни его,
Храни его!»
Она опять стучится в мою дверь,
Увы, но волны ключ давно хранят –
Искал и не найду теперь;
А в тучах голос как набат:
«Отдай назад,
Отдай назад!»

Перевод Юлии Каретниковой

СТЕНА ДЕВЯТИ ДРАКОНОВ

Первый дракон мне сказал: «Хочу цвета!» –
Я дал ему панцирь чешуек златых.
Второй говорит: «Ну а я хочу света!» –
Дарю ему жемчуг – два глаза живых.
Грезится третьему воздух дракону –
Его напоил я грядой облаков;
Четвертый и пятый желали корону –
Ращу им рога и по паре усов.
Шестой хотел звука, седьмой — извиваться,
Я дал им и крик, и пугающий вой;
Восьмой просил место, где можно скрываться –
В горах, в океане найду им покой.
Девятый – и ветра порыв, будто плеть:
«Дай нам в небесные дали лететь,
Сердцем желаю твоим завладеть!»

Перевод Юлии Каретниковой

***

Об одном лишь только я мечтаю,
очутившись снова пред тобою,
обратиться тотчас в горный ключ,
без любви и без воспоминаний.

Об одном лишь только размышляю,
оказавшись вновь в родном краю,
обратиться в предзакатный луч,
без тоски, без разочарований.

Перевод Екатерины Сараевой

ЗАГАДКИ, ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ НА ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Хочу поделиться своим несколько неожиданным опытом, представив вниманию читателей горячо любимого мною журнала перевод подборки загадок, пословиц и поговорок, собранных моей землячкой, уроженкой Ленинградской области, Хильмой Химанен.

Возникает вопрос: а с какого языка перевод? «Inkerin kielella», – так пишет в свое рукописи Хильма, то есть с ИНГЕРМАНЛАНДСКОГО языка. То есть с фактически несуществующего языка несуществующей ныне области – края, о котором наш бессмертный поэт сказал «приют убогого чухонца».

Ингрия, Ижорская земля – историческая область на северо-западе современной России. Географически располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, рекой Нарва и Чудским озером на западе, Ладожским озером – на востоке. Это «Водская пятина» в эпоху «Великого Новгорода. “Inkerikot, inkeriläiset, inkerinsuomalaiset – так называли себя жители этого края. Ветры истории, фашистская оккупация, сталинские репрессии и депортации, невозможность в течение нескольких послевоенных десятилетий вернуться в родные места привели к тому, что коренных жителей здесь почти не осталось.

Вот как написал об этом живший в Карелии поэт и педагог Армас Мишин (1935–2018):

«Ингерманландцы! Мои земляки,
древнего семени финское племя,
вас поглотило пространство и время,
страны чужие и материки.»

Водь исчезла, ижорцев (ижорян) по переписи 2010 году – 266 человек, всего несколько сотен человек, в основном, они ассимилировались с русскими, то же самое и с ингерманландскими финнами, из них значительная часть уехала в Финляндию, в качестве «репатриантов», хотя в настоящее время у нас здесь существует и функционирует общество «ИНКЕРИН ЛИТТО» (Inkerin Litto), союз ингерманландских финнов а также евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России, (в частности, в Москве).

Хильма Химанен (1933 – 2010) родилась в деревне Раскела (ныне Можайская), исторически это приход Туутари или Дудергоф. Во время войны была депортирована фашистами в Эстонию, где вместе со многими соплеменниками была заключена в концлагерь «Клоога», а оттуда вывезена в Финляндию на сельскохозяйственные работы. Прожила трудную жизнь, после войны в родную деревню вернуться было уже невозможно, скиталась, работала воспитателем в детском саду, писала стихи, во второй половине жизни она жила в Москве. Бережно хранила свой язык и память о своем детстве.

При переводе на русский язык я использовала финские и ижорские словари, советовалась с теми, кто еще помнит родной язык, обращалась к специалистам на финно-угорские кафедры в Москве и Петербурге, а также к переводчице из Финляндии Майку Рантонен.

Часть загадок, пословиц, являются общеизвестными, существуют у многих народов, а часть – весьма своеобразные, они характерны только для ингерманландской культуры. А её представителями были прославленные сказители Ларин Параске и Архип Перттунен. Из сокровищницы этой культуры черпал во многом свой материал для Калевалы Элиас Лённрот[1].

Arvoituksija	**Загадки**
Pienj Mari pintelj piä, joka nurkan puhastaa.(Lauta).	Маленькая Мари по горнице гуляет и сор отовсюду быстро выметает (веник).
Eivät kylvä, eivätka niitä,eivätkä syömattä ole. (Linnut).	Не сеют, не жнут, а по зёрнышку клюют (птицы).
Aamun neljällä, päivän kahella, illan kolmella jalalla. (Ihmeinen).	Утром – на четвереньках, днём – на двух ногах, а уж к вечеру – на трёх (человек в течение жизни).
Ylempää katto, alempa nurmee. (Sate).	Сверху крыша (это может быть и свод), внизу – лужайка (радуга).
Ei ole kässi, Ei ole jalkoi – ovet avajaa (Tuuli).	Без рук, без ног, а гуляет, что захочет, то и открывает (ветер).
Toisi syöttää itse ei syö. (lusikka)	Других кормит, а сама голодная (ложка).
Punanen lauta katsoo kuikan alt (Kielj).	Красная дощечка из дверцы глядит (язык).
Metsää männö, kotti katsoo, kotti tullo – metsää katso Kirves olkapial).	В лес идёт – на дом смотрит, домой идёт – на лес смотрит (топор на плече).

[1] Элиас Лённрот (1802 – 1884) – финский лингвист, фольклорист, собиратель рун и составитель карело-финского эпоса «Калевала». (Прим. пер.).

Pelto ei uo mitattu, lampat ei uo luvettu, paimen on saripäinen (Taivas,tähet ja kuu).	Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый (Небо, звёзды и месяц).
Häntä lyyvä, hiä ei itke ylää päin vua keikahtaa. (Miätsikkä).	Вниз и вверх повсюду скачет, его бьют, а он не плачет (мячик).

Sananparseja ja sananlaskuja	**Поговорки и пословицы**
Illan virkku,aamun torkku, se talon hävittää.	Вечером не спать, утром дремать – так дом потерять.
Paremp virsta viärää, ko vuaksa vuaraa.	Лучше долго блуждать, чтоб опасность избежать.
Kenen jalkaa kopsaa, sen suu napsaa.	Как потопаешь, так и полопаешь.
Koira nimen antaa, mies nimen kantaa.	У собаки кличка, а у человека – имя.
Mitä kylvät, sitä niität.	Что посеешь, то и пожнёшь.
Alku aina hankalaa,lopus kiitos seisoo.	Лиха беда начало.
Hyvät asiat uamust tehhää.	Добрые дела с утра делаются.
Laiskaha työhön luvettelloo.	Ленивый горазд сделанное перечислять.
Valkeus nauraa pimeydem töitä.	Белый свет хохочет, когда тьма грохочет.
Laiskan sotkut lauvvantain	У ленивого все дела не в лад идут.
Elävän mielij on ettee päin, vaikk olko surma selän takan.	Хоть и смерть за плечами, а жизнь свою строй, гляди вперёд перед собой.
Tulloo ha mies meren takane,vua ei tule mullan alt.	Суженый издалека, из-за моря придёт, а не из-под земли явится.
Ei se ole orpo kelt isä kuoloo,se en orpo kelt äitj kuoloo.	Отец умер – не такая беда, коли мать умерла, ты – сирота.
Ko on likel ni puskoo, ko on ettääl ni ammuu.	Когда близко, бодает, когда далеко, только мычит.
Vieral mual on oman muan varis ki как rikin kuki.	Коль ты на чужбине, то и ворон с родной стороны павлином покажется.
Enemman se korva nuulo, ko silma näkköö.	Чем больше слышит, тем лучше видит глаз.
Ei se tyhj säkki seiso.	Пустой мешок не стоит.
Miss on “tavarain”, siel on minun syväein “.	К родным вещам душой прикипаешь.

Перевод с ингерманландского Элеоноры Панкратовой

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ[1]

Составитель НИНА МАРКОВА

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Уу		
увулярия	bellwort	Uvularia gen.
увядшая, но не опавшая листва	reliquiae	reliquiae
ужовник	adder’s-tongue fern	Ophioglossum L. (Ophioglossaceae)
ужовник обыкновенный	common adder’s-tongue fern	Ophioglossum vulgatum L. (Ophioglossaceae)
узара волнистая	wavy uzara	Xysmalobium undulatum
укроп	anet, dill	Anethum L. (Umbelliferae)
укроп пахучий	common dill	Anethum graveolens L. (Umbelliferae)
умбиликус	navelwort	Umbilicus DC. (Crassulaceae)
уроспермум	sheep’s-beard	Urospermum Scop. (Compositae)
уруть	water milfoil	Myriophyllum L. (Haloragidaceae)
усатка (остистая пшеница)	awned wheat	Triticum vulgare aristata
утёсник	furze, gorse, whin	Ulex L. (Leguminosae)
Фф		
фабиана	Peru false heath	Fabiana imbricata
фасоль	bean	Phaseolus L. (Leguminosae)
фасоль адзуки или лучистая	adzuki bean	Phaseolus angularis
фасоль зерновая	haricot	Phaseolus vulgaris
фасоль кустовая	bush bean	Phaseolus vulgaris var. nanus
фасоль обыкновенная	French bean, kidney bean	Phaseolus vulgaris (Leguminosae)
фасоль огненная (бобы турецкие)	scarlet runner	Phaseolus multiflorus Willd. (Leguminosae)
фанерофиты	phanerophytes, tall aerial plants	phanerophytes
фацелия	wild heliotrope	Phacelia Juss. (Hydrophyllaceae)
фенхель	fennel	Foeniculum Mill.

[1] См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009.

		(Umbelliferae)
фенхель аптечный (аптечный укроп, сладкий тмин, фенхель обыкновенный)	common fennel, medicinal fennel	Foeniculum vulgare (Foeniculum officinalis)
фенхель конский	horse-fennel	Hippomarathrum Hoffmgg. et Link. (Umbelliferae)
ферула асафетида (асафетида, ферула вонючая)	fetid gum	Ferula assa-foetida
ферула мускусная (смолосница мускусная	musk giant fennel	Ferula moschata
фиалка	violet	Viola L. (Violaceae)
фиалка Гмелина	Gmelin violet	Viola gmeliniana Schult. In Roem.
фиалка душистая	sweet violet	Viola odorata
фиалка ночная (любка двулистная)	butterfly orchid	Platanthera bifolia Rich. (Orchidaceae)
фиалка полевая	field violet	Viola arvensis
фиалка собачья	dog violet	Viola canina
фиалка трёхцветная (анютины глазки)	garden violet, field pansy, lady's delight, love-in-idleness, wild pansy	Viola tricolor
фиалковый камень	rock-violet	Trentepohlia Mart. (Chroolepidaceae)
фиговое дерево (инжир)	common fig, fig tree	Ficus carica
физалис (вишня пузырчатая, пёсья вишня)	ground cherry, husk tomato	Physalis L. (Solanaceae)
физалис обыкновенный (вишня полевая)	Chinese lantern, Japanese lantern, ground cherry, straw-berry ground cherry, straw-berry tomato, winter cherry	Physalis alkekengi L. (Solanaceae)
физостегия	false dragon-head	Physostegia Benth. (Labiatae)
физостигма ядовитая (калабарский куст, калабарские бобы)	Calabara bush, deadly Calabara bean, ordeal bean	Physostigma venenosum
фикус	ficus, fig, rubber plant	Ficus elastica Roxb. (Moraceae)
фикус священный (баньян, баниан, смоковница священная)	banyan, bo tree, fig tree peepal,peepul, peepul tree, sacred fig, sacred fig tree	Ficus religiosa L. (Moraceae)
филирея (липа каменная)	mockprivet	Phillyrea L. (Oleaceae)
филлантус	seaside laurel	Phyllanthus L. (Euphorbiaceae)
филлокактус	phyllocactus	Phyllocactus Link. (Cactaceae)
финик лесной (финиковая	date palm, Indian date,	Phoenix sylvestris

пальма)	sugar date	
фисташка	pistache	Pistacia L. (Anacardiaceae)
фисташка-лентискус	lentisk pistache, mastic tree	Pistacia lentiscus (Terebinthus lentiscus)
фителефас	ivory-nut palm	Phytelephas Ruiz. et Pav. (Palmae)
фитолакка (лаконос ягодный)	berry-like pokeweed, edible pokeweed	Phytolacca acinosa (Phytolacca esculenta)
фитолакка американская (лаконос американский)	American pokeweed, American nightshade, coakum, red-ink plant	Phytolacca americana
флокс	phlox	Phlox L. (Polemoniaceae)
форзиция повислая (форзиция поникшая)	weeping forsythia	Forsythia suspensa
французская лаванда	cassidony	Lavandula stoechas
французский (высокий) райграсс	oat-grass	Arrhenatherum gen.
фрезия	freesia	Freesia gen.
фуксия	fuchsia	Fuchsia gen.
фуксия садовая	ear-drop	Fuchsia
фукус	bladder wrack, rock-weed	Fucus L. (Fucaceae)
фукус мелкопузырчатый (фукус пузырчатый)	bady wrack, bladder wrack	Fucus vesiculosus
фукус узловатый	knotty wrack	Ascophyllum nodosum
1.фундук (американский орех, лещина); 2. фундук (ломбардский орех)	1. avellan(e), cob-nut, filbert; 2. filbert, Lambert nut	1. Corylus avellana 2. Corylus maxima Mill. (Betulaceae)
функия	plantain-lily	Funkia Spreng. (Liliaceae)

Хх

хагения абиссинская (дерево козо)	kusso tree	Hagenia abyssinica
хаменериум узколистный (иван-чай узколистный, капорский чай, кипрей узколистный)	blooming sally, fire-weed, French willow, great willow herb, rosebay willow	Chamaenerion angustifolium (Chamerion angustifo-lium) L. (Granaceae)
хара (харовая водоросль)	stonewort	Chara gen.
харонга мадагаскарская	harunga	Harungana madagasca-riensis (Haronga mada-gascariensis)
хатьма	tree-mallow	Lavatera L. (Malvaceae)
хвойник (эфедра)	ephedra	Ephedra L. (Ephedraceae)
хвойник двухколосковый (кузьмичёва трава, эфедра двухколосковая)	common ephedra, joint-fir ephedra, sea grape	Ephedra distachya
хвойник хвощевидный (эфедра горная, эфедра хвощевая)	horsetail ephedra, Mongolian ephedra	Ephedra equisetina

хвойные	coniferae, conifers	Coniferae
хвостник обыкновенный (водяная сосёнка)	mare's tail, marestail	Hippuris vulgaris L. (Hippuridaceae)
хвощ	horsetail, Dutch rush, scouring rush, tinweed	Equisetum L. (Equisetaceae)
хвощ болотный	marsh horsetail, snake-pipes	Equisetum palustre L. (Equisetaceae)
хвощ зимующий	Dutch rush, scouring rush, wintering horsetail	Equisetum hyemale (Equisetum hibernans) L. (Equisetaceae)
хвощ полевой	bottle-brush, common horsetail, field horse-tail, meadow pine	Equisetum arvense L. (Equisetaceae)
хвоя	needle	folium acerosum
хевея	caoutchouc tree, Para rubber	Hevea brasiliensis L. (Euphorbiaceae)
хедихиум	garland flower, ginger-lily	Hedychium Koen. (Zingiberaceae)
хейхера	alum-root	Heuchera L. (Saxifragaceae)
хелоне	turtle-head	Chelone L. (Scrophulariaceae)
хелониас	swamp-pink	Helonias L. (Liliaceae)
хемантус	blood-lily	Haemanthus L. (Amaryllidaceae)
хенна (хна)	henna, mignonette tree	Lawsonia inermis L. (Lythraceae)
хиднокарпус	sponge-berry tree	Hydnocarpus Gaertn. (Bixaceae)
хименокаллис	spider-lily	Hymenocallis Salisb. (Amaryllidaceae)
хинное дерево	1. cinchona, cinchona tree; 2. fever-tree	1. Cinchona 2. Pinckneya pubens
хионодокса	glory-of-the-snow	Chionodoxa Boiss. (Liliaceae)
хлебное дерево	breadfruit tree	Artocarpus gen.
хлебное семя (анис обыкновенный, анис голубиный)	anise	Anisum vulgare (Pimpinella anisum)
хлопунец	mountain chickpea	Astragalus cicer L. (Leguminosae)
хлопушка (смолёвка)	catchfly, campion	Silene L. (Caryophyllaceae)
хлопчатник	cotton, cotton plant	Gossypium L. (Malvaceae)
хлорис	finger-grass, Rhodes-grass	Chloris Sw. (Gramineae)
хлябник (телефиум)	orpine	Telephium L. (Caryophyllaceae)
хмелеграб	hop-hornbeam	Ostrya Scop. (Betulaceae)
хмель	hop	Humulus L. (Cannabinaceae)
хмель обыкновенный (хмель	common hop, hop, wild	Humulus lupulus

пивной)	hop	
хмель цепкий	climbing hop	Humulus scandens
хна (хенна)	henna, mignonette-tree	Lawsonia inermis L. (Lythraceae)
хондрилла	gum-succory	Chondrilla L. (Compositae)
хондрус (караген)	carageen	Chondrus Lam. (Gigartinaceae)
хоустония	bluet, houstonia	Houstonia
хохлатка	birthwort, fumitory	Corydalis Vent. (Papaveraceae)
хохлатка расставленная	scattered corydalis	Corydalis remota
хрен	horse radish	Armoracia Gaertn., Mey et Schreb. (Cochllearia L.) (Cruciferae)
хризантема	chrysanthemum, golden-daisy	Chrysanthemum L. (Compositae)
хризантема посевная	sown chrysanthemum	Chrysanthemum esculentum
хризофиллум («звёздное яблоко»)	star-apple	Chrysophyllum cainito L. (Sapotaceae)
хрозофора (трава лакмусовая)	turnsole	Chrozophora Neck. (Euphorbiaceae)
хрустальная травка	fig-marigold	Mesembryanthemum Dill. (Mesembryanthe-maceae)
хурма (персиммон)	persimmon	Diospyros L. (Ebenaceae)
хурма восточная (каки, хурма японская)	Japanese persimmon, kaki, kaki persimmon	Diospyros kaki L. (Ebenaceae)

Цц

цареградский стручок (рожковое дерево, сладкий рожок)	carob, carob tree, St.-John's-bread	Ceratonia siliqua
царица ночи (кактус крупноцветный, цереус крупноцветковый)	queen of the night, torch thistle	Cereus grandiflorus Mill. (Cactaceae) Selenicereus grandiflo-rus)
1.царские кудри; 2. царские кудри (златоок, златоцветник	1.martagon lily, turk's-cap lily; 2. asphodel	1. Lilium Martagon L. (Liliaceae); 2. Asphodelus gen.
царский корень (горичник настурциевый)	masterwort	Imperatoria L. (Peucedanum ostruthium Koch) (Umbelliferae)
царский скипетр (мытник скипетровидный)	1. Charles's scepter, moor-king lousewort 2. hag-taper	1. Pedicularis sceptrum carolinum L. (Scrophulariaceae) 2. Verbascum gen.
царь-зелье	candle larkspur	Delphinium elatum L. (Ranunculaceae)
цветы, закрывающиеся днём	John-go-to-bed-at noon	
цезальпиния красивейшая	Barbadoes pride	Caesalpinia pulcherrima

целаструс	staff tree	Celastrus L. (Celastraceae)
целомудренник	Agnus Castus	Vitex agnus castus
цельтис западный	nettle tree	Celtis occidentalis
цельзия	Cretan mullein	Celsia L.(Scrophulariaceae)
центифолия (столистная махровая роза)	cabbage rose	Rosa centifolia
центрантус	red valerian	Centranthus DC. (Valerianaceae)
церва (резеда красильная)	dyer's rocket, dyer's weed, mignonette, yellow weed	Reseda luteola L. (Resedaceae)
цереус крупноцветковый (кактус крупноцветковый, царица ночи)	queen of the night, torch thistle	Cereus grandifloris (Selenicereus grandiflorus)
цефалантус	button-bush	Cephalanthus L. (Rubiaceae)
циатея	tree-fern	Cyathea Smith. (Cyatheaceae)
циботиум	Scythian lamb	Cibotium barometz Link. (Cyantheaceae)
цикламен (дряква)	cyclamen, sowbread	Cyclamen L. (Primulaceae)
цикламен европейский (цикламен пурпурный, дряква европейская)	European cyclamen, red cyclamen	Cyclamen europaeum (Cyclamen purpura-scens)
цикламеновая трава (мускусная трава, тысячелистник мускусный)	musky yarrow	Achillea moschata (Achillea erba-rotta ssp. moschata)
циклахена (лжедурнишник)	marsh elder	Iva L. (Compositae)
цикнохес	swan orchid	Cycnoches Lindl. (Orchidaceae)
цикорий	chicory, succory	Cichorium L. (Compositae)
цикорий обыкновенный	bunk, common chicory, witloof chicory	Cichorium intybus
цикорий корневой	coffee chickory	Cichorium intybus
цикорий полевой	chicory	Cichorium intybus
цикута (вех)	cicuta, water hemlock	Cicuta L. (Umbelliferae)
цинерария (пепельник)	cineraria	Cineraria L. (Compositae)
цирцея (двухлепестник)	enchanter's night-shade	Circaea L. (Onagraceae)
цитарексилум	fiddle-wood	Citharexylum Mill. (Verbenaceae)
цитрон	cedrat(e), Chinese lemon, citron, nattaran	Citrus medica L. var. cedrata (Rutaceae)
цмин (бессмертник)	everlasting, immortelle	Helichrysum Mill. (Compositae)
цмин песчаный (бессмертник песчаный)	yellow everlasting	Helichrysum arenarium

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Научно-художественный журнал «Переводчик» /Статистика/

За 2001 – 2020 гг. опубликованы переводы с 38 иностранных и национальных языков России, а также с русского языка на иностранные

1. **А**базинский язык
2. **А**бхазский язык
3. **А**лтайский язык
4. **А**нглийский язык
5. **А**рмянский язык
6. **Б**урятский язык
7. **В**енгерский язык
8. **В**ьетнамский язык
9. **Г**алисийский язык
10. **Г**рузинский язык
11. **Д**атский язык
12. **И**вритский язык
13. **И**ндонезийский язык
14. **И**нгерманландский язык
15. **И**сландский язык
16. **И**тальянский язык
17. **И**спанский язык
18. **К**аталанский язык
19. **К**итайский язык
20. **К**орейский язык
21. **Л**атинский язык
22. **М**акедонский язык
23. **М**альтийский язык
24. **М**онгольский язык
25. **Н**емецкий язык
26. **Н**орвежский язык
27. **П**ольский язык
28. **П**ортугальский язык
29. **Р**усинский язык
30. **Р**усский язык
31. **С**ербский язык
32. **С**ловацкий язык
33. **Т**атарский язык
34. **Ф**арерский язык
35. **Ф**ранцузский язык
36. **Х**орватский язык
37. **Я**кутский язык
38. **Я**понский язык

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДОРЖИЕВ ЦЫРЕН-ХАНДА (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Заб. край)

Известный русскоязычный поэт, прозаик, публицист, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. В 2008 году Указом Президента России за вклад в развитие культуры и искусства награждён медалью А. С. Пушкина, в 2012 году хамбо-лама буддистов наградил его медалью «200 лет Агинскому дацану», в 2014 году Постановлением Законодательного собрания Забайкальского края награждён медалью «За укрепление дружбы народов». Автор романов «Разные люди», «Последние войны волков»; стихотворного сборника «Каторга», книг прозы и поэзии – «Русский мир бурят-монгола» (Торонто, 2013), «Разговоры в полнолуние» (Торонто, 2014), «Голоса бездны» (Чита, 2014), Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин», «Алханай – Шамбала моей души», «Рассказы», «Звезда над степью», «Между Алханаем и Ямато». Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).
E-mail: baldorzhieff@yandex.ru

БЕЛОКРЫЛОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт, переводчик, журналист. Автор сборников стихов и переводов «Солнечное сплетение», «Избранные стихи», «Вотчина», «Первая сотня», «Я видел ангела». Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук. Член Союза писателей, Союза переводчиков России и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Художественный руководитель и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия) и «Степная лира» (станица Новопокровская Краснодарского края). Ведущий литературной гостиной «На перекрёстках миров» при Клубе писателей ЦДЛ (Москва). Стихи и философские миниатюры переведены на венгерский, македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи македонских, сербских, хорватских, словацких, венгерских, английских, итальянских, китайских, русинских и мальтийских поэтов. **E-mail: ivan_belokrylov@mail.ru**

БРИЛЕВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (Чита)

Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырех персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках…» (2007), «…Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009), «Чувствам предаться несуетным…» (2013).

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.). Сотрудничает с журналом «Переводчик».
E-mail: annbuldigerova@mail.ru

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский госуниверситет им. А.А. Жданова («Русский язык и литература»), Иркутский госпединститут иностранных языков им. Хо Ши Мина («Английский язык»), аспирантуру и докторантуру при кафедре зарубежной литературы МОПИ им. Н.К. Круп-

ской. Доктор филологических наук, профессор Забайкальского госуниверситета. Член Союза переводчиков России. Входит в редсовет журнала «Переводчик», ведёт рубрику «Американа». Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской литературы и сибирско-американского этнокультурного параллелизма. В период академических стажировок поэтические переводы представлены на конференциях *Corridos* (CA, 2008), *R. Sanchez' Poetry* (TX, 1996) и в программе Клементе Диаса де ла Вега *Pulso Cuidadano* на национальном радиоканале Мексики (2007). В числе переводов: эссе Рудольфо Анайи «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже», «Ацтлан: Отечество без границ», главы романа Гертруды Атертон «Калифорнийцы» (1898) и др. Автор литературоведческих трудов, среди них: глава в монографии *International Perspectives on Chicana/o Studies "This World Is My Place"* (*Routledge, New York*, 2014), книга «Мексикано-американский дискурс в литературе США» (ЗабГУ, Чита, 2019). Государственная награда РФ – орден Дружбы.
E-mail: tavoronch@mail.ru.

ВОРОНЧЕНКО МАРИЯ ВЛАДИСЛАВОВНА (Москва)

Учащаяся 10-го профильного класса «Гуманитарные науки. Филология» Распределённого лицея НИУ ВШЭ при школе № 1279 «Эврика» города Москвы. Участник и призёр ряда олимпиад гуманитарного направления. **E-mail: masha.voronchenko@yandex.ru.**

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Переводчик, член Союза переводчиков России, член Национальной лиги переводчиков. Научные интересы – методика преподавания китайского языка, переводоведение, лингвокультурология, психолингвистика. Работает научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН. Автор учебных пособий и словарей (в том числе в соавторстве с Ма Тяньюй): «Современный русско-китайский словарь»; Учебник практической фонетики китайского языка; «Китай: имена на все времена». «Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая»; Персональный сайт: www.vokitai.ru
E-mail: voropaev@vokitai.ru

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка», «Исторического словаря галлицизмов русского языка». Опубликованы: хронологический словник «Французские ткани и их цвет», «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически», «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т., переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви», Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (№№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски». **E-mail: epishkinni@mail.ru**

ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА (ЗАМИРСКАЯ ИДА)

(Украина, г. Северодонецк)

Окончила факультет иностранных языков (отделение «Немецкий язык и литература») Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Работала переводчиком научно-технической литературы в НИИхиммаш и учителем английского языка. Художест-

венным переводом с немецкого и английского языков занимается с 2012 года. Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).
E-mail: save.us@bk.ru

ЕРМАКОВА ЮЛИЯ КОНСТАНТИНОВНА (Москва)
Студентка третьего курса Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет».
E-mail: ju-erm@mail.ru

ЗИМАН ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ (Москва)
Кандидат педагогических наук, доцент. Член Союза писателей Москвы, Союза переводчиков России. Автор учебных и учебно-методических пособий и программ, статей, рецензий, литературно-театральных композиций и инсценировок, стихотворных и прозаических переводов с английского и итальянского языков. В последние годы работал на кафедре раннего изучения иностранных языков Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. **E-mail: Lziman@yandex.ru**

КВЯТКОВСКАЯ МАЙЯ ЗАЛМАНОВНА (Санкт-Петербург)
Окончила 2-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «Французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камоэнс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). **E-mail: kvimaya@yandex.ru**

КОВАЛЁВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Москва)
Окончила РГМУ им. Н. И. Пирогова и Литинститут им. Горького. Поэт, переводчик, публицист. Работала гл. редактором ряда журналов, включая русско-японский проект «О'Генки». Член Союза писателей Москвы, руководитель секции художественного перевода СПР. Почётный член международной ассоциации «Liguria-Russia» и Русского дома в Генуе. Посол мира и доброй воли от Италии. Вице-президент Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», ведущая литгостиной «На перекрёстках миров» Клуба писателей ЦДЛ. Президент и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия) и «Степная лира» (станица Новопокровская Краснодарского края). Лауреат международной Русской премии (Чехия), Большой премии Международного литфонда им. Милана Фюшта Венгерской академии наук, премий Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, журнала «Кольцо А». Победитель Открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности». Книги стихов: «Четвертая Троя», «Кесарево сечение», «Вёрстка мира», «Орден госпитальеров», «Terra Italica», «Страна стрекоз», «Карта памяти», «Лигурийский залив», «Я сегодня нарисую крупноспелую волну», «Заосередные сады». **E-mail: ivan_belokrylov@mail.ru**

КОКОРИН ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (Чита)
Студент 4 курса историко-филологического факультета (направление подготовки «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») Забайкальского государственного университета. **E-mail: vadimkokorin2008@yandex.ru**

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)
Окончила бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». **E-mail: yek.korzhova@yandex.ru**

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)
Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны в помощь переводчику.
E-mail: **nina_markova@mail.ru**

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)
Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор семи сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языке в журналах «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: dimentionen@yahoo.dk**

ОСЬМИНИНА НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА (Москва)
Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Поэт, сценарист, переводчик, журналист. Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Узы», «Андрей Рублёв», «Вербная Русь». Печаталась во многих периодических изданиях. Избранные стихи переведены на английский, армянский и абхазский языки. Её переводы с армянского и абхазского опубликованы в антологии «Современная армянская поэзия» и др. Лауреат и дипломант международных фестивалей и поэтических конкурсов: «Генуэзский маяк» (Италия), «Степная лира» (Россия), «Поэтическая премия «Образ» (Россия), «Звезда Рождества» (Украина). Награждена медалями «За верное служение отечественной литературе», «М. Ю. Лермонтов», орденским знаком «Союз писателей России». Академик Евразийской академии телевидения и радио (ЕАТР). Сценарист и автор текстов 12 документальных фильмов. Фильмы «Отец Евгений», «Нюрнбергский процесс: вчера и завтра», «Матрона Московская» награждена призами Евразийского телефорума (Москва), Международных кинофестивалей «Победили вместе» (Украина) и «Невский Благовест» (Санкт-Петербург). Член Союза журналистов России. Работала корреспондентом, обозревателем, редактором в журналах «Работница», «Крестьянка», «Здоровье», в газете «Московский комсомолец» (шеф-редактор издания «МК-Здоровье»). Сотрудничала с журналами «Смена» и «Северные просторы». **E-mail: nadiaosminina@gmail.com**

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)
Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России, Почётный

член гамсуновского общества. Автор статей, посвященных норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета «Aftenposten», журналы «Prosa», «Forfatteren», «Nordlit») и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.
E-mail: noralauri@yahoo.com

ПАНЬКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Москва)

С отличием окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Поэт-переводчик. Автор более 60 книг переводов со славянских языков на русский. С македонского языка перевела стихи более 250 поэтов. Автор проектов: «Библиотека литературы Македонии», «Македонский роман 21 века». С 2010 года председатель РОО «Македонский культурный центр». Автор поэтических сборников: «Предзимье», «Параллельные миры», «Плеск». Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, член Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат II Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» (2010), имеет награды за перевод: им. Чехова (2011), медаль Грибоедова (2012), Золотой диплом IX Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2018) – Россия; «Золотое перо» (2010), премия им. Глигора Прличева (2011), медаль Македонской академии наук и искусств «Блаже Конеский» (2012), «Гоцева мысль» и награда за успехи в художественном творчестве «Арт Феникс» (2014), «Почётное Рациново признание» Союза писателей Македонии (2015), «Звездный македониум» Фестиваля искусств города Скопье (2016), государственная награда Медаль за заслуги перед Македонией (2019) – Македония. **E-mail: olga_pankina@hotmail.com**

ПЕРЕЯСЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

Окончил заочно Литературный институт им. А.М. Горького (семинар критики). Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных поэтов; член Международной ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной федерации журналистов; действительный член Петровской академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и дней литературы в Пхеньяне. Автор 15 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран. Член редсоветов журналов «Всерусскій соборъ» (С.-Пб), «Север» (Петрозаводск), «Донбасс» (Донецк), «Роман-журнал, XXI век» (Москва), «Десна» (Брянск), «Бийский вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), зам. главного редактора газеты «Небесный всадник» (С.-Пб), член редколлегий альманаха «День поэзии» и других изданий. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Большой литературной премии России. **E-mail: nik-mar@rambler.ru**

САГРАТЯН АШОТ АРИСТАКЕСОВИЧ [1936 – 2015]

Окончил университет им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М.

Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевел около 30 книг. В 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действит. членом АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой Пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом». Награжден медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвященный 65-летию Великой Победы. Автор поэтических переложений бессмертных шекспировских трагедий.

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода». **E-mail: detschoolakad@mail.ru**

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета ЗабГУ. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик», директор ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...», «The Songs of Joy and Sorrow». Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду…». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень …», «Волшебный мир любимых грёз», «Мой зачарованный мираж…»; «Сладкой грусти наслажденье…» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру»). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года». **E-mail: ovstelmak@mail.ru**

ФЕЛЬДМАН ЕВГЕНИЙ ДАВЫДОВИЧ (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов А. К. Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в антологии «Семь веков английской поэзии», Д. Китс «Эндимион», Р. Бернс «Былые времена», Р. Киплинг «Кабульский брод». В 2012 г. опубликованы книги: Р. Бернс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли»

(роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). «Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награждён Всероссийской общественной организацией героев, кавалеров государственных наград и лауреатов государственных премий «Трудовая доблесть России», Почетным знаком отличия «Трудовая доблесть, Россия» (2013). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Литературные переводы» (2013). **E-mail: feldman@omsk.edu**

ФЁДОРОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Чита)

Окончила филологический факультет Забайкальского государственного педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского по специальности «Романо-германская филология (английский и испанский языки)», магистратуру по программе «Литература народов зарубежных стран (на английском языке)», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской литературы. Автор и соавтор ряда литературоведческих работ в данном направлении, среди них: пособие (в соавторстве) «Мифопоэтика в литературном творчестве коренных американцев и чикано США XX–XXI веков» (ЗабГУ, Чита, 2016), раздел в монографии (в соавторстве) «Интерпретация текста» (ЗабГУ, Чита, 2019). **E-mail: katyaz@bk.ru.**

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (г. Бенавенте, Португалия)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времен»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. Подтвердила учёную степень в португальском университете. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир»; «Иностранная литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник» и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа», Фернандо Пессоа «Книга непокоя», «Поэзия Рикарду Рейша». **E-mail: renerussian@mail.ru**

ЧЕКАЛОВ ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (Ставрополь)

Доктор филологических наук, профессор, главный библиотекарь отдела литературы на иностранных языках Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Окончил Ставропольский государственный педагогический институт. Более 30 лет проработал в различных вузах. Специалист по абазинской литературе, русской литературе XX века. Автор около 250 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий: «Страницы истории абазинской литературы» (1995), «Абазинское стихосложение: истоки и становление» (2000), «Литературный пейзаж А.И. Солженицына» (2008), «А.Т. Губин: творческая биография писателя и ее художественное воплощение» (2012), «"Сюда пришел я, чтобы здесь остаться…". Страницы творческой биографии К.Л. Мхце» (2016), «Микаэль Чикатуев. Жизнь и творчество» (2018). Лауреат всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2005 года. Лауреат конкурсов «Ставропольская книга – 2009», «Ставропольская книга – 2013». Победитель Всероссийского конкурса «Литература многонациональной России и зарубежья» в номинации «За лучшую публикацию о родной литературе и принципах ее популяризации» (2018). **E-mail: chekalov58@rambler.ru**

ЧУЧИНА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)
Окончила Московский государственный педагогический институт, исторический факультет. Второе образование – Высшие курсы иностранных языков (польский) при Интуристе, гид-переводчик. Работала выпускающим редактором польской редакции на Международном московском радио (Иновещание), «Голос России». Член Союза переводчиков России. Участник международных конкурсов на лучший перевод стихов нобелевских лауреатов Ч. Милоша (2011) и В. Шимборской (2014), «Поэтическое определение перевода» (2016). Дипломант мастер-класса Н. Горбаневской (Вроцлав, 2012 г.). Публикации в журналах «Мир перевода» № 35, 2016 г, «Переводчик» № 17, 2017 г., в сборнике «Антология современной польской и российской поэзии» (2017 г., Польша). **E-mail: allach@sodis.ru**

ШВЕДОВА НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА (Москва)
С отличием окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Профессиональный литературовед, поэт, переводчик художественной литературы, специалист по словацкой поэзии. Кандидат филологических наук. 27 лет проработала в Институте славяноведения РАН. Имеет около 150 научных публикаций, в том числе монографии «Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX – первая половина XX в.)», «”Чудесные искры”: поэзия словацкого надреализма: 1930-е –1960-е гг.». Стихи публикует с 1999 г., вышло 8 стихотворных сборников, среди которых «Вихрь согласия», «Кружевная решётка», «Золотой шар», «Не скупясь на любовь», публикована книга пьес и эссе «Чудо артистизма», повесть «Сотрудничество».

ЩЕТНИКОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (Новосибирск)
Окончил физический факультет Новосибирского государственного университета. Автор более ста книг и статей по истории точных наук и прикладной эпистемологии; более 300 видеороликов по физике в проекте GetAClass. Инициатор и организатор ряда проектов в области дополнительного образования. Поэт, переводчик. Переводы с английского (Байрон, Шелли, Китс, Уитмен, Уильямс, Стивенс, Ферлингетти, Керуак, Гинзберг, Корсо, Снайдер, Буковски), испанского (Борхес, Хименес, Неруда, Лорка), украинского (Андрухович, Жадан, Пасичник), польского (Мицкевич, Милош, Шимборская), древнегреческого (Аристотель, Прокл, Евклид, Гемин, Клеомед и др.) языков. **E-mail: schetnikov@ngs.ru**

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)
Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает начальником отдела международного сотрудничества ЗабГУ. Действительный член Союза переводчиков России, автор и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова.
E-mail: intdep@mail.ru

Научное издание

Переводчик

Выпуск 20

Печатается с оригинал-макета автора
при участии издательства

Главный редактор ***О. В. Стельмак***

Подписано в печать 22.05.2020.
Формат 60x84/16. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.
Усл.печ.л. 15,9. Уч.-изд.л. 11,8. Заказ № 20077.
Печать по требованию.

ВГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30